

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

В.М. Лудыкова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС
КОМИ ЯЗЫКА (ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)**

Учебное пособие

Текстовое учебное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ имени Питирима Сорокина
2015

ISBN 978-5-87661-323-3

- © Лудыкова В.М., 2015
- © ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2015
- © Оформление. Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2015

УДК 81.367.332

ББК 81.2-2

Л82

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за организацией-разработчиком.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Издается по постановлению научно-методического совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»*

Рецензенты:

А.Г. Мусанов, канд. филол. наук, зав. сектором языка ИЯЛИ КНЦ УрО РАН;
Центр развития этнокультурного образования ГОУ ДПО КРИРО.

Лудыкова, В.М.

Л82 Функционально-коммуникативный синтаксис коми языка (простое предложение) [Электронный ресурс] : учебное пособие : текстовое учебное электронное издание на компакт-диске / В.М. Лудыкова ; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». – Элек-трон. текстовые дан. (1,0 Мб) – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2015. – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III ; 256 Мб RAM ; не менее 1,5 Гб на винчестере ; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2) ; Microsoft Office 2003 и выше ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб ; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше ; мышь. – Загл. с титул. экрана. ISBN 978-5-87661-323-3.

В учебном пособии рассматриваются синтаксические структуры коми языка с точки зрения их функций в процессе коммуникации. Особое внимание уделено функциям глагола, прилагательного, выражению предикативов, их функций, инфинитивным предложениям, модальности, типам предложений по целеустановке, коммуникативным функциям обращения.

Пособие предназначено для студентов, изучающим синтаксис коми языка.

УДК 81.367.332

ББК 81.2-2

Содержание

Введение.....	4
Синтаксис – организующий центр грамматики.....	5
Семантико-синтаксические основания классификации глаголов	6
Имя прилагательное в системе признаков слов	16
Субъект предложения в коми языке	53
Понятие предиката, его функций, типов формального выражения	59
Инфинитивные предложения.....	63
Модальность	68
Типы предложений по целеустановке	84
Коммуникативные функции обращения	90
Практические задания (уджъяс)	94
Библиографический список	108

Введение

При подготовке магистра по филологии большая роль отводится лингвистическим дисциплинам, которые расширяют и углубляют лингвистический кругозор, дают представление о принципах и методах лингвистических наблюдений и лингвистического анализа. Особое место среди них занимает функционально-коммуникативный синтаксис, который призван описать синтаксические конструкции коми языка с точки зрения выполняемых ими функций в речи, представить специфику грамматического строя коми языка в единстве структурно-системного и функционального подходов.

В работе сделана попытка показать синтаксические единицы коми языка с точки зрения их функций в процессе коммуникации, в единстве их формы и значения, предпринята попытка показать, что каждое предложение строится в соответствии с определенными коммуникативными задачами, в определенных условиях, произнесено или написано в конкретном тексте.

Книга «Функционально-коммуникативный синтаксис коми языка (простое предложение)» представляет собой первое учебное пособие для филологов, изучающих коми язык. Это обстоятельство, а также ограниченный объем пособия обусловили во многом как отбор проблем и вопросов для их освещения, так и подбор примеров-иллюстраций, практических заданий. В силу ограниченного объема включает лишь некоторые аспекты функционально-коммуникативного синтаксиса.

Пособие предназначено, прежде всего, для студентов, изучающих коми и другие финно-угорские языки, оно может быть использовано и преподавателями различных образовательных учреждений, специалистами, занимающимися изучением синтаксиса коми / финно-угорских языков, а также синтаксической типологии, контрастивной грамматики.

Синтаксис – организующий центр грамматики

Язык служит для формирования и выражения мысли, является средством общения людей. При помощи языка человек получает новые знания и передаёт свои знания об окружающем мире другим, сообщает о своих чувствах и желаниях, жизни человека и общества, природы, получает представление о предметах и их качествах, свойствах. С его помощью человек выражает своё отношение к фактам, событиям, предметам и т.п., побуждает собеседников к действию. Коммуникативную, главнейшую, функцию любого языка выполняет прежде всего синтаксис. Коммуникативность является важнейшим свойством синтаксиса. Каждая синтаксическая единица существует для передачи или получения информации, «в синтаксисе нет конструкций, не предназначенных участвовать тем или иным способом в процессе коммуникации, а коммуникативная функция речи осуществляется не иначе как посредством синтаксических конструкций – носителей выражаемого содержания» (Золотова 2001: 4). Синтаксис занимает особое место в грамматической структуре любого языка, так как именно на уровне синтаксиса формируется связная речь. Основной единицей синтаксиса является предложение – важнейшая коммуникативная единица, отображающая явления действительности. «Общаясь, мы передаем друг другу сообщения, задаем вопросы, высказываем суждения о каких-либо явлениях действительности, выражаем свои чувства, просим, приказываем, оцениваем и т.д. Из всех единиц языка только предложение обладает способностью служить инструментом осуществления коммуникативных актов. Только предложение обладает свойством выражать суждение о чем-либо, которое, будучи соотнесено с действительностью, может быть оценено как истинное или ложное» (Кобозева 2000: 198). В коммуникативном аспекте предложение рассматривается в первую очередь как носитель актуальной для говорящего информации, с целью сообщения которой и высказывается коммуникант. Предложение способно отображать действительную ситуацию, состояние, оценивать их, оно служит единицей общения. В семантическом аспекте предложение рассматривается как обо-

значение и истолкование какой-либо ситуации. Члены предложения информируют о роли отдельных элементов ситуации в данном событии. Предложение дает информацию о реальном мире, оценку, субъективную информацию, которая связана с позицией говорящего, с его мнением о событиях, фактах окружающей действительности, с моментом и условиями общения.

Предложение как языковая единица синтаксического уровня реализуется в высказывании как речевая единица. Оно обладает готовой внутренней структурой, характеризуется обобщенным значением, воспроизводимостью в речевой деятельности. Высказывание же является продуктом речи. Каждый раз создается заново, определяется конкретными условиями речевого акта. В процессе коммуникации мы имеем дело с высказываниями, которые строятся на основе предложений, являясь их коммуникативными вариантами. В процессе коммуникации предложение (как и другие языковые единицы) выступает в одном из своих речевых вариантов и претерпевает определённые изменения (формальные и семантические), превращаясь в высказывание (Левицкий 2002: 232). Высказывание образует коммуникативную основу языка, на его базе создаются сверхфразовые единства и текст. Конкретные высказывания строятся по языковой модели, структуре, которая и является предложением.

Семантико-синтаксические основания классификации глаголов

Глагол выражает действие, бытие, состояние, отношение, является предикатным словом, образующим семантико-структурный центр предложения. С ним непосредственно связаны субстантивные компоненты, обозначающие субъект, объект, орудие и т.п. (актанты), несубстантивные обстоятельства, выражаемые наречиями (сирконстанты), и компоненты именного сказуемого (предикативы).

Глагол образует глагольные предложения, является носителем и выразителем модальности, времени, лица. В соответствии со значением глагола определяется необходимость наличия субъекта, конкретизируется значение субъекта, распространителей предложения.

По семантико-грамматической самостоятельности различаются **служебные и самостоятельные (полнозначительные и неполно-**

знаменательные) глаголы. **Самостоятельные (полнознаменательные)** глаголы – это глаголы с полноценным лексическим содержанием, они автономно выполняют функцию главного члена предложения, образуют семантическое и грамматическое ядро предложения.

Глаголы с полноценным лексическим значением «либо называют действие предмета, либо в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства» (Золотова 2001: 159), поэтому их прежде всего подразделяют на акциональные и неакциональные.

Акциональные глаголы выражают активное действие, совершаемое, как правило, лицом, живым существом. Для выполнения активного действия должны быть приложены определенные усилия субъекта.

Такие глаголы выражают **физические действия** лица. Субъект при них активно действующее лицо: *Бать нес кералё* «Отец рубит дрова»; *Нывка джодж мыськё* «Девочка полы моет». При таких глаголах используется объект, на который переходит действие, в высказывании могут быть названы также и орудие, средство действия (*нес керавны черён* «колоть дрова топором», *турунсё ытшыны косаён* «косить траву косой»).

При глаголах **речемыслительного** действия должны быть использованы адресат действия и синтаксема со значением делиберата (содержания речемыслительного акта) (*челядьлы висътавны мойд* «рассказать детям сказку», *юёртны ёртъяслы выльтор* «сообщить друзьям новость»; *мёвпавны тэ йылысь* «думать о тебе», *чолёмавны чойёс праздникён* «поздравить сестру с праздником»). *Тёрыт укомын найё сёрнитісны секретаркёд вель дыр* (Г. Фёдоров) «Вчера в укоме они разговаривали с секретарём довольно долго»; *Лиза эз вочавидз* (В. Юхнин) «Лиза не ответила».

При глаголах **движения, перемещения**, моторно-кратных и моторно-некратных бывают предметные ориентиры (исходная и конечная точка движения предмета, путь движения, а также предмет и способ движения): *Съезд вылё унаён локтёмаёсь* (Г. Фёдоров) «На съезд многие приехали»; *Мельнича дорсянь котёртісны кутшёмкё йёз* (Г. Фёдоров) «Со стороны мельницы бежали какие-то люди».

При глаголах **эмоционального действия**, наблюдаемого в зависимости от активности внешнего проявления, используются слова, указывающие на объект (*скёравны тэ вылё* «сердиться на тебя», *радейта чойёс* «люблю сестру», *нимкодясьны челядьён* «радоваться детьми»).

Глаголы **интерсубъектного или социативного** действия сопровождаются компонентами со значением совместного субъекта и цели-основания либо делиберата (при ментальном действии) (Золотова 2001: 163) (*вензыны ёртъяскөд небөг йылысь*).

Акциональные глаголы выражают **физиологическое действие**: *ме сёйи нин* «я уже поел», *ми тшай юим* «мы чай пили».

Значения существования предметов, их отношений, свойств, состояний выражают **неакциональные глаголы**.

Глаголы локализирующего значения указывают на пространственное положение предмета, на его локализованное наличие. В предложении они требуют именной компонент с локативным значением. В этой роли выступают имена существительные в форме внутреннеместных, внешнеместных падежей, именные слова с пространственными послелогоми: *Вёлыс сулалё керка дорын* «Лошадь стоит возле дома»; *Паськёмыс өшалё вешалкаын* «Одежда висит на вешалке».

Особое место в глагольной системе занимают **статуальные глаголы**, обозначающие состояние предмета или лица, изменение их состояния: *Дзоридзалё льём* «Черемуха цветёт»; *Пувыйс воис* «Брусника созрела»; *Лымйыс сылө* «Снег тает»; *Челядь быдмёны* «Дети растут»; *Пöч узьö* «Бабушка спит».

Близки к статуальным глаголы **функтивные**, обозначающие не деятельность, а функционирование как способ существования или осуществления назначения предмета. К функтивным примыкают также глаголы, выражающие звуковое, цветовое или световое, обонятельное проявление существования или функционирования предмета (Золотова 2001: 162): *Пöльтö тöв* «Дует ветер»; *Пурт вундö* «Нож режет».

Полнозначные глаголы самостоятельно выполняют роль сказуемого – одного из главных членов предложения.

Особое место в системе глагола занимают экзистенциальные глаголы, поддерживающие утверждение наличия, присутствия названных лиц, предметов, в некотором пространстве либо осуществления, восприятия явлений природы или каких-то состояний, характеризующих среду, место (Золотова и др. 1998: 68). Такими являются глаголы *вöвны* «быть» (*вöлі* «был», *эм* «есть»), *овлыны* «бывать», выступающие в качестве самостоятельного предиката бытийных предложений, которые утверждают существование в реальной действительности некоторых объектов: *Сиктын эм школа* «В селе есть школа»; *Сиктын вöлі школа* «В селе была школа»; *Вöлі ар* «Была осень»; *Арын овлöны шоныд лунъяс*

«Осенью бывают тёплые дни». В высказываниях с этими глаголами используются синтаксемы с локативным или темпоральным значением. Названные глаголы способны также выражать и посессивные (принадлежностные) отношения. В высказываниях с таким значением необходимы именные компоненты, обозначающие субъект и объект: *Менам эм чой* «У меня есть сестра»; *Воклөн вöлі пон* «У брата была собака».

Каузативные глаголы означают воздействие на лицо или предмет, «в результате которого лицо совершает действие, испытывает состояния, предмет изменяет свое состояние, качество, местоположение» (Золотова 2001: 166), указывают на объектные отношения, обозначают, что определённое действие, выраженное глаголом, совершает не лицо, названное в подлежащем, а объект. Субъект просит, заставляет выполнить действие кого-то другого или самого себя: *Кык во чöж пукöдисны Архангельскöй тюрмаясын* (Я. Рочев) «В течение двух лет заставили сидеть в Архангельских тюрьмах»; *И Доронин сэсся унмовсьöдис асьсö* (Г. Юшков) «И Доронин потом заставил себя уснуть»; *Чеччöдис асьсö Ревекка* (Г. Юшков) «Ревекка заставила себя встать».

Императивная форма глагола имеет лишь формы 2-го лица и реализует значение будущего времени. При помощи императива субъект речи выражает просьбу, совет, предложение, требование совершить действие, его разрешение или запрет. Императив предполагает, что исполнителем действия будет собеседник, адресат субъекта речи. Форма, выражающая приглашение, призыв к совместному действию, маркируется суффиксом *-амöй, -ам*: *Мунамöй* «Пойдемте», или эта форма используется в сочетании с частицей *вай, вайöй* «давай, давайте»: *Вай мунамöй* «Давайте пойдемте». В случае выражения косвенного побуждения используется частица *мед* «пусть»: *Мед сийö мунö* «Пусть он уйдет».

Служебные (неполнозначенательные) характеризуются десемантизацией – утратой (полной или частичной) собственного лексического значения и неспособностью выступать в роли самостоятельного компонента предложения. Однако они являются необходимыми для выражения многих грамматических значений. Различаются неполнозначные глаголы, не входящие в морфологическую форму глагола: *Поводдяыс вöлі шоныд* «Погода была теплой», и неполнозначные глаголы, являющиеся частью морфологической формы полнозначного глагола: *лымйыс вöлі сылöма* «снег растаял»; *найö вöліны сөйöмадсь* «они поели»; *лымйыс кутас сывны* «снег будет таять» и т.д.

Первые не имеют полноценного лексического значения, образуют со словом, имеющим полноценное вещественное содержание, единый синтаксический компонент, выполняют функцию вспомогательной части. Среди них выделяются: а) глаголы, выступающие в качестве связки, вводя предикатив к субъекту (*Луныс лои шоныд* «День стал тёплым»); б) глаголы, образующие составное сказуемое с инфинитивом. Выделяется группа глаголов с **модальным значением** (*кӱсйыны* «хотеть, желать» *вермыны* «мочь» *зільны* «стараться» и т.п.), а также группа глаголов с **фазисным значением** (*заводитны и пондыны* «начинать», *дугдыны и помавны* «закончить, заканчивать» и т.п.).

Вспомогательные компоненты сообщают о модальном и темпоральном значении сказуемого, соотносят действие к субъекту, служат для выражения категорий лица, числа, наклонения. Они выражают отношение субъекта к основному действию. Основной компонент, в котором содержится вещественное значение сказуемого, представляет собой инфинитив или (реже) деепричастие.

В реальной действительности любое действие, любой процесс имеет определенные стадии его совершения. Оно может в определённое время начинаться, продолжаться или кончаться. На начало совершения действия, выраженного инфинитивом, указывают глаголы начинания: *заводитны* «начинать», *заводитлыны* «начинать ненадолго что-либо делать, затем прекратить», *кутны* «начинать что-либо совершать», *кутны и кутчысьны* «начинать что-либо делать», *босьтчыны и босьтсьыны* «начинать, приниматься что-либо делать с большим усилием, старанием, желанием», *пондыны* «начинать», *мӱдны* «начинать», *мӱдлыны* «начинать ненадолго»: *Федя заводитіс лыддыны письмо* (Я. Рочев) «Федя начал читать письмо»; *Света тэрмасьмӱн пондіс висьтавны аслас мог йылысь* (И. Торопов) «Света торопливо начала рассказывать о своей задаче»; *Геня перйис няньтор да мӱдіс сӱйны* (Я. Рочев) «Гена достал кусочек хлеба и начал есть». На окончание совершения какого-либо действия указывают вспомогательные глаголы *дугдыны* «перестать, прекращать», *дугдывлыны* «перестать на некоторое время», *эштӱдны* «закончить», *помавны* «кончать, закончить, окончить, завершить». Они лишены вещественного значения, указывают на прекращение выполнения действия: *Пон дугдіс увтны* (Я. Рочев) «Собака перестала лаять»; *Колхозса председатель сы вӱсна бригаднӱй собрание вылӱ дугдіс во-лывлыны* (П. Шахов) «Председатель колхоза из-за этого на бригадные собрания перестал приходить».

Вспомогательные глаголы выражают и значение **модальности**. Выделяются следующие основные типы модальных значений таких глаголов: возможность, долженствование, волеизъявление, оценка обычности действия, субъективно-эмоциональная оценка. На эти значения указывают модальные глаголы *вермыны* «мочь, быть в состоянии», *кужны* «уметь», *сяммыны* «уметь», *эштыны* «успевать», *вевъявны* «успевать», *чуймыны* «догадываться, уметь», *төдны* «знать», *удитны* «успеть», *велөдчыны* «учиться», *гөгөрвоны* «догадываться (букв. понимать)», *путьмыны* «догадываться, уметь», *мөдөдчыны* «собираться, готовиться, намереваться что-либо сделать», *лөсьөдчыны* «готовиться», *зільны* «стараться», *тэрмасьны* «торопиться», *вөзйысьны* «напрашиваться», *видлыны* «пробовать», *видзөдны* «намереваться (букв. смотреть)», *видзөдчыны* «подсматривать» в значении «собираться, намереваться, готовиться», *кыйөдчыны* «собираться, намереваться что-либо сделать (букв. подсматривать)», *пырөдчыны* «стараться (букв. углубляться)», *тэрмышсьыны* «торопиться», *выныштчыны* «стараться», *сёрмыны* «опаздывать», *артавны* «рассчитывать что-либо сделать», *дасьтысьны* «готовиться», *лөсьөдчыны* «готовиться», а также *чайтны* «чаять, надеяться», *собирайтчыны* «собираться», *старайтчыны* «стараться», *надейтчыны* «надеяться», *велавны* «привыкать», *ышмыны* «привыкать», *привыкнитны* «привыкнуть», *радейтны* «любить», *дышмыны* «разлениться», *лысьтны* «сметь», *повны* «бояться», *яндысьны* «стесняться», *вежавидзны* «бояться», *дөзмыны* «раздражаться, злиться, сердиться», *мудзны* «уоставать», *грөзитчыны* «угрожать», *смелмөдчыны* «осмелиться», *любитны* «любить» и т.п.: *Өні сэсся ті верманныд мунны* (В. Савин) «Сейчас вы можете идти»; *Кодзувкотъясыд кужёны бөрйыны аслыныс местасө* (И. Торопов) «Муравьи умеют выбирать себе место»; *Сөмын больгыны сяммө* (И. Белых) «Только болтать умеет»; *Никодим радейтө шмонитныйд* (В. Безносиков) «Никодим любит шутить»; *Уткин бөрря кадө полис волывлыны тесьыс ордө* (Г. Фёдоров) «Уткин в последнее время боялся приходить к тестю». (О значении модальных глаголов см. раздел «Модальность».)

Имеется группа неполнозначных глаголов, сочетающихся со словами именных категорий, из которых глаголы *вөвны* «быть», *лоны* «стать, становиться» обозначают реальное существование или становление, возникновение качества, состояния субъекта высказывания. Глагол *вөвны* не выражает никаких субъективных модальных оттенков, обозначает фактически существующие отношения признака к субъекту. Субъ-

ектом при таких предикатах являются неодушевленные предметы – природные объекты и артефакты, одушевленные предметы: *Кольём гождёмьс мян лёк да кёдыд вёлі* (Г. Федоров) «Прошлое лето у нас плохое и холодное было»; *Асылыс вёлі пужья* (В. Юхнин) «Утром был иней (букв. утро было инеевое)». Связка *вёвны* «быть» в форме I прошедшего времени указывает на то, что признак субъекту был характерен до момента речи, и об этом достоверно известно субъекту речи, он был очевидцем существования, наличия у референта-подлежащего качества, свойства, состояния до момента речи; говорящий при помощи этого связочного глагола лишь констатирует о наличии признака в прошлом, не выражая своего отношения к признаку, имевшему место в действительности: *Митрей вёлі долыд* (Ю. Васютов) «Дмитрий был веселый»; *Нопыс сьлөн вёлі кокни* (С. Тимушев) «Рюкзак у него был легкий»; *Рытыс вёлі шоныд да лёнь* (И. Коданев) «Вечер был теплый и тихий». В конструкциях с глаголом *вёвны* «быть» в форме II прошедшего времени сообщается о признаке, (а) имевшем место в прошлом, о котором говорящий узнает из каких-либо косвенных источников (на это значение может указывать частица *нө* «мол»), (б) о признаке референта-подлежащего, который для коммуниканта оказывается в определенной степени неожиданным, в этом случае характеристика, оценка предмета/лица, названного в подлежащем, коммуникантом дается на основе наблюдений, умозаключений, по каким-либо поступкам, действиям, словам. Основание оценки может выражаться имплицитно или эксплицитно в контексте: (а) *Зэв нө тай ыкша вёлёма, некодлы кывйё сетчытём* (Г. Юшков) «Мол, (он) очень высокомерным был, ни к кому не прислушивался»; (б) *Дорысьёмсьыд, Ёгор Семёнович... Сё насибё... Сьёлёмыд бур вёлёма тэнад* (И. Изъюров) «За то, что защитил (ты), Егор Семенович... Большое (букв. сто) спасибо... Сердце, оказывается, у тебя доброе». Особенность синтаксических структур с прилагательными в роли предиката в сочетании со связкой *вёвны* «быть» в форме II прошедшего времени заключается в том, что в них субъект речи никогда не совпадает с субъектом высказывания – носителем признака, объектом оценки. В них невозможно подлежащее, выраженное личными местоимениями (*ме* «я», *ми* «мы»), говорящий субъект достоверно знает о своих качествах, для него не характерны неожиданные собственные качества, и, как правило, сам себя не оценивает. Связка *вёвны* употребляется лишь в форме 2 и 3 л. Она в форме I прошедшего времени возможна и в форме 1 л., в некоторых случаях говорящий субъект может

совпадать с субъектом – носителем признака: *Школаад ме писькӧс вӧлі* (А. Попов) «В школе я пытливым был»; *Ме сэн чертӧм вӧлі* (Г. Юшков) «Я там был без топора (букв. безтопорный)». В случае совпадения субъекта речи и субъекта высказывания связка *вӧвны* в форме II прошедшего времени маркируется формантом *-сь*, посредством которого происходит транспозиция личного глагола в безличный, не допускающий при себе номинативной формы; при нем субъект выражается генитивной формой. В таких конструкциях сообщается, что определенными качествами субъект обладал в прошлом независимо от его воли, желания. С помощью подобных предикатов коммуникант как бы отстраняется, отдаляется от названных в предикате качеств, свойств. Субъект пассивный: *Господи, менам йӧй жӧ вӧвсьӧма* (Б. Шахов) «Господи, глупым же я был (букв. у меня глупым было)»; *А ті нӧ мянланьӧ жӧ мунысь? Шуда на тай менам вӧвсьӧма* (А. Попов) «А вы тоже в нашу сторону идете? Оказывается, я еще счастливая (букв. счастливая у меня было)». Однако при приписывании качеств говорящим собеседнику или третьему лицу – неучастнику речевой ситуации, используются личные конструкции с предикатом, выраженным прилагательным и связкой *вӧвны* в личной форме и в форме II прошедшего времени: *йӧй тай тэ вӧлӧмыд* «глупым ты был», *йӧй тай сійӧ вӧлӧма* «глупым он был» и т.п.

С целью выполнения определенных коммуникативных задач субъекта речи связка *вӧвны* «быть» в прошедшем времени может принимать маркер *-л*. С его помощью коммуникант подчеркивает удаленность признака во времени и контраст между картиной «настоящего», совпадающего с моментом речи и историческим прошлым, который может быть имплицитно выраженным. Качество, состояние, оценка в историческом прошлом приписывается, как правило, третьему лицу, неодушевленному предмету, редко – собеседнику, участнику коммуникации: *Зіль да киподтуя вӧвлі Микулайлӧн батъыс* (Н. Куратова) «Трудолюбивым и мастеровым был отец Микулая»; *Ок и турунаӧсь вӧвліны Эжва пӧлӧнса ойдлана видзьасыс* (В. Напалков) «Ох и много травы было на заливных лугах (букв. травянистые были луга) вдоль Вычегды».

Глагол *овлыны* «бывать» способствует выражению не постоянного признака субъекта высказывания, а преходящего, во многом «случайного» признака, который проявляется эпизодически, в течение определенного отрезка времени. Наличие в высказывании этого глагола свидетельствует о том, что названный в предикате признак, существование которого ограничено во времени, представляет собой отклонение от не-

которой нормы. Выражать значение эпизодичности, временности способствуют темпоральные обстоятельства, которые при данном глаголе бывают облигаторными. При их отсутствии это значение передается имплицитно, в окружающем контексте также могут быть синтаксемы, косвенно ограничивающие время проявления признака. Особенность семантики глагола *овлыны* «бывать» ограничивает и свободу сочетаемости с ним имен прилагательных. В качестве предикативной части, как правило, выступают адъективы со значением состояния (физического, эмоционального, состояния природы и т.п.), некоторые лексемы со значением внутреннего свойства. С этим глаголом не образуют единого предиката прилагательные, обозначающие постоянные свойства предметов, свойства, которые являются нормой для субъекта, не может быть таких конструкций, как **саыс сьöд овлывлö* «*сажа бывает черной», **лымйыс еджыд овлывлö* «*снег белым бывает». Лишь в тех случаях, когда предмет в силу каких-либо причин, внешних обстоятельств принимает не свойственный ему признак, признак, не являющийся нормой, а исключением, возможно сочетание подобных прилагательных с глаголом *овлыны*: *Карын тулыснас лымйыс няйтысла сьöд овлö* «В городе весной снег из-за грязи черный бывает».

Неполнозначный глагол *лоны* «стать, становиться» обозначает возникновение, становление, появление свойства, качества, состояния предмета/лица. При нем облигаторной является именная часть, позицию которой преимущественно занимают имена существительные в форме инструменталю, дескриптивные прилагательные и прилагательные состояния в форме номинатива или инструменталю, достаточно редки оценочные адъективы. Глагол *лоны* в форме I прошедшего времени обозначает, что появление качества предмета произошло до момента речи, о чем достоверно известно субъекту речи, возможно он был очевидцем этого становления, во всех случаях говорящий приписывает качество предмету лицу с уверенностью: *Выль керка лои пача* (Н. Куратова) «В новом доме печка появилась (букв. дом печной стал)»; *Ар помыс лои кузь, гажтöм* (И. Изъюров) «Конец осени стал длинным, мрачным». В форме перфекта он указывает на то, что говорящий не был очевидцем становления признака. Перед субъектом речи признак представлен как результат: *Зэв тай öни сёрниа лоöмыд* (Ю. Васютов) «Очень уж сейчас разговорчивым стал ты»; *Пожöмыс лоöма ещö на кызджык да джуджыдджык* (И. Коданев). В форме настоящего времени этот глагол соотносит становление признака с моментом речи: *А зэрыс тай ныр*

кӧдзыдджык и кӧдзыдджык лоӧ (И. Торопов) «А дождь все холоднее и холоднее становится».

Если для говорящего является важным сообщить о том, что состояние остается без изменения, признак предмета сохраняется, продолжает существовать без изменения, то актуальным будет использование с прилагательным глагола *кольны* «оставаться»: *Чикыш Марфа долыда серӧктӧс. Синъясыс жӧ колины скӧрӧсь* (А. Попов) «Чикыш Марфа весело рассмеялась. Глаза же остались злыми»; *Дзугыль и коли сӧсся Ӧртяыс, мунны бӧр чукӧстӧсны Васькасӧ да* (Г. Юшков) «Печальная и осталась Ортя, потому что Ваську окликнули обратно уйти». С этим глаголом не сочетаются такие прилагательные, как *пӧт* «сытый», *мудз* «усталый» и т.п.: **мудз коли* «*остался усталый». Из дескриптивных прилагательных со связочным глаголом *кольны* «оставаться» единый предикат образуют лишь те, которые выражают признак по необладанию, отсутствию у субъекта чего-либо, кого-либо важного, нужного: *Медтыкӧ эськӧ и комиыслы эз ковмы норасьны мӧдысь, вӧртӧмӧсь пӧ колим* (Г. Юшков) «Чтобы в другой раз не пришлось жаловаться коми, мол, остались без леса (букв. безлесые)».

Глагол *кольны* «оставаться» шире употребляется с существительными в роли присвяточной части, чем с прилагательными: *Томӧн дӧваӧн коли* (Г. Юшков) «Молодой вдовой осталась»; *Ачыс сӧйӧ куим арӧсӧн коли батьтӧг* (Г. Федоров) «Сама (она) с трех лет осталась без отца»; *Став Печора возыс и Эжва йылыс няньтӧг кольӧны* (Г. Юшков) «Весь бассейн Печоры и верховья Вычегды остались без хлеба».

Связочный глагол *шусьыны, висьтасьны* «называться» указывает на то какой, признак приписывается самим субъектом высказывания: *Мун, мун Парчаас, он кут каитчыны. Дерт, эськӧ, карса тай шусян да* (Н. Куратова) «Поезжай, поезжай в Парч, не будешь раскаиваться. Хотя, конечно, городским называешься». Предикат, состоящий из связки *кажитчыны* «казаться» и прилагательного, имеет модальное значение. В нем выражается не реальный, а в силу определенных причин, обстоятельств кажущийся, видимый признак предмета или лица, он также обозначает внешнее впечатление о признаке. Признак мыслится как зависимый от внешнего восприятия. Предикат указывает лишь на мнение субъекта речи, отражает субъективный характер восприятия признака. Субъективность, неадекватность восприятия признака нередко объясняются его каузированностью внешними условиями (условиями вос-

приятія) (Золотова и др. 1998: 297). Причины, обстоятельства, способствующие субъективному восприятию признака, обычно называются в высказывании, контексте. При отсутствии их эксплицитного выражения они определяются речевой ситуацией: *Ольокан öni võрын уджалö, и сытöг колльöдöм луньясыс Дарьялы кажитчöны зэв кузьöсь* (Г. Федоров) «Сейчас Александр в лесу работает, и проведенные без него дни Дарье кажутся очень длинными (букв. длинные)»; *Первойысьтö тöдтöм местаясад гажтöмкодь. И туйыс кузь кажитчö* (Н. Куратова) «В первый раз в незнакомых местах мрачновато. И дорога длинной (букв. длинная) кажется».

Имя прилагательное в системе признаков слов

Важную роль в формировании коммуникативно-синтаксической структуры предложения-высказывания занимают имена прилагательные, предназначенные для выражения различных качеств, свойств предметов окружающей действительности. В любом языке имеются субстантивные слова, называющие реально существующие предметы, и классы слов, выражающих их признаки. Признаковые и предметные слова различаются и своей функцией. Предметные имена выполняют прежде всего номинативную и классифицирующую функцию, а глаголы и прилагательные «специализируются на коммуникативной и речемыслительной функциях, выражая другую главную дихотомию – «старого и нового», «темы и ремы», «манифестируемых в синтагмах и предложениях» (Уфимцева 2002: 198). Именем **прилагательным** является часть речи, выражающая непроцессуальные признаки предметов. Непроцессуальный признак – это любой признак (кроме глагольного), любое свойство, по которым предметы различаются между собой или по которым можно объединить предметы. Прилагательное обладает свойством индивидуализации предмета. Оно называет такой признак, который является относительно постоянным, обладает условной устойчивостью. Признаки, называемые прилагательным, не указывают на изменение, развитие предметов на определенном отрезке временной оси. Это и отличает прилагательные от глаголов, также являющихся признаковыми словами. Прилагательные и глаголы объединяет их признаковая функция, они специализированы в этой функции, оба являются предикативными словами, образуют вершину предложения.

Однако прилагательные и глаголы отличаются друг от друга. Признаки, обозначаемые прилагательными, стабильные, постоянные, характерные. Глаголы же выражают признаки временные, переменные, нехарактерные, указывают на признаки, изменяющиеся, развивающиеся во времени. Указание на непроцессуальность признака или свойства позволяет отграничивать прилагательные от глагольных форм, например от причастий, которые также обозначают признак, но развивающийся, процессный, указывающий на признак через действие. От прилагательных следует различать и слова, выражающие физическое или психическое состояние человека, живого существа, состояние природы, окружающей среды, являющиеся главным членом безличных конструкций. Основу семантики прилагательных составляет понятие качества. Признаки свойственны только предметам, явлениям объективной действительности, они не могут существовать вне его носителя, поэтому прилагательное вне сочетания с существительным не употребляется. В речи адъектив функционирует как слово, поясняющее, определяющее существительное. Выступать в качестве уточняющего слова является важной особенностью прилагательных и важной чертой, отличающей адъективы от субстантивных слов. Значение прилагательного самым тесным образом связано со значением существительного, как и значение предметного имени связано со значением прилагательного. Хотя в речи существительное может функционировать автономно, однако при распространении происходит конкретизация его значения, объем понятия сужается. В любой речевой ситуации значение каждого предмета, названного в субстантивном слове, в сочетании с прилагательным является точным и конкретным: *ыджыд ну* «большое дерево», *веж ну* «зеленое дерево», *лыска ну* «хвойное дерево», *пöрысь ну* «старое дерево», *кос ну* «сухое дерево», *керкадорса ну* «дерево, растущее возле дома» и т.п. Обозначаемый прилагательным, как правило, обобщенный, широкий признак также конкретизируется, актуализируется. Во всех случаях в сочетании с существительными значение прилагательного является конкретным: *гöрд чери* «красная рыба», *гöрд шондi* «красное солнце», *гöрд чужöм* «красное лицо», *гöрд сэтöр* «красная смородина», *гöрд нув* «красная брусника», *гöрд öмидз* «красная малина», *гöрд кымöр* «красное облако» и т.п.

Понятие признаков прилагательного понимается достаточно широко. Оно включает все то, чем один предмет отличается от другого, а также то, в чем состоит их сходство, например, есть два белых цветка, но один

из них большой, а другой маленький: *ыджыд еджыд дзоридз* «большой белый цветок», *ичёт еджыд дзоридз* «маленький белый цветок». Прилагательное *еджыд* «белый» указывает на сходный признак, *ыджыд* «большой» и *ичёт* «маленький» – на отличительные признаки, и напротив, *лым* «снег», *дзоридз* «цветок», *кабала* «бумага», *йöv* «молоко», *чужём* «лицо» и т.п. – это разные предметы и вещества, однако у них может быть одинаковый признак по цвету: *еджыд лым*, *еджыд дзоридз*, *еджыд кабала*, *еджыд чужём* и т.п.

Прилагательные подразделяются на **полнознаменательные** и **неполнознаменательные**. **Полнознаменательные** могут называть объективные (диктумные) признаки, характерные для предметов, существующие безотносительно к говорящему субъекту: *еджыд лым* «белый снег», *гöгрöс пызан* «круглый стол». Эти признаки могут быть наблюдаемыми: *гöрд дзоридз* «красный цветок», *сöстём ю* «чистая река», и ненаблюдаемыми (информативными): *отка ни* «единственный сын». Полнознаменательные прилагательные способны называть и субъективные (модусные) признаки, среди которых выделяются наблюдаемые: *шог ныв* «грустная девочка» и ненаблюдаемые *бур книга* «хорошая книга». Неполнознаменательные прилагательные выражают модальные значения: *дась отсавны* «готов помочь», *рад отсавны* «рад помочь», *должен отсавны* «должен помочь», *гöтов отсавны* «готов помочь».

Прилагательные полифункциональны. В предложении они выполняют две основные синтаксические функции – атрибутивную (в том числе обособленного и предикативного определения) и предикативную. Конкретная синтаксическая функция определяется порядком слов. Особенность коми прилагательного в роли обычного определения состоит в его неизменяемости, в его твердом порядке слов, однако в позиции предиката, обособленного и предикативного определения оно способно изменяться и менять свою позицию.

В предикативной и атрибутивной функциях проявляется различие в значении и семантической сочетаемости прилагательных: *тöрытья йöv* «вчерашнее молоко» (атрибутивное прилагательное выражает темпоральное значение), *йöлыс тöрытья* «молоко вчерашнее» (предикативное прилагательное имеет квалифицирующее, оценочное значение: вчерашнее, значит, не свежее, не очень хорошего качества). Использование прилагательного в предикативной функции зависит не только от логико-семантических, но и других факторов. Соотношение этих функций во многом определяется построением системы языка. Использование при-

лагательных в роли предиката зависит от типа значения субъекта предложения, например, адъективы могут быть реализованы в позиции предиката при субъекте, называющем конкретный предмет, но они не способны быть предикатом при абстрактных существительных: *керкаыс ыджыд* «дом большой», но **сёрниыс ыджыд* «разговор большой»; некоторые прилагательные выступают в роли предиката при вещественных существительных, занимающих место подлежащего, но не могут быть предикатом при абстрактных и конкретных существительных: *шыдыс талунья* «суп сегодняшний», но **олёмыс талунья* «жизнь сегодняшняя», **юёрыс талунья* «известие сегодняшнее» и т.п. Если целью сообщения является информация о признаках предмета или события, то этот предмет или событие должны быть идентифицированы заранее. Характеризация не может относиться к неопределённому и обобщённому референту. Предикативной функцией устанавливается принадлежность признака референту. Предикативные отношения обозначают нечто устанавливаемое, приписываемое в момент речи. Атрибутивные же отношения выражают нечто данное. Именно в функции предиката актуализируются и усиливаются признаковые, характеризующие семы прилагательного, позиция предиката является типичной позицией, где дифференцируются дескриптивные и оценочные смыслы прилагательного.

Предложения с предикатом, выраженным глаголом, и предикатом, выраженным прилагательным, относятся к характеризующим. Прилагательное в позиции именной части предиката характеризует предмет, названный в референте-подлежащем, дает ему оценку. Адъективные предикаты имеют разнообразные значения. В зависимости от семантического различия прилагательных выделяются предикаты со значением свойства, качества, предикаты со значением состояния (стативные предикаты), оценочные предикаты и релятивные предикаты. Первые два значения выражают качественные и относительные прилагательные, последние два – качественные.

Типичными предикатами являются качественные прилагательные. Они лучше других слов способны характеризовать субъект, выражать пропозициональное содержание предложения-высказывания. Качественные предикативные прилагательные выражают признаки, свойства различных живых и неживых предметов, оценивают мир предметов, человека, живых существ. Они посредством данного высказывания приписывают референту-подлежащему объективный признак, существую-

щий безотносительно субъекта речи, также способны приписывать и оценку, отношение говорящего к субъекту высказывания, указывать на состояние референта. Предикаты свойства, качества сообщают о существенном признаке субъекта. Они представляют собой статические, не изменяемые во времени признаки, могут обозначать врожденное или приобретенное качество, однако постоянно характеризующее данный предмет или лицо: *Гожёмыд мян войвылын дженьыд* (С. Раевский) «Лето унас на севере короткое»; *Туйыс зэв паськыд* (И. Белых) «Дорога очень широкая».

Для оценочных прилагательных наиболее типична предикативная функция: *мамыд тэнад зэв бур* «твоя мама очень хорошая», в роли атрибута они выступают редко и далеко не со всеми именами существительными, не образуются сочетания типа **бур мамыд тэнад ёна отсасьё* *«хорошая твоя мама много помогает», **мича чойё воліс* *«красивая сестра (моя) приходила». В позиции атрибута оценочные прилагательные используются в целях идентификации референта: *бур йёзыс отсалісны* «хорошие люди помогли». Оценочные предикаты сообщают об оценке говорящего (субъекта речи или субъекта высказывания) референта. В предикативной функции употребляются прилагательные общей и частной оценки: *Ачыд бур, да и йёзыс бурёсь* (Поговорка) «Если сам хороший, то и люди хорошие»; *Аддзанныд, кутшо́м мичаёсь менам сёко́льясис* (Ю. Васютов) «Видите, какие красивые мои соколы». *Кёнкё, тэ чайтан, мый ме тані медлёк мортыс! Мукёдыс абу жё ёна бурёсь* (М. Игнатов) «Ты, наверно, думаешь, что я самый плохой человек! Другие тоже не очень хорошие». В высказываниях с оценочными предикатами ведущая роль принадлежит субъекту оценки. Субъект речи на основе своих наблюдений, жизненного опыта, знаний об окружающей действительности, с его точки зрения соответствия-несоответствия определенным стандартам, эстетическому идеалу, эстетическим нормам приписывает свою оценку объекту в момент речи, причем его оценка может не совпадать с оценкой других коммуникантов. Оценка всегда является субъективной. Значение субъективности оценки подчеркивают, усиливают слова-интенсификаторы: *Сылён уджыс зэв бур* «У него работа очень хорошая»; *Нылыс сэтшо́м мича* «Девушка такая красивая»; *Сёяныс зэв чёскыд* «Еда очень вкусная». Оценка может быть отнесена (а) ко всему классу предметов или (б) к конкретному лицу, предмету, отдельному представителю класса предметов: (а) *Пуну нё мича, да сёмо́сыс сісь* (Поговорка) «Осина красивая, да сердцевина гнилая»; (б)

Кутшӧм мича Анушыс «Какая красивая Аннушка». Мотивация общей и частной оценки может быть дана в контексте, эксплицитно: *Йӧйӧсь кӧ Викень гозъяыс-а, нывныскӧд ӧтлаын, – этатшӧм геройӧс он жӧ ӧтдорт!* (И. Торопов) «Наверно, глупые Викентий с женой, вместе с дочерью, – разве можно отказать такому герою»; *Заваркаыс менам зэв бур, слӧн тшай на* (Н. Куратова) «Заварка у меня очень хорошая, еще чай «со слоном». Особенностью оценочных предложений является то, что они, в отличие от дескриптивных, не могут существовать изолированно, «оценка всегда возникает на фоне описания или повествования» (Золотова и др. 1998: 99).

В предложениях с предикатом, **состоящим лишь из номинативной** формы прилагательного, дается характеристика субъекта, утверждается качество как присущее субъекту высказывания в момент речи или дается оценка референту-подлежащему. В адъективных предложениях между подлежащим и бессвязочным именным предикатом – предикативная пауза, именно она выражает значение времени и наклонения. Адъективный предикат без всякой глагольной связки способен указывать на устойчивый, постоянный признак, признак, свойственный предмету в течение неопределенно длительного времени, или признак, называемый безотносительно к определенному промежутку времени. Это свойство адъективного предиката существенно отличает его от глагольного: *А юрсиыс Риммалӧн сьӧдоват да сук* (Г. Юшков) «А волосы у Риммы темноватые, густые»; *Керкаяс посныдикӧсь, туйяс няйтӧсь* (И. Изъюров) «Дома маленькие, дороги грязные». Нередко такие предикаты дают оценку: *Ю на тшайтӧ, ваыс ӧд мян чӧскыд* (А. Ульянов) «На выпей чаю, вода ведь у нас вкусная»; *Том йӧз тані бурӧсь* (И. Изъюров) «Молодежь здесь хорошая».

Особую группу предикативных адъективов составляют прилагательные со значением **состояния**, которые описывают временные «стадии» существования предмета (лица), приписывая ему именно как индивидууму признак, актуальный для данного отрезка времени (или для нескольких временных отрезков): *Талун бать скӧр* «Сегодня отец сердитый»; *Ме тшыг* «Я голодный». Для прилагательных со значением состояния нетипична атрибутивная функция. Невозможны такие конструкции, как **Скӧр бать локтіс гортӧ* «Сердитый отец пришел домой». Предикаты состояния указывают не на постоянное свойство референта, а на его временный признак, проявляющийся в течение определенного времени. В конструкциях с такими предикатами подразумевается, что

субъект в другое время будет находиться в ином состоянии. При таких предикатах субъектом является лицо: *Найö мудзöсь, тшыгöсь* (П. Доронин) «Они усталые, голодные»; *Сийö жö мудз, тшыг* (В. Безносиков) «Он же усталый, голодный». При предикатах состояния часто используются темпоральные обстоятельства типа *öni* «сейчас», *талун* «сегодня», *тöрым* «вчера», указывающие на то, что в этом состоянии субъект находится лишь в определенный отрезок времени: *Сийö талун асывсяньыс скöр* (С. Тимушев) «Он сегодня с утра сердитый». В высказываниях с такими предикатами возможны темпоральные обстоятельства, указывающие не только на продолжение состояния, но и на его начало. Их цель – еще раз подчеркнуть, что состояние для субъекта высказывания является актуальным для данного отрезка времени, что состояние отличается от постоянных свойств: *Павел Дмитриевич Киселев талун асывсяньыс скöр* (С. Тимушев) «Павел Дмитриевич Киселев сегодня с утра сердитый». Состояние может быть повторяющимся. Это значение предиката выявляется при определенных условиях. Такими являются, например, наличие темпоральных обстоятельств *татшöм здукас* «в такие моменты», *татшöм лунъясö* «в такие дни», *рытьяснас* «вечерами», *войяснас* «ночами», *тöвъяснас* «зимой (букв. зимами)» и т.п., наличие связочного глагола *овлыны* «бывать», который имеет значение повторяемости, неоднократности: *Лавкаыс луннас овлö пöдса, вощьылö сöмын рытьяснас* «Днем магазин бывает закрытым, открывается только вечерами». Темпоральные обстоятельства типа *шоча* «редко», *пыр* «всегда», *гежöда* «редко», *корсюрö* «иногда», *тшöкыда* «часто», а также глагол *овлыны* (*овлывлыны*) «бывать» в сочетании с предикативными прилагательными со значением состояния указывают на временное пребывание субъекта в определенном состоянии: *Лавкаыс пыр пöдса* «Магазин всегда закрыт»; *Сийö шоча овлö скöр* «Он редко бывает сердитым»; *Сийö тшöкыда тшыг овлö* «Он часто голодным бывает». При предикатах состояния субъект всегда конкретный, при них не может быть обобщающего субъекта, в реальной действительности не может быть ситуации, при которой в одном и том же состоянии находилось обобщенное множество лиц: **став йöзыс тшыгöсь* «все люди голодные», *ставыс (быдöн) пöтöсь* «все сыты». С такими предикатами может быть использовано только конкретное множество: *ми* «мы» (говорящий субъект и его ближайшее окружение), *ти* «вы» (собеседник и его ближайшее окружение). При наличии субъекта конкретного или обобщенного множества нередко используются локативные распространители,

сужающие круг множества субъектов: *Гортын* *öni ставыс радось тайö бур юöрыслы* «Дома сейчас все рады этой хорошей новости»; *Сиктын* *öni некод оз тшыгъяв, ставыс пöтöсь* «В селе сейчас никто не голодает, все сыты».

В адъективных предложениях с рассматриваемым значением возможны темпоральные обстоятельства *век*, *пыр* «всегда», *нэм* «век, всегда», с которыми связана семантика временной локализованности. Участие этих обстоятельств приводит к реализации значения постоянного свойства (ТФГ 1996: 59): *Пырейлөн синъясыс пыр кöдзыдöсь, ачыс кöть и сералö* (И. Изъюров) «Глаза у Пырея всегда холодные, несмотря на то, что и глаза смеются»; *Ме век кöсья юавны Митрейлысь, мыйла сийö пыр зумыш, да пола* (Н. Попов) «Я всегда собираюсь спросить у Дмитрия, почему он всегда хмурый, но боюсь».

Предикативное прилагательное без связки может выражать признак, свойственный субъекту в момент речи, приписываемый говорящим признаком в момент речи посредством данного высказывания: *Сынöдыс шоньдик, улисакодь, лöсьыд* (Г. Федоров) «Воздух довольно теплый, немного влажный, приятный»; *Енэжыс лöз-лöз* (С. Раевский) «Небо синее-синее»; *Но кильчöыс пöдса* (М. Игнатов) «Но дверь заперта».

На временную локализованность признака, на то, что признак предмета (лица) случайный, не постоянный, а он является приуроченным к определенному времени, косвенно могут указывать темпоральные обстоятельства. К примеру, темпоральный распространитель предиката *öni* «сейчас» выражает, что признак приписывается субъекту в момент речи, что качество, свойство субъекта высказывания соотносится с моментом речи: *А öni асыввыв енэжыс пемыдруд на, кымöра* (Г. Юшков) «А небо сейчас на востоке еще темно-серое, в облаках (букв. облачное)»; *Войяс öni югыдöсь* (С. Тимушев) «А ночи сейчас светлые».

Качественными прилагательными в позиции предиката можно приписывать субъекту и объективные признаки, они способны актуализировать реальное качество, свойство предмета, живого существа. Такие прилагательные дают цветовую, параметрическую, темпоральную характеристики референтов, указывают на их свойства: *Керкаясыс важиникöсь, кузьмöсöсь* (А. Ульянов) «Дома старенькие, продолговатые»; *Синъясыс сьöдöсь, поснийöсь* (И. Торопов) «Глаза (его) черные, маленькие»; *Войясыс лөньюсь, шоньдöсь* (И. Коданев) «Ночи тихие, теплые». Они характеризуют лицо в физическом плане, со стороны внеш-

них или внутренних качеств, возраста: *Ми пöрысьöсь нин, а ті томöсь* (И. Изъюров) «Мы уже старые, а вы молодые»; *Ок, Вася, Анукыд менам зэв асныра* (Н. Белых) «Ох, Вася, Аннушка моя очень своенравная».

Для относительных адъективных слов, являющихся в своей основной массе дескриптивными, предикативная функция менее свойственна. На их использование в позиции предиката накладываются ограничения либо типом носителей признака (а) либо контекстом: предикативная позиция прилагательного подразумевает противопоставление (явное или скрытое), выделение характеризуемого объекта среди подобных или его классификацию именно по признаку, названному информативным прилагательным (б) (Золотова и др. 1998: 89). Для дескриптивных прилагательных более естественна атрибутивная функция. В коми языке все относительные прилагательные способны занимать позицию атрибута, но многие из них не употребляются в роли предиката. Такими являются темпоральные адъективы с маркерами **-а** (**-я**), **-ся**: *тöрытья сёрни* «вчерашний разговор», но **сёрниыс тöрытья* «разговор вчерашний», *талунья том йöз* «сегодняшняя молодежь», но **том йöзыс талунья* «молодежь сегодняшняя», *неважёнся коктуйяс* «недавние следы», но **коктуйясыс неважёнсяöсь* «следы недавние», *гожся гöсьтьяс* «летние гости», но **гöсьтьясыс гожсяöсь* «гости летние» и т.п.; прилагательные, выражающие локальные, пространственные отношения с суффиксами **-и** (**-і**), **-са** и др.: *пыді вежöс* «дальняя (букв. глубокая) комната», но **вежöсыс пыді* «комната дальняя»; *ылі туй* «дальняя дорога», но **туйыс ылі* «дорога дальняя» и т.п.; прилагательные, выражающие признак по назначению предмета: *вöла туй* «дорога, предназначенная для проезда лошадей», но **туйыс вöла* «то же» и т.п.; прилагательные, выражающие признак по способу производства предмета (вещества): *самöвара тшай* «чай, вскипяченный в самоваре», но **тшайыс самöвара* «то же», *чера удж* «работа, выполняемая с помощью топора», но **уджыс чера* «то же» и т.п.; некоторые прилагательные, указывающие на признак по составу, содержанию предмета: *пуа көлуй* «деревянная утварь», но **көлуйыс пуа* «утварь деревянная»; *көрта көлуй* «железная утварь», но **көлуйыс көрта* «утварь железная» и т.п. Несмотря на то, что для относительных прилагательных предикативная функция менее характерна, в коми языке они способны употребляться в позиции предиката, информировать о субъекте, выполнять характеризующую функцию, с их помощью коммуникант устанавливает в момент речи смысловую связь между двумя референтами. Высказывания с такими

прилагательными являются очень информативными, ёмкими по содержанию. Широкое развитие получили адъективные предложения с отсубстантивными прилагательными с суффиксом *-а* в роли предиката, с помощью которых субъект речи характеризует субъект высказывания по обладанию кем/чем-либо: *Позьö самöвар пуктыны, ми чай-сакараёсь* (Б. Шахов) «Можно самовар поставить, у нас есть чай и сахар (букв. мы чай-сахарные)»; *Ставныс нö мёскаёсь?* (Г. Юшков) «У всех есть коровы (букв. все коровные)?»; *Öни öд паспортаёсь сиктсаыд* (Г. Юшков) «Сейчас ведь сельские жители имеют паспорта (букв. паспортные)»; *Да и батяёсь кык вок* (В. Напалков) «Да и у двух братьев отец имеется (букв. отцовые)» и т.п.

Многочисленны адъективные предложения с относительными прилагательными, которые в роли предиката характеризуют субъект высказывания в момент речи по внешним признакам, выражая значение «покрытый чем-либо», «одетый во что-то»: *Наташа да Лида гын сапöгаёсь* (Н. Куратова) «Наташа и Лида в валенках»; *Моньяс кузь сарапанаёсь, öткодъ еджыд чышьянаёсь* (В. Юхнин) «Невестки в длинных сарафанах, в одинаковых белых платках» и т.п. Дескриптивные относительные прилагательные в роли предиката способны выражать признак по изобилию чего-либо, наличию у референта-подлежащего чего-либо в большом количестве: *«Мусюр» вöлöкыд öд зэв номйёсь* (В. Савин). «На перегоне «Мусюр» ведь очень много комаров (букв. перегон очень комариный)»; *Кадья да вутшкёсь Виям ты йылыс* (Г. Юшков) «Верховье озера Виям заболоченное и очень кочковатое» и т.п.

Предикативные относительные прилагательные, маркированные суффиксом *-тöм*, указывают на отсутствующую связь между двумя референтами: *Найö (челядь) айтöмёсь, и сийö, Тикö, айтöм* (В. Тимин) «У них (у детей) нет отца, и у него, у Тихона, нет отца (букв. они безотцовские, он безотцовский)»; *Вомыд каличтöм, кывйыд лытöм* (Поговорка) «Рот без запора (букв. беззапорный), язык без костей (букв. бескостный)».

Предикативную функцию выполняют и относительные прилагательные, указывающие на признак по составу, содержанию предмета: *Ва пыдöсыс изья* (И. Пыстин) «Дно реки каменистое»; *Шор дорöсыс таті зэв пувья* (И. Торопов) «На опушке вдоль речки очень много брусники (букв. опушка очень брусничная)».

В роли предиката возможны дескриптивные относительные прилагательные, характеризующие референт-подлежащее по состоянию:

Синмыс куньса (П. Шахов) «Глаза (ее) закрыты»; *И со магазиньс коймод лун нин пöдса* (И. Изьюров) «И вот магазин уже третий день закрыт».

В некоторых случаях в предикативной функции могут быть и дескриптивные прилагательные с суффиксом *-са*, приписывающие субъекту признак по месту происхождения, при этом, как правило, в определенной степени происходит окачествование, и в роли предиката они приобретают оценочный смысл: *Крестьянскöй гоститöдöмыд öд абу карса* (В. Юхнин) «Крестьянское угощение ведь не городское (т.е., по мнению говорящего, не такое хорошее, не такое вкусное, как городское)». Однако для таких прилагательных более типичной является атрибутивная функция: *карса велöдысь* «городской учитель», *сиктса велöдысь* «сельский учитель», *сиктса челядь* «сельские дети» и т.п. Для выражения названного значения в роли предиката обычно выступают существительные в элативе: *велöдысьыс карысь* «учитель из города».

Кроме глаголов, имеются и другие, **специфические, средства связи** именного предиката с подлежащим. К ним, например, относится синтаксема *эм* «есть». Ее основное назначение состоит в выполнении предикативной функции в экзистенциальных предложениях, в которых она утверждает существование в мире, в отдельном его фрагменте определенных объектов. Синтаксема *эм* «есть» в сочетании с частицей *и* «и» в некоторых случаях реализуется с предикативными прилагательными, при этом она употребляется в целях усиления, утверждения, подчеркивания признака, является своеобразным усилительно-выделительным маркером предикативного признака, носит утвердительно-усилительный смысл. Причем, компонент *и эм* подтверждает признак, оценку, которые названы в контексте, предшествующем высказыванию. Адъективные предикаты с компонентом *и эм* используются в диалогической речи, в высказываниях, отображающих внутреннюю речь говорящего субъекта, а также при наличии соответствующего фонового знания. В конструкциях с диалогической речью один из коммуникантов называет качество, состояние, оценку предмета или лица, собеседник подтверждает названный признак или оценку, подчеркивает, что его мнение полностью совпадает с ранее высказанным. Это подтверждение, усиление признака является коммуникативной целью собеседника, ради этого им построено высказывание. Образуются контекстно обусловленные конструкции, семантика которых опирается на семантику предшествующего высказывания. Они являются средством выражения опреде-

ленного рода заключения, вывода, обобщения. Субъект речи последующего высказывания занимает центральную позицию. Он находится в фокусе высказывания. Кроме того, подобный предикат является своеобразным средством межфразовой связи. В большинстве случаев компонент *и эм* «и есть» употребляется с адъективными предикатами оценки, состояния. Оценка, состояние, которое усиливается, утверждается в последующем высказывании, как правило, эксплицитно называется в предшествующем контексте: *Ю на тшайтö, ваыс öд мян чöскыд, – пызан сайысь петигöн тшöктö пöчö. – Чöскыд и эм. Абу карса кодь хлора* (А. Ульянов) «Выпей чаю, вода ведь у нас вкусная, – вставая из-за стола, говорит бабушка. – Действительно вкусная (букв. вкусная и есть). Не хлорированная, как в городе».

В некоторых случаях непосредственно в предшествующем высказывании эксплицитно признак может и не называться, но он бывает выраженным имплицитно, может выявляться из контекста большего объема, чем одно высказывание. Утверждение признака оценки говорящим может быть сделано на основе длительных наблюдений, логического рассуждения, жизненного опыта, знаний о мире, окружающей действительности, знаний о близких людях, а также на основе действий, поступков кого-либо, названных в контексте. Подчеркиваются, утверждаются достоверные, уверенные знания; в этом случае предикат выражает модальное значение уверенности: – *А мыйла Сар-нюр, Ёгорушко? – Код тöдас. Висьталöны, ачыс пö царыс коркö таті мунöма да вöравны кайлöма. Но озыр и эм, царскöй и эм* (Ю. Васютов) «А почему царское (букв. царь) -болото, Егорушка? – Кто знает. Говорят, мол, сам царь когда-то здесь проезжал и на охоту ходил. Но действительно богатое, действительно царское (букв. богатое и есть, царское и есть)»; *Йöлгиннялы и дивö, и тешкодь татшöм пывсьöмыд, самöвар мед пывсянö пыртны! А абу öд лёк. Карсаыд, буракö, тöлкаджыкöсь и эм сиктсаяс дорсьыд* (Н. Куратова) «Евгении удивительно и странно такое мытье в бане, чтобы в баню самовар занести! А ведь неплохо. Городские, видимо, действительно более сообразительные, чем сельские».

Элемент *и эм* используется и с другими классами слов (с именами существительными, местоимениями, реже – с наречиями), выполняющими в предложении различные синтаксические функции (именного предиката, обстоятельства). При них он также имеет подчеркивающее, утвердительно-усиливающее значение, модальное значение уверенности: *Да тайö тай нö пожöм вöлöма! Сё дивöыд... Пожöм и эм!* (И. То-

ропов) «Да это, оказывается, сосна! Удивительно... Действительно сосна (букв. сосна и есть)!»; *Тайö абуб-ö найö, нолытö, видзöдлы. – Найö тай и эм* (И. Сажин) «Это не они ли, ну-ка, посмотри. – Действительно они (букв. они и есть), оказывается»; *Ме выльысь кутчыси «Чингизхан» динö. Öддзöм вывсьыд эг и тöдлы «Хан Батыйсö» тшöтш помали... Лöсьыда и эм гижöма!* (И. Торопов) «Я заново принялся за «Чингизхана». Заодно, и не заметил, как закончил «Хана Батыя». Действительно хорошо (букв. хорошо и есть) написано». Элемент *и эм* «и есть» широко представлен в глагольных предложениях. Глагольные предикаты с элементом *и эм* также характерны для конструкций, представляющих собой одну из реплик диалогической речи. При помощи глагольного предиката в форме будущего времени с элементом *и эм* «и есть» говорящий утверждает свое согласие выполнить действие, названное в предшествующем высказывании, инициатива выполнения действия исходит от субъекта предшествующего высказывания. В реплике, начинающей диалог, выражается (а) предположение коммуниканта выполнить совместно с другим участником речевой ситуации определенное действие или (б) просьба к собеседнику о выполнении действия. В последующей реплике утверждается согласие собеседника выполнить действие, подтверждается необходимость, целесообразность его осуществления: (а) – *Зоньяс, вай пыралам да видзöдлам, мый сэн керсьö. – Вай пыралам и эм* (И. Сажин) «Парни, давайте зайдём и посмотрим, что там делается. – Давайте зайдём (букв. зайдём и есть)»; (б) *Öндрей, öни вай купайкатö кышав, шондi лэччöм бöрад ёна ыркыд лоö (...)* – *Кышала и эм, батьö, – кывзысис мöдыс* (И. Торопов) «– Андрей, сейчас давай надевай фуфайку, после захода солнца прохладно будет. – Надену (букв. надену и есть) отец, – согласился другой».

Синтаксема *эм* «есть» в сочетании с частицей *и* «и» возможна в предложениях полного тождества, в которых подлежащее и именной предикат выражаются одним и тем же субстантивным словом в номинативе: *Мам – мам и эм* (Г. Юшков) «Мама есть мама»; *Ныв – ныв и эм* (Ю. Васютов) «Девочка есть девочка».

При предикативных прилагательных наблюдается весьма своеобразное употребление некоторых имен существительных (*морт* «человек», *детина* «юноша», *зон* «юноша», *ныв* «девочка, девушка»). Они всегда находятся в препозиции по отношению к прилагательному, при этом являются семантически пустыми. Информативно значимо прилагательное, оно характеризует субъект, приписывает ему определенное

свойство, качество, оценивает предмет речи. Для выражения смыслового содержания предиката прилагательное не нуждается в конкретизаторах. Названные существительные выполняют своеобразную связочную функцию. При таких предикатах субъектом может быть только лицо: *Юралысь морт шань* (И. Сажин) «Руководитель хороший человек (букв. человек хороший)»; *Тэ, зонмõ, Митрей, детина том да ён* (И. Сажин) «Ты, парень, Дмитрий, молодой и сильный (букв. детина молодой и сильный)». Совершенно другая функция подобных существительных обнаруживается в высказываниях типа *Миян учительным зэв прамõй морт* (Н. Попов) «Наш учитель очень порядочный человек»; *Пилипыд миян абу шыблас морт* (С. Тимушев) «Филипп наш неплохой человек». В таких конструкциях прилагательное располагается перед существительным, которое имеет слишком широкое значение и для выражения полноценного смыслового содержания предиката требует постановки атрибутивного прилагательного.

Прилагательное предикативную функцию выполняет и в сочетании с неполнознаменательными связочными глаголами (см. раздел о неполнозначных глаголах). Предикативное прилагательное в форме инструменталю употребляется с неполнозначными глаголами *кажитчыны* «казаться», *вõвны* «быть», *овлыны* «бывать», *лоны* «стать, становиться», *кольны* «оставаться»: *Бõрря кадас Вера лои жугыльõн* (В. Юхнин) «В последнее время Вера стала грустной»; *Овлан мелõн тэ, кыдзи шондiа лун* (А. Мишарина) «Бываешь ты ласковым, как солнечный день».

С формой инструменталю прилагательного получили развитие особые связочные глаголы: *шуны* «сказать, говорить», *кывны* «чувствовать», *лыддыны* «считать», *висьтасьны* «называться», *петкõдчыны* «проявляться» и заимствованный глагол *чайтны* «считать, чаять», не имеющие полного лексического значения, достаточного для формирования смыслового содержания предиката. Если связки *вõвны* «быть», *лоны* «стать, становиться», *кольны* «оставаться» образуют составной предикат с прилагательными в номинативе и в форме инструменталю, то вышеперечисленные глаголы требуют постановки предикативной части только в инструментале и не допускают при себе номинативной формы. В предикатах, состоящих из названных глаголов и прилагательного, признак воспринимается как субъективный, в них дается оценка с точки зрения говорящего, отражается субъективный характер оценки. Важным является то, что мнение говорящего о качестве референта, названного в

подлежащем, может и не совпадать с реальным качеством. Субъект речи с субъектом высказывания совпадает не во всех случаях. Названные глаголы имеют некоторые различия в своих значениях. Глагол *лыддыны* «считать» указывает на уверенность оценки признака, *чайтны* «считать, полагать, предполагать» – на предположение; при глаголе *лыддыны* субъект оценки часто совпадает с объектом оценки, при глаголах *чайтны*, *артавыны* они почти никогда не совпадают: *Му вылас медся шудаён лыддис асьсё Анфиса* (В. Напалков) «Анфиса считала себя самой счастливой на земле»; *Ме чайті тиянӧс шудтӧмӧн, шог сьӧлӧмаӧн* (Б. Шахов) «Я считал вас несчастливой, печальной».

Предикат, состоящий из глаголов *шусьыны* «называться», *висьтасьны* «называться» и прилагательного, выражает не реально существующий признак, а признак как желаемый, он указывает на то, что субъект высказывания приписывает себе какие-либо определенные свойства. Признак воспринимается как субъективный. В высказываниях с такими предикатами субъектом может быть только лицо: *И видзӧдлам на, кыдзи менӧ пановтас ёма-бабаыс, кӧть эськӧ и медсюсьӧн висьтасьӧ* (И. Торопов) «И посмотрим еще, как меня обгонит (эта) баба-яга, хотя и самой умной называется»; *А ме чайтлі, небыдджыкӧсь ті. Вывтӧ нин бурӧн шусянныд да* (И. Торопов) «А я думала, что вы помягче (характером). Слишком уж хорошим считаете (букв. называете) себя». Подобные предикаты имеют оценочное значение. С этими глаголами сочетаются преимущественно прилагательные положительной оценки. Неоценочные прилагательные при условии сочетания с этими глаголами принимают оценочное значение: *карсаӧн шусян* «называешься городским».

Только лицо может выступать в качестве субъекта высказывания и в предложениях, в которых предикат состоит из глагола *кывны* «слышать» в значении «чувствовать» и прилагательного в форме инструментала. Такой предикат сообщает о внутреннем состоянии субъекта высказывания, которое может не совпадать с реальным положением дел. Общественная оценка и мнение других могут быть иными. Появление внутреннего состояния, его оценки является результатом определенных внешних причин, определенных условий, которые имплицитно выявляются из контекста, речевой ситуации или называются эксплицитно: *Абу на, вӧлӧм, кокни сувтны начальстволы паныд... Кӧть эськӧ и морт ногӧн вӧчан, правӧн асьтӧ кылан* (И. Торопов) «Оказывается, нелегко идти против начальства... Хотя и поступаешь по человечески, чувству-

ешь себя правым»; *Гөгөр кыпыд да югыд. Кылан асьтө томён да ёнён, збодерён* (И. Белых). «Кругом торжественно, красиво, светло. Чувствуешь себя молодым, сильным, бодрым». С этим глаголом сочетаются адъективы психического, эмоционального состояния, обозначающие возрастные, физические свойства как результат чувственного восприятия этих свойств.

Противоположными по значению являются предикаты, состоящие из связочных глаголов *петкөдчыны* «показываться, проявляться», *петкөдлыны* «показывать» и присвязочного прилагательного. Такой предикат указывает на внешние проявления признака субъекта высказывания, при этом его внутренние свойства могут им не соответствовать. Качества, свойства воспринимаются таковыми сторонним наблюдателем, субъектом речи: *Сылы ар ветымын саяс нин, но оз на петкөдчы пöрысьён* (Г. Федоров) «Ему уже за пятьдесят, но еще не выглядит старым». При глаголе *петкөдлыны* «показывать» субъект высказывания достаточно активный, от него исходит инициатива подчеркивания внешних признаков в силу некоторых обстоятельств. Он сам является заинтересованным лицом обнаружения данных внешних причин: *Арлыднас том на, но петкөдлө асьсө степеннойён* (И. Пыстин) «Возрастом он еще молодой, но показывает себя степенным»; *Спирайд асьсө петкөдліс йөз водзын збодерён* (В. Савин) «Спира перед людьми показывал себя бодрым».

С глаголами *пуктыны* «класть, положить «в значении считать», *пуксьыны* «садиться, сесть в значении считать (о себе)» имя прилагательное в роли предиката может быть в форме иллатива. Предикат, состоящий из названных компонентов, выражает не реальный признак субъекта высказывания, а субъективный признак, приписываемый оценивающим субъектом. Глагол *пуксьыны* в сочетании с иллативной формой прилагательного указывает на то, что качество, свойство, названное в прилагательном, субъект высказывания приписывает сам себе, сам себя считает обладателем определенного свойства; субъект оценки совпадает с субъектом высказывания, с объектом оценки, причем его оценка не совпадает с оценкой окружающих, субъекта речи: *Оз, буракө, ыджыдө пуксьы* (Н. Куратова) «Видимо, не гордый (букв. в большого не садится)». В некоторых случаях может подчеркиваться несовпадение оценки оценивающим лицом и субъектом речи, повествователем: *Облезяна кодь и эм, а бурө пуксьө!* (Н. Куратова) «На обезьяну похожа сама, а считает себя хорошей (букв. в хорошую садится)!». На

несовпадение оценки субъектом речи и оценивающим субъектом указывает императив связочного глагола в отрицательной форме: *Эн ййй пуксьы, эн!* (Г. Юшков) «Не прикидывайся глупым (букв. не садись в глупого), нет!». Предикат с глаголом *пуктыны* «класть, положить» в значении «считать» указывает на то, что качество, свойство приписывает субъект высказывания, участник речи – собеседник объекту высказывания, который может совпадать с субъектом, названному в дополнении. В высказывании дается четкое разграничение оценивающего субъекта и объекта оценки. Оценка, свойство лица/предмета представлены как несоответствующие объективной действительности, положению дел: *Томнас том, а Борган серти Адасыс верстьйджыкё асьсё пуктис* (Г. Юшков) «Молодой-то молодой, но Адас считал себя взрослее (букв. клал в более взрослого) по сравнению с Борганом».

Иллативная форма прилагательного предикат образует и в сочетании с неполнозначными глаголами *пёрны, пёртчны* «превратиться, превращаться». Конструкция, состоящая из названных словоформ, выражает идею становления, появления признака, указывает на то, что при определенных обстоятельствах, в силу определенных причин субъект высказывания переходит из одного состояния в другое, приобретает какое-либо новое состояние. В качестве субъекта высказывания выступает (а) лицо или – реже – (б) неодушевленный предмет: (а) *Мый ланьтёмьд? Немййй пёрин?* (Н. Попов) «Что замолчал (ты)? Немым стал (букв. в него превратился)!»; (б) *Рёмдыны нин кутис ывлаыс, сук немьдй пёри Эжва пёлёнса вёрыс* (Г. Юшков) «Темнеть уже начало на улице, лес вдоль Вычегды черным стал (букв. в густой темный превратился)».

Иллативная форма прилагательного в сочетании с глаголом *лэчысьны* (*лэдзчысьны*) «превращаться, притворяться букв. опускаться, спускаться» выражает свойство субъекта высказывания, которое не является «объективно данным», которое он принимает по своей инициативе, по своей воле. При них субъектом всегда является лицо: *Сы вёсна ме лэчыси ййй* (Ю. Васютов) «Поэтому я прикинулся глупым (букв. опустил в глупого)». С глаголом *лэчысьны* «опускаться в значении притворяться» сочетаются прилагательные, выражающие умственные способности, морально-этическую оценку, причем всегда негативную. При нем невозможны прилагательные со значением положительной оценки: **тёлкай лэчысис* «прикинулся умным (букв. в умного опустил)».

Для имени прилагательного типичной является функция **определения**. В этой функции оно конкретизирует значение предмета, названного в существительном, сужает его значение, дифференцирует, выделяет необходимый референт из ряда однородных. Атрибутивное прилагательное необходимо для выражения точного значения референта, необходимого участникам конкретной речевой ситуации: *морт* «человек» – *бур морт* «хороший человек», *зиль морт* «трудолюбивый человек», *тёдса морт* «знакомый человек», *вежёра морт* «умный человек» и т.п. В каждом конкретном случае лишь в сочетании с атрибутивным прилагательным значение референта является точным, определенным. В целях реализации конкретной коммуникативной задачи говорящий субъект свое высказывание строит с использованием атрибутивных сочетаний: *Колё шуны, Эля озыр невеста* (И. Изъюров) «Надо сказать, Эля богатая невеста»; *Выль купечлён сиктё воём – ыджыд выльтор* (В. Юхнин) «Приезд в деревню нового купца – большая новость».

Определения отличаются богатым смысловым содержанием. Адъективные определения подразделяются на **качественные** и **относительные**. **Качественные** обозначают собственные признаки референта и дают оценку со стороны субъекта речи или участника ситуации, **относительные** выражают признак через отношение к другому предмету, месту, времени и т.п. **Качественные определения** на основе семантической дифференциации разделяются на **неоценочные** и **оценочные**. В относительных адъективных атрибутах оценочный момент отсутствует, относительные прилагательные образуют группу неоценочных атрибутов. Объективные качества, у которых отсутствует субъективная оценка, называют **абсолютными, безотносительными** качествами, они «как бы по необходимости навязывают себя» в силу своей чисто объективной определенности лишь опознающему и констатирующему их сознанию – вне какой-либо оценки их той или иной субъективной «мерой». Признаки референта типа *сьёд* «черный» – *еджыд* «белый», *ыджыд* «большой» – *ичёт* «маленький», *гётыра* «женатый» – *гётыртём* «холостой» и т.п. присутствуют в объекте, существуют вне зависимости от отношения, оценки субъекта речи или субъекта высказывания. Абсолютные качества в предметах существуют так же реально, как и сами предметы существуют в объективной действительности. Атрибутивные прилагательные, называющие такие признаки, выделяют предмет, важный, необходимый для коммуниканта, из класса однородных предметов. Среди неоценочных качественных атрибутов выделяются более кон-

кретные значения. **Качественные неоценочные определения** выражают **мерные** признаки, у которых возможна количественная оценка. В языковом сознании имеются определенная норма, стандарт, социальный эталон относительно параметров меры природных объектов и артефактов, а также событий: *ыджыд ем* «большая иголка», не то же самое, что *ыджыд керка* «большой дом»; *посни чери* «мелкая рыба» не то же самое, что *посни челядь* «маленькие дети» и т.п. Параметрические прилагательные в роли атрибута свободно сочетаются с существительными, имеющими четкие границы: *Ыджыд самоварон чай пуодисны* (И. Сажин) «Большим самоваром чай вскипятили»; *Дзоляник шорсянь заводитö Эжва ассъыс кузь туйсö* (П. Шахов) «С маленького ручейка начинается Вычегда свой длинный путь». Ограниченными являются сочетания подобных прилагательных с отвлеченными существительными, называющими не конкретные предметы, а абстрактные понятия. Причем существительные типа *озырлун* «богатство», *неминуча* «неприятность, горе», *мыж* «вина», *вын* «сила» и т.п. принимают в качестве своего распространителя лишь прилагательное *ыджыд* «большой», но не антонимическое *ичöt* (*дзоля*) «маленький»: *ыджыд неминуча* «большое несчастье», *ыджыд шог* «большое горе», *ыджыд сёрни* «большой разговор», но не **ичöt озырлун* «маленькое богатство», **ичöt неминуча* «маленькое несчастье» и т.п.: *А регыд миянös и ыджыд неминуча суис* (Ю. Васютов) «А вскоре нас настигло большое несчастье»; *Талун ми чукöртчим ыджыд сёрни вылö* (И. Пыстин) «Сегодня мы собрались на большой разговор». При одушевленных существительных такие атрибутивные прилагательные также выражают размер: *гырысь чери* «крупная рыба», *посни чери* «мелкая рыба», *ыджыд чери* «большая рыба», *ыджыд пон* «большая собака» и т.п. С именами существительными со значением лица они имеют значение возраста: *Ставныс нин удитöмаöсь чай юны, посни чой-вокыс и* (П. Шахов) «Уже все успели чаю выпить, также и младшие братья и сестры»; *Аскöдыс и гырысь пиянсö кыскавлöма Сибирöдз* (Ю. Васютов) «С собой и старших (букв. крупный) сыновей таскал до Сибири». Мерные прилагательные типа *ляпкыд* «неглубокий», *джуджыд* «глубокий, высокий», *дженъыд* «короткий», *кузь* «длинный», *векни* «узкий», *паськыд* «широкий» и т.п. в роли качественного определения выражают признаки неодушевленных референтов: *Кузь пызан сайын районса военком* (А. Ульянов) «За длинным столом районный военком»; *Тикö зилис видзöдны джуджыд пожöмъяс вылö, кывзысьны вöрса шыясö* (В. Тимин) «Тихон старался

смотреть на высокие сосны, прислушиваться к лесным звукам». Оппозиция **дженьыд** «короткий» – **кузь** «длинный» в атрибутивной функции может иметь значение меры времени, выражать темпоральный признак: *Лун-мөд кодзувкотъяс оз визъявны, кузь зэръяс водзё тайё* (И. Торопов) «Уже дня два муравьи не бегают, это перед продолжительным (букв. длинный) дождями»; *Öти кузь перемена дырйи матыстчис мян дорё учительница* (Ю. Васютов) «В одну большую (букв. длинный) перемену подошла к нам учительница».

Качественные определения характеризуют референт и с точки зрения **темпоральных** признаков, которые также относятся к мерным признакам. Такими являются прилагательные **том** «молодой», **пöрысь** «старый», **выль** «новый», **важ** «старый» и т.п. В ряду между оппозицией **том** – **пöрысь** располагаются прилагательные **пöрнöй** «взрослый, нестарый», **олöма** «пожилой», атрибутивные прилагательные этой оппозиции сочетаются с одушевленными субстантивами, преимущественно со значением лица; адъективы второй оппозиции – с неодушевленными существительными, носителями признаков **выль** – **важ** могут быть лишь неодушевленные референты. Оппозиции прилагательных **том** – **пöрысь** и **выль** – **важ** четко противопоставляют одушевленные и неодушевленные предметы, являются выразителем грамматической категории одушевленности – неодушевленности. Возраст – объективный признак человека, прилагательные с таким значением являются объективными, в них отсутствует оценочное значение: *Том дöваяс кадриясьны сы ордö весиг гортас воливлисны* (Ю. Васютов) «Молодые вдовы к нему приходили даже кадрили танцевать»; *Гортынöсь и пöрысь пöляс и пöчöяс* (В. Напалков) «Дома и старики и старухи (букв. старый деды и бабушки)». Они возможны в позиции предиката, однако при этом приобретают некоторый оттенок оценочного значения: *Сйö зэв на том тайöс тöднысö* «Он еще очень молод для того, чтобы знать об этом». Определения **важ** «старый», **выль** «новый» употребляются в сочетании с неодушевленными референтами, они указывают на время создания, существования неодушевленных предметов: *Том гозъя мөвпыштисны кыпöдны выль керка* (А. Ульянов) «Молодые решили построить новый дом»; *Важ кильчö помын сулалисны Матвей Степан ая-пия* (В. Юхнин) «На старом крыльце стояли Матвей Степан и его сын». Прилагательное **выль** «новый» может являться определением при некоторых одушевленных существительных со значением лица, при этом оно выражает новизну, а не возраст, предмет речи из класса однородных выделяет по признаку новизны, указывает на время

пребывания в каком-либо качестве, время приобретения им нового качества: *Тайё Лизавета Павловна, виль учительши Изъядорё локтё* (Б. Шахов) «Это Елизавета Павловна, новая учительница в Изъядор едет». Определение *важ* «старый» в сочетании с одушевленными объектами также выражает не возрастные признаки, а признак, относящийся к прошлому времени по отношению к речевому акту, поэтому прилагательные *пёрысь* «старый» и *важ* «старый» не являются синонимами. Прилагательное *важ* в этом значении может выполнять лишь функцию определения: *Дыр варовитисны важ тёдсаяс* (В. Напалков) «Долго беседовали старые знакомые».

Признак по времени выражают и атрибутивные неоценочные прилагательные *водз* «ранний», *сёр* «поздний», *дженьюд* «короткий», сочетающиеся с темпоральными существительными, типа *вой* «ночь», *асыв* «утро», *рыт* «вечер», *лун* «день», *ар* «осень», *тулыс* «весна», *тёв* «зима», *гожём* «лето»: *А аски водз асывнас сэтысь петам* (Б. Шахов) «А завтра ранним утром оттуда отправимся»; *И водз асывсаянь сёр войёдз ковмис котравны* (В. Напалков) «И с раннего утра до поздней ночи пришлось бегать». Прилагательные *водз*, *сёр* в предложении возможны лишь в роли определения, для них не характерна позиция предиката: **асылыс водз* «утро раннее», **войыс сёр* «ночь поздняя» и т.п., исключение *кадыс водз на* (*сёр нин*) «время еще раннее (уже позднее)».

Темпоральные признаки выражают и относительные определения, в роли которых выступают прилагательные с маркерами *-ся*, *-а*, *-я*, *-сёв* (*войся* «ночной», *лунся* «дневной», *арся* «осенний», *гожся* «летний», *асья* «утренний», *арсёв* «осенний» *тёрытья* «вчерашний»). Для таких прилагательных типичной также является атрибутивная функция, позицию предиката могут занимать лишь некоторые из них, при этом приобретая оценочное значение (*шыдыс тёрытья* «суп вчерашний», т.е. не очень свежий»; *шыдыс талунья* «суп сегодняшний», т.е. свежий, хороший»). В атрибутивной функции они сочетаются с достаточно широким кругом неодушевленных существительных: *Рытья шондйыс эз нин шонты* (В. Напалков) «Вечернее солнце уже не грело (...)»; *Лунся тёждьясыс вуджисны войся вётьясё* (В. Тимин) «Дневные заботы перешли в ночные сны». Определения качественные и относительные со значением темпоральности преимущественно употребляются при неодушевленных определяемых, называющих предметы, явления, события объективной действительности; достаточно редки при стержневом компоненте со значением лица: – *Аддзысьлытёдз*, – *көзьякалы шуис асья*

гöсть (А. Попов) «– До свидания, – сказал хозяйке утренний гость»; *Толякöд, челядьдырся ёртыскöд, аддзысьлöмыс желля чунь пом кодь лои* (П. Шахов) «Встреча с Толей, с другом детства, стала как палец с занозой на кончике».

Для темпоральных прилагательных типична функция определения, им не свойственна позиция предиката:

атрибут	предикат
<i>тöрытья зэр</i> «вчерашний дождь»	* <i>зэрыс тöрытья</i> «дождь вчерашний»
<i>тавося тöв</i> «зима этого года»	* <i>тöлыс тавося</i> «зима этого года»
<i>тöрытья повзылöм</i> «вчерашний испуг»	* <i>повзылöмыс тöрытья</i> «испуг вчерашний»
<i>коркöя сернас</i> «тогдашняя картина»	* <i>сернасыс коркöя</i> «картина тогдашняя»
<i>асья гöсьт</i> «утренний гость»	* <i>гöсьтыс асья</i> «гость утренний»
<i>аскиа удж</i> «завтрашняя работа»	* <i>уджыс аскиа</i> «работа завтрашняя»
<i>тувсов шор</i> «весенний ручей»	* <i>шорыс тувсов</i> «ручей весенний»
и т.п.	и т.п.

Мерные прилагательные выражают признак по весу; к ним относится оппозиция *кокни* «легкий» – *сьöкыд* «тяжелый». В роли определения они занимают все пространство на оси меры веса, между ними нет других лексем, указывающих на среднюю меру веса, (*кокни сумка* «легкая сумка» – *сьöкыд сумка* «тяжелая сумка», *кокни ведро* «легкое ведро» – *сьöкыд ведро* «тяжелое ведро» и т.п.). Однако в предикативной позиции с помощью отрицательной формы интенсификатора можно обозначить среднюю меру веса (*сумкаыс кокни* «сумка легкая» – *сумкаыс абу зэв кокни* «сумка не очень легкая»; *сумкаыс сьöкыд* «сумка тяжелая» – *сумкаыс абу зэв сьöкыд* «сумка не очень тяжелая» и т.п.). В позиции качественного определения названные прилагательные реализуются с достаточно широким кругом существительных: – *А мыйла нö кокни нопйөн туюс петöмыд?* (С. Тимушев) «А почему же с легким рюкзаком в дорогу отправился?»; *Уна сьöкыд удж лои вöчöма* (В. Напалков) «Много тяжелой работы сделано». В атрибутивной функции они способны выражать оценку событий, внутреннего состояния субъекта речи, который может совпадать с субъектом высказывания: *Вöвліны и сьöкыд луньяс* (Н. Попов) «Бывали и трудные дни». В данном и подобных высказываниях дается признак не референта, названный в определяемом слове, а характеризуется субъект высказывания, очевидно, что сами по себе дни не могут быть трудными. В этом и подобных сообщениях утверждается

то, что в определенные дни у субъекта были какие-либо сложности, тяжелые, неприятные события, которые необходимо было преодолеть, что он находился в каком-либо тяжелом состоянии. Для других же этот день не отличался ничем примечательным, никакими негативными событиями, и они не могут использоваться в качестве распространителя прилагательное *сьёкыд* «тяжелый». К качественным неоценочным относятся определения, выраженные мерными прилагательными *лёнъ, чёв* «тихий» – *гора* «громкий», позицию между которыми занимает слово *негора* «негромкий». Они выражают признак по громкости, воспринимаемый органами слуха: *Кылышитисны негора шыяс* (В. Юхнин) «Послышались негромкие звуки»; *Садяс воис батъыслён лёнь гёлёсысь* (С. Тимушев) «В сознание пришел от тихого голоса отца».

Неоценочными являются и прилагательные, обозначающие **температурные** параметры. На краю оппозиции температурных признаков находятся *кёдзыд* «холодный» – *ным, пёсь* «горячий», пространство между которыми занимают адъективы *шоныд* «теплый», *дэбыд* «теплый», *ыркыд* «прохладный». Температурный признак разными субъектами может восприниматься по-разному. Наиболее широкие связи наблюдаются у прилагательных *шоныд* «теплый», *кёдзыд* «холодный». В роли определения они употребляются с субстантивами, называющими физический предмет, вещество, объекты и явления природы и т.п., возможны при определяемых со значением частей тела лица, живого существа: *Помала киссис кёдзыд зэр* (Г. Федоров) «Беспрестанно лил холодный дождь»; *Ми узим шоныд керкаын* (Ю. Васютов) «Мы переночевали в теплом доме».

Для температурных прилагательных свойственна и предикативная функция: *луныс шоныд* «день теплый», *тёлыс кёдзыд* «ветер холодный» и т.п., однако в атрибутивной роли используются с бóльшим числом субстантивных слов: *пёсь яндзим* «горячий стыд», но **яндзимыс пёсь* «стыд горячий», *пёсь видзёдлас* «горячий взгляд», но **видзёдласыс пёсь* «взгляд горячий», *пёсь кывъяс* «теплые (букв. горячий) слова», но **кывъясыс пёсьёсь* «слова горячие» и т.п.

К неоценочным относятся и определения, выраженные **цветовыми** прилагательными. В них отсутствует оценка с точки зрения коммуниканта. Они дают внешнее описание референта: *Ньёжйёник шлывгисны руд кымёръяс* (М. Игнатов) «Медленно плыли серые облака»; *Ловзё тувсовья му, писькёдчө ёсь йывнас виж турун* (С. Тимушев) «Оживает весенняя земля, острыми кончиками пробивается зеленая трава».

Неоценочными качественными атрибутами являются и атрибуты, характеризующие предмет **по форме**. Они сообщают о внешних признаках предмета, наблюдаемых органами зрения: *гöгрöс* «круглый», *алькöс* «пологий, отлогий», *кузьмöс* «продолговатый, овальный», *плавкöс* «плоский, сплюснутый», *ньывкöс* «отлогий, пологий», *лайкöс* «отлогий» и т.п.: *А со и гöгрöс ызаныс* (А. Ульянов) «А вот и круглый стол»; *Кузьмöс мыльк вылас быдмис тиöг турун* (И. Торопов) «На продолговатом холме росла густая трава».

К неоценочным качественным причисляются и определения, выраженные прилагательными со значением **внутреннего свойства** предмета, воспринимаемые зрением, осязанием, обонянием: *уль* «сырой, влажный», *кос* «сухой», *небыд* «мягкий», *чорыд* «черствый, твердый», *кын* «мерзлый», *рöшкыд* «хрупкий, ломкий», *лапыд* «влажный, сырой», *нильöг* «скользкий, липкий», *нöгыль* «густой», *нюдз* «влажный, сырой» и т.п. В позиции определения они возможны лишь при неодушевленных существительных: *Усьöма небыдик лым* (В. Лыткин) «Выпал мягкий снежок»; *Лёк төв ныр кос пину нөрöдас* (И. Торопов) «Сильный порыв ветра свалит сухую осину».

Атрибутивные отношения выражают и **относительные** прилагательные, которые с субстантивным словом вступают в определенные отношения: предмет и материал, предмет и его назначение, предмет и его локальные признаки, предмет и его темпоральные признаки, предмет и способ его производства и т.п. Они не выражают отношения субъекта речи или субъекта высказывания к характеризуемому предмету, его оценке. Такие прилагательные образуют **неоценочные относительные атрибуты**, способные очень экономно, имплицитно служить и для номинации целой ситуации. В атрибутивных конструкциях с относительными прилагательными, маркированными формантами *-а*, *-са*, *-тöм*, выражаются два референта, которые между собой находятся в определенных отношениях. В них присутствует имплицитная предикация. Высказывания с такими определениями обладают большой семантической емкостью.

Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-а* называют объективный признак референта, в них отсутствует оценочный компонент. Определение обозначает лицо, кем обладает другое лицо, названное в определяемом слове. По существу такие атрибутивные отношения являются предикативными, в высказывании они образуют свой смысловой центр, содержание которого близко к значению бытийных конструкций,

в них также утверждается наличие, существование: *Батя челядьыдлөн и олан керкаыс торъялө* (В. Напалков) «У детей, имеющих отца, и жилой дом отличается»; *Тайө жө параходнас тиөтти катис и Космортөв гөтырыскөд да челядя нывбабакөд* (Г. Федоров) «Этим же пароходом плыл и Космортөв с женой и женщиной, у которой были дети». Относительное определение может давать характеристику по внешним признакам, иметь значение «покрытый чем-то», «одетый во что-то». В роли стержневого слова выступает существительное, называющее лицо, часть тела: *Сийө йөктыны кутис места вылас, кеныся кияссө воча швачөдис* (И. Пыстин) «Он начал приплясывать на месте, руки в варежках бил друг о друга». Такие атрибуты выражают и характеристику лица по наличию у него (при нем, в нем) какого-либо предмета или характеристику предмета по наличию у него другого предмета как существенной детали, как специфического выделительного признака. В первом случае в роли определяемого выступают субстантивы со значением лица: *Сы дорын шуксисны чемоданьяса зонкаяс* (Н. Куратова) «Возле него толпились мальчики с чемоданами». Во втором случае стержневым компонентом является существительное, называющее неодушевленный предмет, относительное определение выражает важный сопутствующий признак: *Тані пө сетöны ковёрьяса да мебелия квартираяс* (В. Напалков) «Мол, здесь дают квартиры с коврами и мебелью». Для прилагательных с рассматриваемым значением характерна атрибутивная функция, многие из них не способны занимать позицию предиката: *телефона пызан* «стол, на котором стоит телефон (букв. стол, обладающий телефоном)»; но **пызаныс телефона*; *самövара пызан* «стол, на котором стоит самовар», но **пызаныс самövара*. Лишь некоторые относительные адъективы с формантом *-а* способны занимать позицию атрибута и предиката, причем в предикативной функции они в определенной мере «окачествляются». Наблюдается сдвиг от дескриптивного к оценочному значению, ср. *Машалы, сідзнад мойвиöма мужикнас. Деньгаа мортöс крукыштöма* (В. Напалков) «Маше так-то посчастливилось с мужем. Подцепила денежного человека» и *Машалөн верöсыс деньгаа* «У Машиного мужа много денег (букв. муж, обладающий деньгами, денежный), значит, обеспеченный, и это для говорящего хорошо»; и «У Машиного мужа есть деньги». Атрибутивное прилагательное с маркером *-а* может выражать признак **по составу, по материалу**. Признак является воспринимаемым органами зрения, осязания. Такие определения реализуются при определяемых – неодушевленных существительных: *Во-*

дзланьын – *козья вөр* (Я. Рочев) «Впереди – еловый лес»; *Эг удитой ми сийос гости корны. Чимиа чериняньон коть вердим* (Ю. Васютов) «Не успели мы его в гости пригласить. Хоть бы накормили рыбником из семги». Относительные прилагательные с маркером *-а* в позиции атрибута могут называть и признак, характеризующий предмет **по способу производства**: *чера удж* «работа выполняемая с помощью топора», *вёла удж* «работа, выполняемая с помощью лошади», *самовара тшай* «чай, вскипяченный в самоваре» и т.п. В этом значении они не могут занимать позицию предиката: **тшайыс самовара* «букв. чай самоварный», **уджыс вёла* «букв. работа лошадиная» и т.п. В атрибутивной функции они вносят в высказывание ёмкое содержание, являются важными для формирования смысла всего высказывания: *Тулыс – гождёмнас зыръя да чера уджыс юр выв тыр* (В. Напалков) «Весной и летом работы, которую надо выполнять при помощи лопаты и топора, выше головы»; *А ме самовар на сямма пуктыны. Чайника чайтө нө кодй юас* (Б. Шахов) «А я и самовар еще сумею поставить. Кто же будет пить чай, вскипяченный в чайнике».

Отсубстантивные прилагательные с показателем *-а* в позиции атрибута могут указывать и на **признак по состоянию**: *Видзөдлис биа комнаталань* (В. Напалков) «(Он) посмотрел на комнату, в которой горел свет (букв. световую комнату)»; *Крапкис-шуис, быттьө ас бёрсяыс сё томана өдзөс пөдлалис* (А. Ульянов) «Брякнул-сказал (он), как будто захлопнул за собой дверь со ста замками (букв. стозамковую дверь)».

Относительные неоценочные прилагательные на *-а* в позиции определения выражают признак **по наличию чего-либо в большом количестве**: *Сэни пө эмось жө чериа юясыд* (П. Шахов) «Там-де тоже есть рыбные реки».

Относительные атрибуты, оформленное формантом *-а*, могут имплицитно указывать на объект, сопровождающий предмет, названный в определяемом слове, семантически определение является очень важным компонентом высказывания: *Кампета чай на весиг удитисны юны* (Б. Шахов) «Чай с конфетами (букв. конфетный чай) даже успели выпить»; *Бөрланьыс мөдйс кывны телегаа вөлөн воысь* (В. Юхнин) «Сзади слышались звуки едущего на телеге (букв. тележный лошадьё едущий)».

Своеобразными являются атрибутивные конструкции, в которых в роли определения выступают прилагательные, образованные от темпоральных существительных типа *лун* «день», *рыт* «вечер» и т.п. Они вы-

ражают признак **по времени**: *Луна туй нин коли Емдінөдзыс* (Г. Юшков) «До Усть-Выма остался день езды (букв. дневной путь остался)»; *Карыс оліс аслаc рьтъя оломо́н* (В. Тимин) «Город жил своей вечерней жизнью».

Относительные неоценочные определения могут выражать признак по отношению к какому-либо событию. Атрибутивные сочетания образуют свой смысловой центр высказывания: *Олимпиадаа сійө гождөмнас ми гортө өдва и воим* (П. Шахов) «В то лето, когда проводили олимпиаду (букв. олимпиадное лет), мы едва доехали до дому»; здесь сочетание *олимпиадаа гождөм* является целым высказыванием – «В лето, когда проводили олимпиаду», «лето, когда проходила олимпиада». Такие прилагательные входят в состав предложения лишь в роли атрибута, они невозможны в позиции предиката, так же как и прилагательные с вышеназванными значениями: **гождөмыс олимпиадаа*, «*букв. лето олимпиадное», **туйыс луна* «*букв. путь дневной» и т.п.

К неоценочным относительным атрибутам относятся атрибуты, выраженные отсубстантивными прилагательными с маркером *-өсь*, основное грамматическое значение которых определяется как «изобилующий чем-либо, имеющий, содержащий в своем составе что-либо в большом количестве». Они обозначают внешние, наблюдаемые признаки, специализируются на выражении заметных, отличительных, но обязательно внешних признаков референта, никогда не сообщают о внутреннем содержании или составе референта: *лымйөсь кок* «ноги, запачканные снегом», *пувйөсь ки* «руки, запачканные брусникой», при выражении же внутреннего содержания, состава, материала используются атрибуты с маркером *-а*: *пувья кисель* «брусничный кисель» и т.п.

В роли атрибута прилагательные с формантом *-өсь* употребляются в большинстве случаев при неодушевленных существительных: *Ипатеи дядь, пельпом вылас дөмасөсь пасшойсө чөвтөмо́н, дзурликасис-пырис ывлаысь* (Я. Рочев) «Дядя Ипатеи, бросив на плечо шубенку с многочисленными заплатками, проковылял-зашел с улицы»; *Рытыв-войладорысь ньөжмыда петіс кодзулөсь енэжас кельыдгөрд чут* (Г. Юшков) «С северо-запада на звездном небе медленно появилось бледно-красное пятно». Прилагательные с маркером *-өсь* могут иметь и значение «запачканный, покрытый чем-либо», «запачканный, покрытый «жидкой или рассыпчатой, вещественной массой»: *Юрий тиөктіс маслөөсь кисө косөдз чышкавны* (П. Шахов) «Юрий попросил руки, запачканные маслом, вытереть досуха»; *Быдсяма машинаяс ветлөны*

бусӧсь туй кузя (В. Безносиков) «Всякие машины ездят по пыльной дороге».

Атрибутивные прилагательные, маркированные каритивным суффиксом *-тӧм*, указывают на отсутствие каких-либо отношений между референтами, имеют семантику отсутствия, необладания чем-либо: *пачтӧм керка* «дом без печки»; *сакартӧм тшай* «чай без сахара», *мӧстӧм овмӧс* «хозяйство без коровы» и т.п. Они сообщают о том, что отношения между референтами отсутствуют вне зависимости от мнения, оценки или отношения субъекта речи или участника события: *Батьтӧм олӧмыд тай ӧдйӧ быдторъяс велӧдӧ* (В. Напалков) «Жизнь без отца быстро ко всему научит»; *Менам ӧд мамтӧм кага быдмӧ* (Н. Куратова) «У меня ведь ребенок без матери растет». При одушевленных существительных такие определения нередко указывают на физические недостатки человека, живого существа: *китӧм морт* «человек без руки»; *чуньтӧм ки* «рука без (одного) пальца». Прилагательные с маркером *-тӧм* в роли определения могут распространять существительные различных лексико-семантических групп: *позтӧм кӧк* «кукушка без гнезда», *вуйтӧм рок* «каша без масла», *ватӧм чайник* «чайник без воды» и т.п. Однако в использовании подобных прилагательных в позиции предиката имеются определенные ограничения, которые накладываются значением носителя признака или содержанием высказывания. В роли предиката они не употребляются при существительных, обозначающих отвлеченные понятия: *батьтӧм олӧм*, но **олӧмыс батьтӧм* «жизнь без отца» и т.п., хотя при определяемых, называющих конкретный предмет/лицо, могут занимать позицию предиката: *Тайӧ нывкаыс батьтӧм* «У этой девочки нет отца».

Неоценочные отсубстантивные и отнаречные прилагательные в атрибутивной функции выражают характеристику референта по локальному признаку, пространственным отношениям: *Меным зэв мусаӧсь сиктса коми пӧчьясыд. Карса пӧчьясыд абу сэтшӧмӧсь. Тамчӧс олӧмыс вӧчӧма найӧс чорыдджыкӧн* (А. Попов) «Мне очень нравятся деревенские коми старушки. Городские старушки не такие. Здешняя жизнь сделала их более черствыми». Для таких прилагательных более типична атрибутивная функция, они некорректны в позиции предиката: *библиотекаса Аня* «Аня, работающая в библиотеке»; *сиктса пӧчьяс* «деревенские бабушки», но **Аняыс библиотекаса* «букв. Аня библиотечная», **пӧчьясыс сиктсаӧсь* «бабушки деревенские».

В группу неоценочных относительных входят атрибуты – отглагольные прилагательные с суффиксом *-са*. Они имеют значение состояния: *восьса* «открытый», *пӧдса* «закрытый», *тӧдса* «знакомый», *сиптыса* «закрытый», *сувтса* «стоячий», *тупкӧса* «закрытый». В большинстве случаев выражают наблюдаемый, воспринимаемый органами зрения признак, лишь прилагательное *тӧдса* «знакомый» обозначает информативный, известный признак: *Пызан вылас восьса книга куйлис* (П. Шахов) «На столе лежала открытая книга»; *Чангыр увтис пӧдса ӧдзӧс дорын* (В. Тимин) «Чангыр (собака) лаяла возле закрытой двери».

Особую группу атрибутивных прилагательных составляют **оценочные**, выражающие оценку референта субъектом речи или субъектом высказывания, участником ситуации. В конструкциях с такими определениями дается не реальный признак предмета или лица, а на передний план выдвигается оценка говорящего или субъекта высказывания, его субъективное отношение; оценка во многом зависит от эстетического идеала, вкуса, привычек, жизненного опыта оценивающего субъекта, его значений об окружающей действительности, от нормы, принятой в обществе. Основными на шкале оценки являются общеоценочные адъективы (*бур* «хороший» – *лӧк* «плохой»), они стоят в оппозиции, между ними находятся другие оценочные лексемы. Оценка всегда субъективна, один и тот же предмет разными субъектами может оцениваться по-разному, иногда может быть дана противоположная оценка: то, что одному кажется красивым (вкусным, хорошим и т.п.), то же самое для другого является некрасивым (невкусным, плохим и т.п.). Кроме того, одним и тем же субъектом при различных обстоятельствах, в различных временных отрезках один и тот же предмет, событие может оцениваться по-разному (*Неважӧн на ме чайтли сийӧс бур мортӧн, а ӧни ог чайт сидзи* «Еще недавно я его считала хорошим человеком, а сейчас так не считаю»). Для оценочных прилагательных типична предикативная функция, роль атрибута для них менее характерна, однако в некоторых случаях в высказывании способны занимать позицию атрибута. При выражении атрибутивными прилагательными общей оценки всегда предполагаются определенные свойства предмета/лица. При общей оценке *бур* «хороший» – *лӧк* «плохой», относящейся к лицу, в позиции определяемого преимущественно используются самые общие обозначения лица, при которых определение облигаторно, при его устранении высказывание становится недостаточным, неполноценным по смыслу. В роли определяемого возможны существительные со значением профес-

сии, рода занятий, при них оценочное определение также бывает обязательным. Нередко оценочные атрибуты являются облигаторными при субстантивах – именных предикатах: *Нимьяныд вёлма бур вөралысьён* (В. Тимин) «Нимьян был хорошим охотником»; *Оксинь тьёткакөд ми бур төдсаяс* (П. Шахов) «С теткой Аксиной мы хорошие знакомые».

Неодушевленный предмет, событие в определенных условиях является в жизни человека функционально значимым, в этом случае при существительных, называющих такие предметы, могут быть оценочные определения: *Талун медся лёк виддзыс мянөс виччысьё* (И. Торопов) «Сегодня самый плохой луг нас ожидает»; *Быдөн ошкёны бур уджысь* (И. Изъюров) «Все хвалят за хорошую работу». Антонимическая оценочная пара *бур – лёк* в позиции определения возможна при одном и том же референте: *бур удж* «хорошая работа» – *лёк удж* «плохая работа»; *бур керка* «хороший дом» – *лёк керка* «плохой дом» и т.п. К общеоценочным относится и прилагательное *омоль* «плохой, скверный, дурной», которое негативную оценку выражает в более мягкой форме, имеет более узкие сочетательные возможности и более ограниченное употребление: *Омоль вурсьысьыдлөн прөстынясьыс ныр чышкөд оз артмы* (Поговорка) «У плохого портного из простыни носового платка не получится».

Частную оценку имеют антонимические пары *мича* «красивый» – *мисьтөм* «некрасивый», *чөскыд* «вкусный» – *чөскыдтөм* «невкусный» и т.п. Первая пара дает эстетическую оценку референта по его внешним характеристикам, с помощью этих прилагательных говорящим субъектом высказывания оценивается референт с точки зрения его эстетических идеалов. Оценке свойствен ярко выраженный субъективный характер: *Мича нывъяс Эжва дорө лэччисны* (В. Савин) «Красивые девушки к Вычегде спустились». Пара антонимов *чөскыд* «вкусный» – *чөскыдтөм* «невкусный» выражает сенсорно-вкусовую оценку: *Чөскыд сёянысь да лөсьыд паськөмысь синмыд оз повзы* (Поговорка) «От вкусной пищи и красивой одежды глаза не оробеют».

Частнооценочные прилагательные типа *дыш* «ленивый», *зиль* «старательный, прилежный», *рам* «скромный, смиренный», *сибыд* «общительный, располагающий к себе, приветливый», *горш* «жадный», *наян* «хитрый, лукавый», *мудер* «хитрый, лукавый» и т.п. выражают этическую оценку: *Горш мортөд пө ныр видзөддө курыштны* (Поговорка) «Жадный человек только и смотрит нагребастать что-либо»; *Наян мортөс олөмыд велөдас* (Поговорка) «Хитрого человека жизнь научит».

Во всех случаях в сообщениях с оценочными определениями центральное место занимает коммуникант, он дает оценку, выражает свое отношение к предметам, фактам, событиям реальной действительности. Без таких определений не раскрываются коммуникативные задачи говорящего субъекта.

Роль прилагательного в формировании смысла высказывания

Субстантивное слово для выполнения своих синтаксических функций в предложении не нуждается в определениях, грамматически является независимым. Однако семантически они далеко не всегда являются достаточными для формирования содержательной стороны сообщения, выполнения коммуникативных задач субъекта речи. Смысловая законченность является одним из основных признаков высказывания, которое представляет собой элементарную единицу коммуникации. Для того чтобы высказывание имело полноценное смысловое содержание, необходимо сообщать не только о предметах, явлениях реальной действительности, но и об их характеристиках, оценке. Имеются определённые лексико-семантические группы существительных, требующих для раскрытия своего смыслового содержания обязательного употребления прилагательных, которые бывают необходимыми и с целью выполнения коммуникативных задач субъекта речи. При построении высказывания говорящему важно не только назвать предмет сообщения, но его характеристику, дать информацию о нем. В этом отношении большое значение имеет прилагательное, характеризующее, конкретизирующее и оценивающее предметы. Оно нередко играет ведущую роль в формировании смысла высказывания. Во многих случаях без прилагательного не может быть построено полноценное высказывание. При его устранении изменяется или теряется смысл высказывания, фраза теряет истинность. Обязательного употребления адъективных слов нередко требует коммуникативный акт. Указанием на признак восполняется нехватка информации, создается полноценный семантический уровень высказывания. Отличие признаковых предложений состоит в том, что при субъекте – одушевленном существительном и при субъекте – местоимении в состав предиката входят существительные с обобщенным лексическим значением в номинативе и прилагательное, которое облигаторно требует субстантивное слово. Именно прилагательное характеризует субъект. В рамках речевой коммуникации существенным является характеристика субъекта, а не отнесенность его к классу предметов. Существитель-

ное без прилагательного неинформативно, поэтому высказывание в целом недостаточно информативно.

Прилагательное во многих случаях облигаторно, при его опущении высказывание становится бессмысленным. В акте коммуникации невозможны конструкции типа **сійö морт* «он человек», **сійö зон* «он юноша», **гöтырыс – нывбаба* «жена – женщина». Из языкового опыта и говорящему, и принимающему информацию известно, что имена собственные, личные местоимения, существительные, обозначающие родственные отношения, типа *верöс* «муж», *гöтыр* «жена» и т.п. обозначают лицо. В конкретной речевой ситуации цель говорящего – не является указание на лицо, а характеристика субъекта высказывания. Образуются характеризующие предложения, в которых прилагательное уточняет, конкретизирует смысл субстантивного слова, характеризует лицо со стороны внутренних качеств, умственных способностей, возраста, внешнего вида, общей или частной оценки: *Директор – тöлка мужик* (И. Изъюров) «Директор – толковый мужик»; *Варук сідзсö абу омöль морт* (Г. Федоров) «Варук в общем-то неплохой человек».

Прилагательное является обязательным при существительных с широкой семантикой, при неполнозначных субстантивных словах, в определенном контексте полностью или частично утративших свое лексическое значение. К таким существительным, например, относятся общие названия лиц: *морт* «человек», *йöз* «люди», *войтыр* «народ», *ань, нывбаба* «женщина», *ныв* «девушка», *зон* «юноша», *мужичöй* «мужчина» и т.п. В любых синтаксических позициях они малоинформативны. Семантическим центром в высказываниях с названными и другими подобными лексемами является прилагательное, именно оно выражает основную информацию. Субстантивное слово называет лишь широкий класс предметов, причем «принадлежность субъекта к этому классу относится к фоновым знаниям участников коммуникации. В наименовании класса содержится самая общая информация: принадлежность к человеческому роду вообще, либо класс, выделенный с учетом пола и возраста» (ТФГ 1996: 61-62). Атрибутивные прилагательные обозначают отличия данного предмета, которые являются важными для коммуниканта при создании высказывания. Существительные представляют лишь структурный элемент. Характеризация/оценка является главной целью, ради которой строилось высказывание: *Кöсьтаыс шань морт* (Б. Шахов) «Костя хороший человек»; *Ме тані выль морт* (Г. Федоров) «Я здесь новый человек».

К содержательно недостаточным существительным, которые для построения семантически законченного высказывания требуют обязательной конкретизации, относятся и лексемы, обозначающие части тела: *чужём* «лицо», *син* «глаза», *юрси* «волосы», *сьёлём* «сердце», *ки* «руки», *кок* «ноги», *чунь* «палец», *ныр* «нос» и т.п. Высказывание строится с целью выражения внешней или внутренней характеристики лица, описания физических свойств, облика человека, оценки определенных качеств, с целью наделения индивидуальными свойствами того или иного лица, поэтому при таких словах, называющих части, которые считаются заведомо присущими целому, прилагательное оказывается обязательным: *Надя төдiс: сьлөн бур сьёлём* (И. Изьюров) «Надя знала: у него доброе сердце»; *Зоялөн посньыдик, еджыд пиньяс, вёсньыдик парьяс, ичёт ныр* (И. Изьюров) «У Зои мелкие белые зубы, тонкие губы, маленький нос».

К числу таких имен, которые нуждаются в определениях, относятся и существительные с локативной семой типа *му* «земля, край», *ин*, *места* «место» и т.п. Прилагательное при них является важной составляющей для создания смысла всего высказывания: *Помасис васёд места* (И. Коданев) «Закончилось сырое место»; *Воисны нин шоныд муысь сьёд ракаяс* (И. Коданев) «Уже прибыли из теплых земель грачи».

Для реализации коммуникативных задач субъекта речи в обязательных определениях нуждаются и субстантивные слова, образующие семантическое поле времени: *кад* «время», *во* «год», *нэм* «век», *лун* «день», *рыт* «вечер», *вой* «ночь», *здук* «миг, момент, мгновение», *асыв* «утро» и т.п., которые также имеют слишком общее значение и требуют сужения своей семантики: *Том кадыс отчыд овлө* (В. Юхнин) «Молодость (букв. молодое время) бывает один раз»; *Степан бөрья рытьяссө эз волев, уджалис мөд сменаын* (В. Напалков) «Степан в последние вечера не приходил, работал во вторую смену». Темпоральные существительные могут иметь при себе прилагательные оценки, состояния, которые при отсутствии других атрибутов и в соответствии с коммуникативными задачами говорящего бывают обязательными. При этом адъективные определения оценивают не сам отрезок времени, выраженный темпоральным именем, а через него оценивается событие, происшествие, настроение и т.п., которые были у субъекта в течение этого периода времени. В высказывании признак мыслится как зависимый от мнения, от эмоционального состояния субъекта речи. Сами по себе *время, ночь, день* и т.п. не могут быть тяжелыми, легкими, мрачными и т.п., а только

с точки зрения говорящего. Через признаки оцениваются какие-либо события, которые имели место у субъекта в период времени, который назван в субстантивном слове: *Ильялӧн вӧлі зэв сьӧкыд лун* (В. Юхнин) «У Ильи был очень тяжелый день»; *Ок, сьӧкыд тулысьяс тӧдліс Василий Васильевич!* (И. Изьюров) «Ох, и тяжелые вёсны знавал Василий Васильевич!». Вторую группу составляют высказывания, в которых оценивается само понятие, выраженное темпоральным именем: *Чурк йылас мича да ясыд луньясӧ важӧн тыдавлісны керка да пывсян* (В. Напалков). «На возвышенности в хорошие и ясные дни раньше виднелись дом и баня».

Для раскрытия смыслового содержания высказывания недостаточными оказываются и некоторые имена (*кыв* «слово», *сёрни* «разговор»), имена психических действий (*мӧвп* «мысль», *дум* «мысль»). Они также требуют обязательных распространителей, на которые падает большая информативная нагрузка: *Ми ӧд со кыдзи мамыдкӧд олім, ӧта-мӧдлы лӧк кыв эг шулӧй* (И. Изьюров) «Мы ведь вот как жили с (твоей) мамой, плохого слова не говорили друг другу». При опущении прилагательного *лӧк* «плохой» изменяется смысл всего высказывания, теряется его истинность. Фраза *ӧта-мӧдлы кыв эг шулӧй* «друг другу слова не говорили» означает «жили, молча», что совершенно не соответствует истине, коммуникативным целям сообщаемой информации. В конкретной речевой ситуации вышеназванные существительные без прилагательного-атрибута употребляются крайне редко, они не способны самостоятельно передавать какую-либо информацию. Как правило, их конкретизаторами, облигаторными атрибутами являются прилагательные оценки и внутреннего, эмоционального состояния: *Арся ру моз пондіс разавны сикт пасьта лӧк сёрни* (Н. Куратова) «Как осенний туман по селу начали расползаться плохие слухи»; *Висьтав гӧтырыдлы бур юӧр* (И. Изьюров) «Передай (своей) жене хорошее известие».

Для того чтобы смысл высказывания был достаточным, конкретизации своего значения требуют и некоторые имена активного действия, событийные существительные (*удж* «работа, труд», *лоӧмтор* «событие», *олӧм* «жизнь» и т.д.). Прилагательное при них имеет важный коммуникативный статус, без него высказывание не истинно: *Мукӧд моз кокни удж бӧрся некор эз вӧтлысьлы* (А. Ульянов) «Никогда (он) не гонялся, как другие, за легкой работой»; *Бара дум вылас усины лунся лоӧмторьясыс* (Б. Шахов) «Опять вспомнились дневные события».

Субстантивы, обозначающие профессию, род занятий, могут употребляться без определения, если речь в высказывании идет о принадлежности лица к определенному профессиональному подклассу, если есть альтернативная возможность относиться к другому подклассу: *Сійö вöлі вöралысь* «Он был охотником», но он мог быть еще кем-то, например рабочим. Однако в речи, устной или письменной, о принадлежности объекта к определенному профессиональному подклассу обычно бывает известно из речевой ситуации или контекста. Целью коммуниканта, как правило, является качественная характеристика, оценка, утверждение того, что объект обладает определенными качествами: *Тэнад öд батыйд сюсь вöралысь вöлі* (Ю. Васютов) «Твой отец ведь хорошим охотником был»; *Зöсим – бур животновод. Анна – бур колхозница* (Н. Попов) «Зосим – хороший животновод. Анна – хорошая колхозница» и т.п.

Атрибутивные прилагательные являются крайне важными для формирования смысла предложений полного тождества. Без определения они не информативны, их смысловая законченность возможна только при использовании прилагательного, именно оно несет информацию, ради которой строилось все высказывание. Прилагательное в составе подлежащего конкретизирует, выделяет предмет из класса однородных, а в составе предиката выполняет оценивающую функцию, но в обоих случаях оно облигаторно для создания семантического уровня высказывания: *Дыш висьöм – медся омöль висьöм* (Поговорка) «Нет болезни страшнее лени (букв. ленивая болезнь – самая плохая болезнь)»; *Вöралан удж – сьöкыд удж* (В. Юхнин) «Охотничья работа – трудная работа». В общеоценочных предложениях полного тождества атрибутивное прилагательное является необходимым перед подлежащим. В таких конструкциях отрицается наличие существования не вообще класса/подкласса предметов, обладающего определенным качеством, свойством, которое актуализировано в определении. Грамматически свободное сочетание субстантива и зависимого от него распространителя является информативно нечленимым, причем основная семантическая нагрузка падает на зависимый компонент: *Мöстöм крестьянинд абу крестьянин* (Г. Федоров) «Крестьянин без коровы – не крестьянин»; *Самöвартöм чайыд – абу и чай кодь* (И. Изьюров) «Чай, вскипяченный не в самоваре (букв. бессамоварный чай), и на чай не похож».

Облигаторность атрибутивного прилагательного во многих случаях обусловлена противопоставлением признаков в рамках одного высказывания. Прилагательные указывают на то, что подклассы одного и того

же класса различаются лишь определенными признаками могут быть оценены по-разному. В высказывание вводятся противоположные по значению прилагательные, актуализирующие описываемый, важный для субъекта речи признак: *Гашкӧ, эмӧсь и бур и лёк политикьяс?* (Г. Федоров) «Может быть, есть и хорошие и плохие политики?»; *Гырысь и носни шорьяс визувтисны Эжвалань* (И. Коданев) «Большие и маленькие ручьи текли в сторону Вычеды». В одном и том же сообщении могут быть противопоставлены признаки предметов, относящихся к разным классам. В таких случаях семантический уровень всего высказывания создается именно прилагательным: *Выль «губернатор» пыр жӧ кутчысис лӧсьӧдны важ пӧрадокьяс* (Г. Федоров) «Новый «губернатор» сразу же принялся наводить старые порядки»; *Ичӧтик ну дозйын сатшвидзис ыджыд кактус* (Н. Куратова) «В маленьком деревянном горшке рос большой кактус».

Противоположные по значению определения, относящиеся к разным референтам, могут быть использованы в разных высказываниях, при этом каждое из них является обязательным с семантической точки зрения. Высказывания с облигаторными атрибутами могут разделяться другими сообщениями. Обязательные антонимические определения возможны в репликах разных коммуникантов, участвующих в речевом процессе. Подобная реализация определений является средством выражения контрастивности в контексте: – *Ме, Вася, кымынысь тӧныд шулі: эн, мися, лок няйт паськӧмнад столовӧйӧ. – Тіян эськӧ мед важӧн татшӧм вӧлі, – индіс шофер сӧстӧм пызаньяс вылӧ* (И. Изъюров) «– Я, Вася, сколько раз тебе говорила: не приходи в грязной одежде в столовую. – У вас бы давно так было, – указал шофер на чистые столы»; *Ӧнӧдз тэ на менам югыд шондыс вӧлін... Дзебсян кӧ сьӧд кымӧр сайӧ, эновтан кӧ менӧ, югыдлуныс менам бырӧ* (Б. Шахов) «До сих пор еще ты был для меня ясным солнцем... Если спрячешься за черную тучу, бросишь меня, исчезнет для меня свет». Прилагательное является обязательным при скрытом противопоставлении. В высказывании вербально называется лишь один признак подкласса предметов, его наличие указывает на существование противоположного признака, который в контексте не назван, но представлен имплицитно: *Выль властьыс вед мян дор лои, гӧльяс дор...* (И. Торопов) «Новая власть ведь стала на нашей стороне, на стороне бедных...»; *Шоныд муясӧ тӧвйыны лэбисны юсьяс* (В. Напалков) «В теплые земли зимовать улетели лебеди».

Существенной является роль прилагательного для введения в текст повторной номинации. Часто в тексте повторное наименование идет через признаки. Коммуникант сначала называет лишь предмет без указания на его признаки, а при повторе дает его качественную характеристику, оценку, при каждом из следующих повторов сообщая дополнительные признаки. И таким образом достигается последовательное, разностороннее описание предмета. Высказывания с повторными номинациями способствуют выделению, подчеркиванию существенных, важных для говорящего и для данной речевой ситуации признаков. При повторной номинации семантически главным словом в словосочетании является прилагательное, хотя грамматически оно зависит от существительного. Повторная номинация может быть в пределах одного сообщения или же расположенных последовательно в разных высказываниях, которые связаны семантически, дополняют друг друга, формируют текст: *А сэсья и лым петіс, лун-мёд отторья сапкис-усис гырысь, корья лым* (И. Торопов) «А потом и снег пошел, два дня без конца шел крупный, мохнатый снег»; *Кар пасьта шонді. Гожся жар шонді* (И. Изьюров) «Во всем городе солнце. Летнее, жаркое солнце».

Своеобразными являются конструкции, в которых повторяется само прилагательное, а не существительное. При субстантивах с разными значениями используется одно и то же атрибутивное прилагательное, которое является обязательным при обоих существительных, именно оно несет основную информативную нагрузку высказывания, оно формирует смысл высказывания. Целью таких сообщений является указание на то, что предметы разных классов, разных подклассов обладают одинаковыми качествами, свойствами. В таких высказываниях усиливается роль атрибута, говорящий субъект сосредоточивает внимание на признаке, оценке объекта. Подобный повтор не создает тавтологии, а способствует актуализации признака. Определение является необходимым для раскрытия коммуникативных задач субъекта речи: *А бур работниклы бур и дон* (В. Юхнин) «А хорошему работнику и оплата хорошая»; *Мича кӧзьяйкадылы мича и оланін* (В. Напалков) «Красивой хозяйке – и красивое жилье». В связной речи в атрибутивных прилагательных во многих случаях нуждаются бытийные предложения, в которых утверждается существование объектов в реальном мире, их отдельных фрагментов, наделенных определенными признаками. Говорящим об их существовании бывает известно из знаний о мире или речевой ситуации. Просто сообщение о существовании каких-либо предметов, со-

бытий неинформативно, поэтому именно определение при существительном составляет коммуникативный центр. Прилагательные несут главную коммуникативную нагрузку: *Вöлі зэра ар, туйяс нильзисны* (А. Ульянов) «Была дождливая осень, дороги размокли». Экзистенциальные предложения часто начинают текст, новый абзац. В них указывается на существование в реальной действительности некоторого объекта, который наделяется определенным признаком, свойством. Этот признак составляет семантическую структуру, он является основанием для развертывания последующих высказываний, в которых сообщается о последующих событиях: *Вöлі сёр ар. Муыс вевттьысис гөн кодъ небыдик лымйөн. Едждöдисны пушкыра козьяс. Ланьтисны вёрса ичөтик шорьяс* (И. Коданев) «Была поздняя осень. Земля покрылась мягким, как пух, снегом. Побелели пушистые ели. Умолкли маленькие лесные ручьи».

Субъект предложения в коми языке

При коммуникативном контакте для говорящего важным является сообщать прежде всего о действиях, состояниях лица, побуждать собеседника к определенному действию. Ни одно действие не может совершаться без деятеля. В различных ситуациях в силу определенных причин какое-либо состояние испытывать может лицо, одушевлённый предмет. Поэтому в абсолютном большинстве случаев в предложении присутствует субъект. Лишь в некоторых безличных предложениях может сообщаться о бессубъектном процессе, состоянии природы: *Ывлаын шоныд* «На улице тепло»; *Луннас югыд* «Днём светло». Однако в коми языке и такие предложения способны иметь формальный субъект: *Ывла заводитö зэрсявны* (Я. Рочев) «На улице начинает идти дождь (букв. природа, улица начинает дождить)»; *Ывла немдö* (Я. Рочев) «На улице темнеет (букв. Улица темнеет)».

Первичной семантико-синтаксической функцией субъекта предложения является обозначение производителя или носителя приписываемого ему предикативного признака. Другая функция субъекта предложения, связанная с его семантико-синтаксической функцией, состоит в том, что он указывает в конструируемом событии на свое центральное (фокусное) положение, поскольку именно ему приписывается предикативный признак. Это центральное положение субъекта предложения в событии определяется тем, что он обозначает нечто ав-

тономно существующее или представляемое как автономно существующее, а приписываемый ему предикативный признак без него не существует (Шелякин 2001: 183). Однако для составления полноценной семантической структуры предложения необходим и сам предикативный признак, предикат служит целям сообщения, целям характеристики. Субъект и предикат являются одним из важных компонентов семантической структуры высказывания. Как правило, имя в субъектной позиции является темой.

В каждом языке имеются различные способы выражения субъекта. «Выразителями субъекта не могут быть любые именные словоформы, язык располагает определённым набором синтаксических форм слова (синтаксем) для выражения субъекта, а выбор той или иной формы зависит от разновидности субъектно-предикатных отношений, форма субъекта взаимообусловлена и связана со значением и формой выражения предикативного признака» (Золотова 2001: 134). Субъект выражается формой номинатива, формами косвенных падежей существительного/местоимения, личными формами глаголов. Способ выражения субъекта зависит от семантики и способа выражения сказуемого, от коммуникативной установки говорящего, форма субъекта взаимообусловлена и связана со значением и формой выражения предикативного признака» (там же: 134).

Субъект может быть представлен формой номинатива. Такой субъект является активно действующим лицом, активным носителем состояния. Чаще всего называется субъект-лицо: *Став йёзыс шудаёсь лоёны* (И. Торопов) «Все люди будут счастливыми»; *Бать-мам озырёсь* (И. Изъюров) «Родители богатые». В роли субъекта высказывания возможны имена не-лица (названия одушевлённых существ): *Лунтыр асывсянь пыр Дзользьё-гажёдчё пыста* (А. Некрасов) «С утра целый день всё щебечет-веселится синица». Номинативная форма может выражать и предметный субъект: *Тани пё абуёсь светофорьяс* (Е. Рочев) «Здесь, мол, ещё нет светофоров (букв. светофоры)», а также отвлечённый субъект: *Кадыд пё тай быд дой бурдёддө* (Г. Фёдоров) «Говорят, что время все раны излечивает».

Номинатив в двусоставных синтаксических конструкциях обозначает (а) субъект действия (агентивный). При таком субъекте – подлежащем в роли предиката выступает акциональный глагол: *Бать пес кералө* «Отец дрова колет»; *Вок турун ытшкө* «Брат косит сено»; **(б) субъект состояния, при этом позицию предиката занимают ста-**

туальные глаголы, прилагательные со значением состояния: *Кага узьö* «Ребёнок спит»; *Понйыс тшыг* «Собака голодная»; (в) субъект – носитель признака (квалитативный субъект): *Сёяныс чöскыд* «Еда вкусная»; *Нывъясыс бурöсь* «Девочки хорошие»; (г) субъект определяемого количества: *Ваыс тидзöсöдз* «Воды (букв. вода) до колен»; *Туруныс коскöдз* «Травы (букв. трава) до пояса»; (д) субъект наличествующий (экзистенциальный) при экзистенциальных глаголах и при отрицательном слове *абу* «нет»: *Сиктын эм икола* «В селе есть школа»; *Вöрын тшакыс абу* «В лесу нету грибов (букв. грибы); при локативных формах в предикате: *Мам гортын* «Мама дома»; *Черыыс юын* «Рыба в реке»; (е) субъект сравнения (компаративный): *Эжва ыд-жыдджык Сыктылысь* «Вычегда больше Сысолы»; (ё) субъект классификации (квалификативный) при именном предикате без связки или со связкой: *Пув – вотöс* «Брусника – ягоды»; *Ош – вöрса немöс* «Медведь – дикое животное».

Имена существительные в номинативе, называющие субъект высказывания, способны маркироваться определённо-притяжательными аффиксами. Они, кроме выражения субъекта, имеют и посессивное значение – указывают на объект, кому принадлежит лицо или предмет, названный в существительном в номинативе: *Мамыд, ёна нин вöли шогсьö* (И. Сажин) «Мама (твоя) уже очень беспокоилась»; *Юрöй лунтыр висьö* (И. Торопов) «Голова (моя) целый день болит»; *Иванöй мунис, Öндрей Петрович* (Н. Попов) «Иван (мой) ушел, Андрей Петрович». Свообразными являются конструкции, в которых подлежащее маркируется показателем множественного числа *-яс* и лично-притяжательными суффиксами. Такие формы существительного в номинативе обозначают, что реальными субъектами является не множество лиц, названных в подлежащем, а одно лицо, обозначенное подлежащим, и самые близкие люди этого лица, но которые в высказывании не названы, на них указывает показатель множественности и контекст: – *Панте! Панте! Батьöяс мый вöчöны! Кöсьöны Кöсьтаöс гöтралны* (Б. Шахов) «Панте! Панте! Родители (букв. отцы) что делают! Хотят Костю женить»; *Сийö сиктад абу öтнасöн. Дядьысьяс на эмöсь* (Б. Шахов) «В деревне она не одна. Есть ещё (её) дядя (и вся семья дяди)»; *Ёгора пыр и вöрö кайны лöсьöдчыны кутис. Мамысьяс нопъяс тэрыба сöвтисны* (И. Сажин) «Егора сразу и в лес начал собираться. Мама (и все домашние) быстро собрали рюкзак».

Субъект высказывания может быть выражен парными существительными: *Ая-ниа дыр на сёрнитисны* (И. Сажин) «Отец с сыном (букв. отец-сын) ещё долго разговаривали». Каждый из лиц, названных такими существительными, в высказывании являются и субъектом, и объектом.

Коммуникантом субъект действия, состояния может быть представлен как **определённый**. На определённое лицо – субъект действия, состояния во всех формах времени точно указывают личные формы глагола. Им является сам говорящий/сами говорящие или собеседник/собеседники: *Пемыдён нин воим тёдса вөр керкаё. Ломти пач, вайи ва да пуи ужын. Чай юём бёрын пёдлалі пач труба да воді нар вылө шойччыны* (И. Коданёв) «В знакомую лесную избушку пришли (мы), когда было уже темно. Затопил (я) печку и сварил (я) ужин. После того, как выпил чаю, закрыл печку и лёг (я) на нары отдыхать». В высказываниях от 1-го лица совпадают действующий субъект и говорящий. *Лун шөр бёрын ми Висерысь лэчим* (В. Савин) «После полудня мы уехали из Висера». **Категория определённости** выражается и формой повелительного наклонения глагола. Она обозначает, что субъектом является собеседник/собеседники, который во многих случаях называется в высказывании в качестве обращения: *Петав, петав, югыд шонді, Кымөр улысь петав!* (В. Лыткин) «Выгляни, выгляни, ясное солнышко, Выгляни из-за туч!»; *Ичот ниёй, кытчө мунан? Велөдчыны, муса вок? Лыдды, велөд книга уна, Чожа кыскав книга нон!* (В. Лыткин) «Сынок, куда идёшь? Учится, милый брат? Читайте, выучи много книг, Прилежно таскай рюкзак с книгами!».

«**Категория обобщенности** представляет субъект как любое лицо, к которому может быть отнесено называемое в предложении действие, состояние» (Золотова 2005: 162). Обобщённый субъект выражается формой второго лица единственного числа глагола. Независимое действие утверждается как вневременное, не соотносимое с моментом речи: *Йёзыдысь вомтө тай он тупкы* (Н. Попов) «Людам не закроешь рот»; *Гырэддатө он курччы* (Поговорка) «Локоть не укусишь». Обобщённый субъект часто выражается и формой повелительного наклонения: *Мунігад кок пыдөснад мусө эн шонты* (Поговорка) «Когда идёшь (букв. идя), не грей ступнями землю»; *Бур ним-славатө куж видзны* (Поговорка) «Доброе имя сумей сберечь». В некоторых случаях глаголы 2-го лица или императива обозначают действие самого говорящего, т.е. субъектом действия, состояния является сам говорящий. Образуются экспрессивные конструкции: *Муртса вои вольпасьөдз, сэтишма*

мудзсьома, а вот чеччы да гуляйтөд тэнö! (Г. Фёдоров) «Еле добралась (я) до постели, а вот вставай и гуляй с тобой!». Обобщенное значение субъекта может быть выражено лично-притяжательным маркером 2-го лица *-ыд*, который в определённом контексте способен иметь обобщённое значение: *Ва паныдтö пыжыд ачыс оз кат* (Поговорка) «Против течения лодка (любая, всякая) сама не поплывёт»; *Мортыд уджын мортъяммö, мортöс удж мичмөдö* (Поговорка) «Человек (любой, каждый) становится человеком на работе, человека работа красит»; *Кадыд быд дой бурдöдö* (Г. Фёдоров) «Время (вообще время, в широком, обобщенном значении) все раны излечивает».

«**Категория неопределённости** представляет субъект действия как неопределённое (чаще – неопределённо-множественное) лицо, неизвестное или намеренно устранённое по незначительности его в содержании информации» (Золотова 2005: 162). Неопределённый субъект выражается формой третьего лица множественного числа глагола: *Коркö, войнаöдз на, тані мельнича вöвлöма. Сэсся эновтöмаöсь ковтöмла* (В. Безносиков) «Когда-то, ещё до войны, здесь мельница была. Потом бросили из-за ненадобности»; *Ылі местаяссянь заводитчö тайö ёльыс. Шулöмаöсь сійöс Кутши ёльöн* (А. Вурдов) «С далёких мест начинается эта лесная речка. Называли её Кутш речкой». В неопределённо-личных конструкциях главным значением глагольной формы является неопределённость субъекта. Эти конструкции используются и для обозначения множественности субъекта. Употребление формы 3-го лица множественного числа глагола связано также и с необходимостью в некоторых ситуациях акцентировать внимание на действии, а не на производителе действия. Во многих случаях действующее лицо бывает неизвестным, значение неизвестного для говорящего субъекта действия также выражает главный член неопределённо-личного предложения. Отнесённость действия к неопределённому, устранённому из высказывания субъекту возможно и в некоторых двусоставных предложениях, в которых в роли подлежащего выступают местоимения *кодкö, кодъяскö* «кто-то», они не имеют конкретного значения, указывают на неопределённый субъект: *Кодкö олöмсö бипур моз пестö, Кодкö шонтысьö мукöдыс весьтö. Кодкö олöмсö лэптö, кызд керка. Кодкö бöрсяньыс увтö, кызд Серко. Кодкö олöмсö сьöлöмнас кылö. Кодкö лов вылас öшйöма сылы* (Г. Юшков) «Кто-то жизнь разжигает как костёр, Кто-то греется за счёт других. Кто-то жизнь строит как дом. Кто-то на него лает как Серко (собака). Кто-то жизнь чувствует сердцем. Кто-то висит у него на ду-

ше»; *Да, энлõй, кодьяскõ со локтõны*. (В. Юхнин) «Да подождите, вот кто-то идут».

Своеобразным является способ выражения субъекта в **безличных предложениях**, в которых сообщается о действии или состоянии, возникающих и существующих независимо от производителя действия и носителя состояния (признака), поэтому субъект в таких конструкциях является пассивным. Их структура не допускает употребления номинативной формы субстантивного слова. Однако отсутствие подлежащего не означает отсутствие субъекта действия, субъекта состояния. Носитель состояния, действующее лицо выражается формами косвенных падежей. Семантическая основа таких предложений – отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), так как деятель или носитель признака, состояния может быть назван, но не грамматическим подлежащим, а косвенными формами имени. Для коми языка типичным является выражение субъекта неактивного действия формой **родительного падежа** имени существительного или местоимения. Главный член синтаксических конструкций с родительным падежом субъекта указывает на завершение совершения действия, его результат, непровольное действие, желание/нежелание, привычность/непривычность, решение совершить действие: *Менам сёйõма нин* (Г. Фёдоров) «Я уже поел (букв. у меня съедено)»; *Бура и узьсьõма сылõн!* (Г. Фёдоров) «Хорошо и выспался (он) (букв. выспалось у него)!»; *Пыжнад ветлыны Ёгорлõн велалõма ичõtсяньыс* (Г. Фёдоров) «На лодке ездить Егор научился уже в детстве (букв. у Егора научилось с детства)». В безличных конструкциях субъект может быть выражен формой **датива**. Она возможна в конструкциях с безличными глаголами, с безлично-предикативными словами со значением психического, физического состояния человека, живого существа, выражающими душевные, психические переживания, в функции главного члена: *Любõ зэв меным, Пашук!* (Г. Фёдоров) «Мне очень приятно, Пашенька!»; *Якимлы любõ, ошкышитисны да* (Г. Фёдоров) «Якому приятно, потому что похвалили»; *Сэсса друг шо-ныд сылы лои* (Г. Юшков) «Потом вдруг ему стало тепло». При предикатах с модальным значением возможности или невозможности, долженствования субъект также выражается формой дательного падежа: *Да мыйкõ тай пыр со мортылды колõ* (В. Чисталёв) «Да вот человеку всё что-то надо».

Статуальный субъект при безличных глаголах психического, физического состояния, глаголах, обозначающих непровольное действие,

выражается формой **аккузатива**: *Висысьёс кынтё* «Больного знобит»; *Менё шогёдö* «Мне грустно (букв. мне грустится)»; *Тэнö несйöдлö* «Ты чихаешь (букв. тебя чихает)»; *Морттö пажынöдз на и дышöдiс милиционеравнытö* (В. Безносиков) «Человеку до обеда и надоело быть милиционером (букв. человека разленилось милиционерить)».

Форма датива обозначает субъект действия и в предложениях с независимым инфинитивом в позиции главного члена. В инфинитивных синтаксических конструкциях производитель действия побуждается к активному действию: *Бара меным зыртны мельнича джодж, мешöкъяс лэптаны?* (Г. Фёдоров) «Опять мне чистить полы мельницы, таскать мешки?»; *Та мында нянь миянлы не чукöртны!* (Г. Фёдоров) «Столько хлеба нам не собрать!».

Обращают на себя внимание безличные конструкции, в которых при дательном субъекта требуется употребление творительного предикативного: *И Егорлы öнi колö быть жö збойөн лоны* (Н. Куратова) «И Егору сейчас обязательно надо быть смелым»; *Ёнджыкөн колö лоны миянлы, крепыдджыкөн, а главнöйыс – сюсьён* (И. Изъюров) «Нам надо быть более сильными, крепкими, и главное – мудрыми».

Понятие предиката, его функций, типов формального выражения

Предикат – главный член предложения, выражающий предикативный признак (действие, процесс, состояние, качество), приписываемый субъекту, обозначающий то, что утверждается или отрицается о субъекте. Он указывает на все объективно-модальные и временные значения предложения. Предикатные слова берут на себя роль сообщаемого, дают характеризующую информацию о субъекте. Отнесенность к действительности – основное свойство предикации. Предикативными являются не всякие признаки, а лишь устанавливаемые говорящим в данный момент речи, приписываемые лицу или предмету в процессе формирования высказывания, признаки, утверждаемые или отрицаемые говорящим субъектом. Понятийным содержанием обладают прилагательные и глаголы как предикатные слова. Это является их существенным свойством, отличающим их от других классов слов. Важно, что существительное с предметным значением при выполнении роли предиката имеет признаковое значение: *Менам мам – велöдысь* «Моя мама – учительни-

ца». Предикату принадлежит важнейшая роль в выражении пропозиции – объективного содержания высказывания. Предикат несет и прагматическую функцию, которая заключается в том, что через него говорящий выражает оценку субъекта предложения, то или иное к нему отношение, то или иное рассуждение о нем (Шелякин 2001: 185). Таким образом, предикат выполняет несколько функций: семантическую, которая состоит в выражении признака субъекта, в его характеристике; коммуникативную, которая заключается в выражении значений, характерных для предложения как коммуникативной единицы; структурную, которая состоит в установлении связи между подлежащим и второстепенным членом предложения (Гак 1986: 74-75); прагматическую, которая заключается в выражении отношения субъекта речи к субъекту предложения.

Предикат является фундаментом любого предложения, его семантическим и грамматическим ядром. Предикат – «центральный элемент реальной речевой единицы – высказывания» (Ванников 1979: 122). Без предиката немислимо предложение. В системе типов предложения центральное место занимают предложения с выраженным предикатом и субъектом, на периферии находятся конструкции с предикатом без субъекта; без предиката предложение не является полным. В акте коммуникации номинативные предложения являются крайне редкими. Для выполнения коммуникативных задач в большинстве случаев бывает необходим предикат.

В основе классификации предикатов лежит способ выражения вещественного и грамматического значений. Различаются два основных структурных типа предиката: простой и составной. По морфологическому выражению – глагольные и именные. С семантической точки зрения выделяются: таксономические предикаты, указывающие на вхождение предмета в класс; реляционные, указывающие на отношение данного объекта к другим объектам; характеризующие предикаты, указывающие на динамические и статические, постоянные и преходящие признаки объекта. Особое место занимают оценочные предикаты (Арутюнова 1990: 392). В соответствии с точкой зрения В.Г. Гака предикаты прежде всего делятся на **процессные** и **квалификативные** (Гак 1986: 75). Первые выражают действие, состояние или отношение субъекта, вторые идентифицируют, классифицируют или характеризуют субъект. Первичной формой выражения процессного предиката является глагольное сказуемое, квалификативного – именное.

В глагольных предложениях по конструктивным и семантическим свойствам центральная роль принадлежит глаголу.

Предикат, выраженный глаголом, относится к **процессному предикату**. Типы такого предиката выделяются в соответствии с семантическими типами глаголов. Основными типами процессного предиката являются экзистенциальные, выражающие существование, стальные, выражающие состояние, локальные, выражающие пространственные отношения, реляционные, выражающие отношение субъекта к объекту, акциональные, выражающие действие субъекта в отношении объекта (Гак 1986: 75).

Спрягаемая форма глагола обозначает модальные значения реальности (форма изъявительного наклонения) или ирреальности (форма повелительного наклонения), она включает в себя и формы времени.

По значению можно выделить (а) акциональные сказуемые: *Бать пес кералё* «Отец рубит дрова», (б) реляционные: *Ныв радейтё мамсё* «Девочка любит свою маму», (в) локальные: *Зонка матыстчё керкалань* «Мальчик подходит к дому», стальные: *Пёч узьё* «Бабушка спит», *Менам кийё кымё* «У меня руки мёрзнут», (г) экзистенциальные: *Сиктын вёлі школа* «В селе была школа», *Карын эм театр* «В городе есть театр».

Сказуемое, в роли которого реализован каузативный глагол, указывает на объектные отношения. Оно обозначает, что определённое действие, выраженное глаголом, совершает не лицо, названное в подлежащем, а объект. Субъект, названный в подлежащем, просит, заставляет выполнить действие кого-то другого: *Сійё пырис да ставнысё ланьтёдіс* «Он зашел и всех заставил замолчать»; *Найё мянёс уджёдісны лунтыр* «Они нас заставили работать целый день». В роли объекта может быть и сам субъект речи: *Ме мырдён унмовсёді ачымёс* «Я насильно заставил себя заснуть»; *Сійё сёйёдіс асьсё* «Она заставляла себя есть».

В предложениях с предикатом в форме инфинитива отнесённость предикативного признака к субъекту выражается синтаксически – порядком слов и при помощи интонации. В синтаксических конструкциях с таким сказуемым позицию субъекта, как правило, занимают инфинитив и отвлечённые имена существительные: *Сійёс велёдны – ловпу нюкыльтны* (Поговорка) «Его научить – ольху согнуть»; *Мог – регыдджык кадён воськовтны важ порог вомён выль туй вылас* (В. Савин) «Задача – поскорее перешагнуть через старый порог к новому пути»; *Медыджыд могыс ёні – дедушсё да тиётти и лёк Бисинсё спа-*

ситны (И. Торопов) «Самая большая задача сейчас – спасти дедушку, а также и того злого Бисина».

Инфинитив используется и в сочетании с неполнозначными фазисными и модальными глаголами, модальными именами прилагательными, образуя составные предикаты.

Предикативная функция характерна для имени **прилагательного** (об адъективном предикате см. раздел о прилагательном).

Предложения с **именными субстантивными предикатами** имеет типовое значение «идентификации того, что обозначает субъект предложения, путем отождествления его с другим предметом или отнесения к известному классу предметов, указания на связи, сопоставления с другим предметом» (Шелякин 2001: 217): *А öні сійö Ухтаын буритчысь* (Г. Юшков) «А он сейчас бурильщик в Ухте»; *Симон – Кесарлөн медся матыс друг* (Я. Рочев) «Симон – самый лучший друг кесаря». Существительное в форме родительного падежа выражает принадлежность предмета лицу: *Гөлөсыс вöлі Степыс Розалөн* (И. Торопов) «Голос был у Степыс Розы». Имена существительные в форме творительного падежа в сочетании с глаголами-связками обозначает (а) профессию, род занятий субъекта: *Батыс коркө вöвлöма кузнечөн* (Н. Куратова); *Ачыс нöшта дружинникөн шусьö* (В. Безносиков) «Сам еще дружинником называется»; (б) состояние субъекта, переход из одного состояния в другое или сохранение состояния без изменения: *Иванкөд лоим бур тöдсаясөн* (И. Торопов) «С Иваном стали хорошими знакомыми». Имена существительные в форме разделительного падежа с глаголами *овны*, *кольны* выражают отсутствие важного, необходимого предметного признака у субъекта: *Ачыс сійö куим арöсөн коли батытöг* (Г. Юшков); *Став Печора возыс и Эжва ылыс нянтöг кольöны* (Г. Юшков). Существительные в местном падеже в сочетании с отвлеченной, полуотвлеченной связкой характеризуют субъект (а) по пространственной соотнесенности: *Кынева вöлі уличаын нин* (В. Юхнин) «Кынева была уже на улице»; *Посниджык чойяс на гортынöсь* (Н. Куратова) «Более младшие сестры еще дома»; (б) по профессии, занимаемой должности, занятию: *Ме öд карын бара нин слугаын ола* (Г. Федоров); *Ме öд ачым сы дырйи кык во олі сельскöй писарын* (В. Савин) «Я ведь сам при нем был сельским писарем». Имена существительные в форме вступительного падежа в сочетании с глаголами *овны*, *воöдчыны*, *петны*, *босьтчыны* и т.п. характеризуют субъект по приобретению им некоторых свойств, переходу в определенное состояние: *Ардальон сэки ачыс нин*

кӱзяинӱ воас (Г. Юшков); *Рытъявылыс ме тӱдмаси Прокӱ Иванкӱд, воим сӱрниӱ* (Г. Юшков) «Вечером я познакомился с Проко Иваном, разговорились». Такие конструкции характеризуют субъект по занятию, сфере деятельности, приобретению профессии: *Но вочасӱн пӱрӱмаӱсь канцеляристысьӱ* (В. Юхнин) «Но постепенно они превратились в канцеляристов»; *Сӱйӱ пӱ война кадас тӱргӱвечӱ пӱрӱма* (В. Юхнин) «Он, мол, за годы войны превратился в торговца». Имена существительные в исходном падеже обозначают (а) материал, из которого сделан предмет, названный в подлежащем: *Пӱтӱлӱкыс лӱсийтӱм плакаясысь, джоджыс муысь* (Г. Фёдоров) «Потолок из необтёсанных досок, пол из земли»; *Кепысьыс вурунысь* «Варежки из шерсти»; (б) состав, содержание, структуру предмета, названного в подлежащем: *А командаӱй ме нам дзоньнас том йӱзысь* (И. Торопов) «А команда моя полностью (состоит) из молодых людей».

Существительные в местном падеже в сочетании с отвлеченной, полуотвлеченной связкой указывают на то, что субъект находится в определенном состоянии: *Абу, Павел Ламбей абу ӱбиданын* (В. Юхнин) «Нет, Павел Ламбей не в обиде»; *Вель сьӱкыд положениенын вӱлӱ ачыс Ӭндрей* (В. Юхнин) «В достаточно сложном положении был сам Андрей».

Инфинитивные предложения

Инфинитив в позиции главного члена способен употребляться абсолютно независимо и образовать особый структурно-семантический тип простых предложений. Употребляясь в роли главного члена предложения, он не подчиняется и не примыкает ни к каким другим формам слов, а, наоборот, в семантической и грамматической зависимости от нее находятся все другие компоненты предложения. В инфинитивных предложениях категории времени, лица, наклонения выражаются синтаксически. «В речевом употреблении инфинитива, в противовес словарному, над номинативной функцией господствует предикативная, она эксплицируется в синтаксических связях, в характеристиках ближайших компонентов и текстового окружения, в многообразных, но типизованных способах интонирования (Золотова и др. 1998: 138). Такие предложения могут включать и обозначение лица, которому приписывается предикативный признак. Форма датива при инфинитиве имеет субъектное значение, и предикативный признак приписывается именно этому

субъекту. В таких предложениях производитель действия побуждается к активному действию.

Инфинитивные предложения являются ярко выраженными в экспрессивном плане. Их временная парадигма является неполной – включает лишь формы настоящего времени, причем всегда отчетливо ощущается футуральная перспектива. Отенок облиigatorности, представленный в таких предложениях, можно назвать значением предначертанности, предопределённости. Действие, как правило, представлено как предполагаемое в будущем, но при этом связанное с настоящим, т.е. налицо своеобразная «актуальность предшествования» факта (ТФГ 1990: 149). По цели высказывания инфинитивные предложения могут быть повествовательными, побудительными, вопросительными. В зависимости от наличия частиц выделяются инфинитивные предложения без частиц *эськӧ* «бы», *кӧть* «хоть бы» и предложения с названными частицами.

Инфинитивные предложения являются одним из средств выражения самых различных модальных значений. Предложения без частицы передают **эпистемическое** значение. «Структурой и интонацией они передают оттенки субъективно-эпистемической модальности – уверенность говорящего в осуществимости/неосуществимости, необходимости, неизбежности, предопределённости сообщаемого» (Золотова и др. 1978: 143).

Для инфинитивных конструкций без частицы характерно **значение долженствования, необходимости**. Независимый инфинитив и соответствующая интонация обозначают действие, которое должно быть совершено субъектом. Действующий субъект выражается формой дательного падежа: *Налы водзӧ на овны* (И. Торопов) «Им еще дальше жить». Субъект может быть не представлен, однако коммуникативная ситуация, контекст указывают на него: *Вӧлі прӧщальнӧй медбӧрря рыт казармаын. Аски югдӧмӧн тшиӧтши вӧрзьӧдчыны походӧ* (В. Чисталев) «Был последний прощальный вечер в казарме. Завтра с рассветом отправиться в поход»; *Пышйыны, кӧть мед мый пышйыны* (Н. Попов) «Бежать, несмотря ни на что бежать». Не названный субъект контекстом, обстановкой речи может определяться и как обобщенный: *Пур вылысь ва койны* (Поговорка) «С плота воду отливать (Переливать из пустого в порожнее)»; *Ва вылын би пестыны* (Поговорка) «Разводить огонь на воде (Толочь воду в ступе)».

Инфинитивные предложения без частицы *эськӧ* «бы» могут быть и **отрицательными**. На отрицание действия, названного в инфинитиве,

указывает отрицательная препозитивная частица *не* «не». Такие синтаксические конструкции имеют иное модальное значение: сообщают о невозможности выполнения действия: *«Кывйӧс» татысь мянлы не аддзыны* (И. Пыстин) «Языка» нам здесь не найти»; *Шырлы канькӧд не венласьны* (Поговорка) «Мышке с кошкой не бороться».

Имеются инфинитивные конструкции, относящиеся к волюнтивному типу речи. Собственно волюнтивные инфинитивные предложения, «побуждающие адресата к действию, синонимичны предложениям императивным, но выражают крайнюю жёсткость на шкале степеней волеизъявления. Возможность волеизъявления в инфинитивной форме обусловлена определёнными отношениями между говорящим и адресатом: они предполагают социальное превосходство говорящего, право требовать, официальное или ситуативное, в военно-административном быту или домашнем» (Золотова и др.1998: 145). Такие предложения передают приказ, побуждение к действию. Они всегда имеют особую интонацию, экспрессивный характер. В синтаксических конструкциях с такой семантикой субъект действия обычно не указывается. Он определяется из контекста или речевой ситуации, «чем экспрессивнее категоричность требования, тем определеннее речевая ситуация, в которой требование адресуется конкретному исполнителю» (Золотова и др. 1998: 146). Именно отсутствие субъекта в дательном падеже служит показателем категорического, решительного повеления, приказания; оно является одним из основных грамматических признаков таких предложений, которые обычно бывают нераспространёнными или малораспространёнными; в них облигаторным является лишь прямое дополнение при инфинитиве переходного глагола: *Водны!* (И. Торопов) «Лечь!»; *Эновтны сёрнияс!* (В. Юхнин) «Прекратить разговоры!». Место потенциального субъекта иногда может быть занято, в предложении может быть названо лицо, которое должно совершить действие, в форме дательного падежа. Это бывает «при необходимости выделить, акцентировать исполнителя приказания, например, в случае избирательной его адресации, противопоставления» (Золотова и др. 1998: 146). В таких случаях приказание смягчается, приобретает оттенок просьбы, совета: *Колльӧдысьяслы сувтны бокӧ!* (В. Юхнин) «Провожающим встать в сторону!».

Инфинитив в отрицательной форме может обозначать и недопустимость совершения действия, категорический запрет действия: *Пароход вылӧ не лэччыны!* (Г. Фёдоров) «На пароход не спускаться!»; *Узьны бокӧ*

ог лэдзö. Кылан, студент? **Не петны татысь!** (Г. Фёдоров) «Ночевать на сторону не отпустим. Слышишь, студент? Не выходить отсюда!».

Распространёнными являются вопросительные по цели высказывания предложения, в которых в роли организующего центра выступает независимый инфинитив без частицы эськö «бы». Они способны выполнять первичную функцию вопросительных предложений – выразить собственный вопрос, на который должен быть дан ответ. Субъект речи использует их при поиске новых знаний, новой информации. Семантика вопроса в них часто передается интонацией, самой структурой, без использования специальных вопросительных слов: – **Судö сетны? Збыль дай судитасны?** (Г. Фёдоров) «Отдать под суд? И действительно будут судить?». Для обозначения вопроса могут быть использованы и специальные вопросительные слова: *А кытчö сэсся воштысьны меным? – кияссö паськöдис кöзяин. – Кытчö? Колхозö пыр* (Г. Фёдоров) «А куда потом мне деваться? – развёл руками хозяин. – Куда? В колхоз вступай».

Вопросительные инфинитивные предложения могут выражать колебание «при альтернативном решении вопроса о нужности/ненужности совершения действия» (ТФГ 1990: 117): *Морт нэм дженьыд, и колö кужны сійöс овны. Но кыдзи? Аслыд босьтны ыджыд бипурыслысь шоныдсö али сетны аслад сьёлöмыдлысь шоныдö мукöдыслы?* (Г. Фёдоров) «Человеческая жизнь короткая, и надо суметь её прожить. Но как? Для себя взять тепло большого костра или отдать тепло своего сердца другим?»; **Сулавны öбöдня помöдз либö öбöдня шöрсьыс гортö лэччыны?** (П. Доронин) «Стоять до конца обедни или с середины обедни уйти домой?». Вопросы коммуникант нередко задает самому себе, во многих случаях он сам является своим собеседником. В предложениях «говорящий субъект совпадает с потенциальным агенсом, поэтому содержание их тесно связано с внутренним миром говорящего. Произносимое вслух или мысленно, предложение как бы воспроизводит размышления субъекта» (Золотова и др. 1998: 148). Такие вопросы составляют особый тип вопросов, так называемых рефлексивных вопросов. Они используются при выражении внутренних размышлений, раздумий. Являются типичными для внутреннего диалога. **Рефлексивные вопросы** имеют модальные значения неуверенности, сомнения, колебания, нерешительности. В таких синтаксических конструкциях отсутствует собственно-вопросительное значение. Модальные значения передаются особой интонацией: *Колö мыйöнкö отсавны Ильялы. Но кыдзи да мыйён? Корсьны мунны? Кытчö, кодарö?* (В. Юхнин) «Надо чем-то

помочь Илье. Ну как и чем? Пойти искать? Куда, в какую сторону?»; *Кытчö и мунны? Кодарланьö сетчыны? Кытысь эськö бурджык заводитны корсьны Петраос?* (Г. Фёдоров) «Куда идти? В какую сторону податься? Где бы лучше начать искать Петра?». В таких предложениях нередко употребляются модальные слова *гашкö, дашкö* «может быть, наверно»: *Гашкö, таркөдчыштны? Чукөстны, мед петалас?* (А. Попов) «Может, постучаться? Попросить, чтобы вышел (он)».

Вопросительные инфинитивные предложения часто выражают эмоциональную реакцию говорящего субъекта на действие кого-то другого. Они отличаются тем, что «не содержат ни сообщения, ни волеизъявления, но выражают экспрессивно-оценочную реакцию говорящего в рамках диалогической (это может быть и внутренний, автодиалог) или событийно-конфликтной ситуации. Инфинитив выступает как знак этой ситуации, либо обобщающе именуя ее, либо повторяя часть предшествующей реплики, как эхо, отраженный свет; эта инфинитивная конструкция сопровождается неодобрительной, иронической или протестующей интонацией, иногда подкрепляется контекстом» (Золотова и др. 1998: 147). Структура предложения и особая интонация могут выражать значения осуждения, удивления, недоумения: *Сэни сёрнитасны тэкөд кыдзи колö, а оз кутны ворсны. Директорлысь не кывзыны!* (А. Льюров) «Там с тобой поговорят как следует, а не будут играть. Директора не слушаться!»; *Эновтны этатшöм беда дырйи радейтана мортöс?* (Н. Куратова) «Оставить в такую беду любимого человека?».

Инфинитивные предложения с частицей *эськö* «бы» имеют оптативное значение, выражают желание говорящего относительно осуществления/неосуществления действия, обозначенного инфинитивом. В их семантику желательное значение вносит именно частица. По цели высказывания синтаксические конструкции с семантикой желательности преимущественно бывают повествовательными, по эмоциональной окраске могут быть невосклицательными и восклицательными. Независимый инфинитив в роли предиката может иметь положительную и отрицательную форму, так как для субъекта желательным бывает и наступление действия, и его отсутствие. В предложениях этой семантической группы может быть представлен дательный субъекта: *Зörкыд тарантас бöрад меным эськö сёйыштны да водны öни* (Г. Фёдоров) «После тряского тарантаса мне бы сейчас поесть и лечь». В предложении субъект может и не называться, но он легко понимается коммуникантами из контекста и речевой ситуации: *Котравны, чеччавны эськö, мед он кынмы, да он*

вермы. Унмовсьны эськӧ, но оз лок унмыс (Н. Попов) «Побегать, попрыгать бы, чтобы не замёрзнуть, но не можешь. Уснуть бы, но сон не идет»; *А вот эськӧ велӧдчыны!* (Г. Фёдоров) «Вот бы учиться!».

Частица *эськӧ* «бы» в сочетании с отрицательным инфинитивом может иметь и оттенок боязни, опасения: *Медым эськӧ не янавны начальство водзын* (А. Льюров) «Не осрамиться бы (букв. пусть не осрамиться бы) перед начальством»; *Сӧмын эськӧ не сёрмыны* (В. Юхнин) «Только бы не опоздать». Такие предложения, обращённые ко 2-му лицу, имеют оттенок просьбы, совета: *Тэныд ӧні комсомолӧ еще эськӧ пырны, и ставыс бур* (Г. Фёдоров) «Сейчас тебе еще в комсомол бы вступить, и всё будет хорошо». В предложениях с частицей *эськӧ* «бы», сочетающейся с частицами *сӧмын* «только, лишь», *вот* «вот», *кӧть* «хотя, хоть», значение желательности передается более в мягкой форме: *А вот эськӧ велӧдчыны!* (Г. Фёдоров) «А вот учиться бы!»; *Вот эськӧ айыслысь ньӧввужсӧ кӧ аддзыны!* (В. Тимин) «Вот бы стрелу отца найти!».

Имеется особый тип отрицательных предложений со значением невозможности действия, структурно необходимым компонентом которых являются отрицательные местоимения в косвенных падежах и отрицательные наречия: *некодысь* «некого», *нинӧмысь* «нечего», *некодлы* «некому», *некӧн* «негде», *некыдзи* «никак», *некытчӧ* «некуда», *некор* «никогда», *нинӧмла* «незачем», *нинӧмӧн* «нечем», *немторысь* «не из чего», *нинӧмысь* «не из чего» и т.д., или в сочетании этих слов с послелогоми *йылысь* «о», *вылӧ* «на». Они выражают отрицательное значение всего предложения, указывают на ненужность, невозможность выполнения из-за отсутствия определённых объективных условий, времени, места, нужных действующих лиц и т.п. для его совершения: *А лолавны дзик нинӧмӧн* (Г. Фёдоров) «А дышать совершенно нечем»; *Нинӧмысь мянӧс ошкынысӧ* (Г. Фёдоров) «Не за что нас хвалить»; *Алексей Архиповичлы тэрмасьны некытчӧ* (В. Юхнин) «Алексею Архиповичу спешить некуда».

Модальность

В каждом предложении присутствует определённое модальное значение, с помощью грамматических или лексических средств выражается отношение сообщаемого к действительности или отношение говорящего субъекта к собственному высказыванию. **Модальность** – это субъективно-объективная оценка высказывания с точки зрения реальности/не-

реальности, достоверности/недостоверности, возможности, целесообразности, необходимости и т.п. Модальность является «одним из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир «как он есть», но представлять «субъективный» образ мира – т.е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего. В предложении, содержащем модальный компонент, не только сообщаются некоторые сведения о мире, но и выражается отношение говорящего к тому, что он сообщает» (Плунгян 2000: 309). Важным является то, что «модальность определяется на предложении, поскольку предложение обычно выступает в роли единицы коммуникации – высказывания» (Тестелец 2001: 236).

Содержание любого высказывания соотносится с реальной действительностью. Оно может соответствовать или не соответствовать действительности, с этим положением связано противопоставление основных значений модальности – реальной и ирреальной.

Основным средством выражения модальности является наклонение глагола. Именно при помощи наклонения выражается модальное значение реальности/ирреальности. Модальность передается и другими языковыми средствами: специальной модальной лексикой, частицами, интонацией.

Значение **реальности** – это оценка содержания высказывания с точки зрения его соответствия действительности, оно опирается на показатели изъявительного наклонения глагола: *Воис зэра ар* «Наступила дождливая осень»; *Лымйыс вевттис мусö* (Г. Турьев) «Снег покрыл землю». Реальность может быть выражена и безглагольными синтаксическими конструкциями: односоставными номинативными, безличными, двусоставными предложениями со значением локализованного наличия, посессивного наличия: *Волён медводдза тöлысь* (Г. Турьев) «Первый месяц года»; *Сэтшöм шог сьöлöм вылас* (Г. Турьев) «Так грустно на сердце»; *Баба гожöм. Гөгөр аслыспöлöс мичлун* (Г. Турьев) «Бабье лето. Кругом своеобразная красота». Такие синтаксические конструкции сообщают о наличии, реальном существовании предмета, состояния в настоящее время.

Значение **ирреальности** – это оценка высказывания как желаемого, требуемого и т.п. Показателями ирреальной модальности является форма повелительного наклонения: *Пиук, несла нетав* «Сынок, выйди за дровами», а также частицы. Частица *эськö* «бы» выражает значение желательности в инфинитивных предложениях: *Эськö шойччыштны*

«Отдохнуть бы». Частица *мед* «пусть» является маркером побудительного значения: *Мед волас рытнас* «Пусть придет вечером».

Субъективная модальность выражает отношение говорящего к содержанию высказывания. Ее основными показателями являются вводные слова, имеющие значение достоверности/вероятности, уверенности, убежденности говорящего субъекта в том, что сообщается в высказывании или предположительности, неуверенности: *дерт* «конечно», *кыв шутӧг* «бесспорно, безусловно», *гашкӧ* «может быть», *кӧнкӧ* «наверно», *кӧнешнӧ* «конечно», *пӧжалуй* «пожалуй», *тыдалӧ* «видимо, вероятно», *надейнӧ* «конечно» и т.п.: *Пӧжалуй, Иван Тимофеевичыс тӧлкатор вӧзйӧ* (В. Безносиков) «Видимо, Иван Тимофеевич стоящее предлагает»; *Батьӧй, гашкӧ, пуксьылам да сідз варовитыштам* (В. Юхнин) «Отец, может, присядем и так поговорим»; *Дерт, йӧзлӧн таво кыйсьӧм бур* (Н. Фролов) «Конечно, в этом году у людей хорошая охота».

Модальность **возможности** является разновидностью модальности, «отображающей оценку говорящим способа существования связи между предикатными предметами, т.е. субъектом и его признаком» (ТФГ 1990: 123). Значение возможности содержат глаголы *вермыны* «мочь, быть в состоянии», *кужны* «уметь», *сяммыны* «уметь», *эштыны* «успевать, успеть», *вевъявны* «успевать, успеть», *чуймыны* «догадываться, уметь», *тӧдны* «знать», *удитны* «успеть», *велӧдчыны* «учиться», *гӧгӧрвоны* «догадываться», *путьмыны* «догадываться» и т.п. Они сообщают о возможности-невозможности совершения действия в зависимости от определенных условий, объективных обстоятельств, независимых от субъекта, или определенных свойств, качеств самого субъекта: *Кодзувкотъясыд кужӧны бӧрйыны аслыныс местасӧ* (И. Торопов) «Муравьи умеют выбирать себе место»; *Егор нинӧм эз сяммы шуны* (Я. Рочев) «Егор ничего не сумел сказать». Это значение выражает и безличный модальный глагол *позьӧ* «мочь, быть возможным», при котором в роли субъекта выступает форма дательного падежа. Модальный субъект может совпадать с субъектом речи, но может и не совпадать. В безличных конструкциях модальное значение возможности выражают и глаголы *мойвины* «удаваться, посчастливиться», *удайтчыны* «удаваться»: *Некымын лун на уджӧдісны партизанъяссӧ, да та вӧсна мойвиис барасӧ аддысьлыны* (Г. Юшков) «Еще несколько дней заставляли работать, поэтому посчастливилось встретиться»; *А концерт видзӧдны некоднанныслы сідзи и эз удайтчы* (Г. Юшков) «А концерт посмотреть никому из них и не удалось». Отрицательная форма этих глаголов ука-

зывает на невозможность выполнения действия: *Веськыда кӧ шуны, доддьӧн ни телегаӧн эськӧ оз позь мунны, да лоӧ тай* (В. Савин) «Если прямо говорить, ни на санях, ни на телеге нельзя проехать, но приходится».

Модальное значение возможности имеет и заимствованное безлично-предикативное слово **грек** «грех» в **отрицательной форме**. Конструкции, состоящие из этого слова и инфинитива, имеют ярко выраженную экспрессивную окраску. Возможность совершения действия вытекает из некоторых моральных, нравственных принципов, объективных условий. Субъектом при них является лицо, выраженное формой дательного падежа. Модальный субъект также может совпадать или не совпадать с субъектом речи: *Шмонитны абу грек* (Ю. Васютов) «Пошутить не грех»; *Лунся удж бӧрад абу грек и ыркӧдчыитны* (В. Безносиков) «После дневной работы не грех и отдохнуть». Безлично-предикативное слово *грек* «грех» в утвердительной форме имеет иное значение: оно в сочетании с инфинитивом знаменательного глагола выражает оценку действия человека с морально-этической стороны, эмоциональную характеристику состояния и чувств человека: *Грек тадзи сӧрнитны* «Грех так говорить».

На **возможность** совершения действия указывает и заимствованное слово **мастер** «мастер» в модальном значении. На базе коми языка происходит постепенная его трансформация в прилагательное, при этом используется преимущественно в значении «способный, умелый». Для трансформированной лексики типичной является предикативная функция. В этой функции оно специализируется на выражении модального значения, а для обозначения вещественного содержания предиката требуется инфинитив значимого глагола. Для выполнения действия, названного в инфинитиве, нужны определённые навыки, умения, способности, о которых сообщает компонент **мастер** «мастер» в составе предиката. Инфинитив ограничивает значение именного компонента, называет действие, которое субъект более всего способен выполнять. Со словом *мастер* сочетаются инфинитивы глаголов самых различных значений: физического действия, деятельности, занятий (*мастер уджавны* «мастер работать»), речевого действия (*мастер сӧрнитны* «мастер говорить»), социальных intersубъектных действий (*мастер пинясьны* «мастер ругаться», *мастер велӧдны* «мастер учить»), эмоционального действия (*мастер скӧравны* «мастер сердиться»). Данный именной компонент не сочетается с глаголами ментальных действий, а

также с глаголами движения. С инфинитивами глаголов движения употребляется лишь в том случае, если движение является целенаправленным, локализованным: *Мастер судьясöd ветлödдыны*, но не **мастер ветлödдыны* «*мастер ходить». При предикате со словом **мастер** «мастер» подлежащим-субъектом высказывания может быть только активно действующее лицо. В таких высказываниях четко обнаруживается отношение субъекта речи к сообщаемому, оценка способностей, умений субъекта высказывания со стороны говорящего субъекта: *Кöзьяитныд быдöн мастерöсь* (В. Безносиков) «Командовать ведь все мастера»; *Вöралнытö öд мастер жö сйö* (И. Торопов) «Охотничать он ведь тоже мастер». Инфинитив ограничивает значение именного компонента, называет действие, которое субъект более всего способен выполнять. В таких конструкциях субъект модальной оценки, как правило, не совпадает с субъектом речи. Коммуникантом оценивается действие 3-го лица или собеседника: *Паськыд ю бокын быдмöм зоньясыд варчыныд мастерöсь* (В. Безносиков) «Мальчики, выросшие на берегу широкой реки, хорошо плавают (букв. плавать мастера)»; *Серавныд мастер, а делö вылö кө и...* (В. Безносиков) «Смеяться умеет (букв. мастер), а на дело и...». Почти никогда субъект речи не оценивает своё собственное действие, невозможны конструкции типа **ме мастер сьывны* «я мастер петь». Лишь в некоторых случаях субъект речи совпадает с субъектом модальной оценки: *Ок öд бура вöли ворса том дырйиыд. Йöктынытö ме мастер и* (П. Шахов) «Ох ведь хорошо я играл в молодости (на гармошке). Также и хорошо танцую (букв. мастер танцевать)». Субъект речи свое собственное действие, как правило, оценивает с отрицательной стороны: *Ме абу мастер сьывны* «Я не мастер петь», *Ме абу мастер йöктыны* «Я не мастер танцевать» и т.п.

Конструкции **мастер + примыкающий инфинитив** являются синонимичными и глагольным предикатам, состоящим из модального глагола *кужны* и инфинитива: *серавны мастерöсь – кужöны серавны* «умеют смеяться», *мастер көсйысьны – кужö көсйысьны* «обещать умеет» и т.п. Однако эти конструкции не являются полностью взаимозаменяемыми, именные конструкции (*мастер + инфинитив*) имеют эмоциональную окраску, в них ярко проявляется оценка действия со стороны субъекта речи. Глагольный предикат (*кужны + инфинитив*) является стилистически нейтральным, умение, способность совершить действие выражает без оценки.

Модальное значение **возможности** способны передавать глаголы в форме императива в сочетании с частицей *көт* «хоть, хотя», выступающие в роли организующего центра обобщенно-личных предложений: *Көт кыз синваён бөрөддзы Гришлы. Йирөмөн йирөны думъясыс* (А. Попов) «Хоть горькими слезами заплачь Грише. Мысли грызут»; *Пыдөстөм пельсаө ватө көт век катлы* (Поговорка) «В бездонную бочку воду хоть всегда наливай».

О модальном значении **нереальности, невозможности, неспособности** выполнения действия сообщает также каритивное прилагательное *вынтөм* «бессильный»: *Медся мелі арся шонді вынтөм ловзьөдны воймөм турунсө* (В. Юхнин) «Самое ласковое осеннее солнце бессильно оживить поблекшую траву». **Невозможность** совершения действия способны выражать и безличные конструкции, в которых в роли организующего центра выступают безличные глаголы с возвратным суффиксом и показателем результативности *-өма*: *Петісны берегө да шуис: Кыскыссьөма өні миянлы тайөс* (Г. Юшков) «Вышли на берег и (он) сказал: Не сможем мы это унести (букв. потащилось нам это)»; *Сійө пыжсө веськөдіс берегланьыс матөджык. А вөрсьыд найөс корссьөма!* (Б. Шахов) «Он лодку направил в сторону берега. А в лесу их никто не сможет найти (букв. нашлось)!». Ситуация невозможности регулярно передается отрицательными конструкциями с отрицательной формой инфинитива, особенно при выражении значения отсутствия возможности, обусловленного обстоятельствами: *Тэныд Лизаөс нэмнад не аддзывны* (А. Попов) «Тебе Лизу в жизни не видать». Значение невозможности может получить косвенное метафорическое выражение в форме риторического вопроса с модальным модификатором возможности. Вопрос в этом случае выполняет функцию эмоционального утверждения невозможности: *Кыз нө Константин Егоровичөс партияыс вөтлыны?* (Б. Шахов) «Как же Константина Егоровича исключать из партии?»; *Водзын вед тулыс – гожөм, дай бара на ар – төв воас. Кызди вөвтөгыс гөрны – көдзнытө, нес – турунтө кыскавны?!* (Б. Шахов) «Впереди ведь весна – лето, да и осень – зима опять наступят. Как же без лошади пахать – сеять, дрова – сено привозить?!».

При модальном значении **необходимости** «речь идет об обусловленности ситуаций теми или иными (объективными или субъективными) факторами, которые с точки зрения некоего лица (субъекта модальной оценки) требуют непременно превращения потенциального в актуальное (...) Ситуация необходимости является, кроме того, ситуацией

волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия» (ТФГ 1990: 142). С целью выражения модального значения **необходимости, долженствования** реализуются предложения с безличными модальными глаголами *колö* «надо, необходимо, нужно», *лоö* «придется»: *Степан локтіс водзджык. Натальлы ковмис горт гөгöрыс на ноксьыштны, да сёрмис* (А. Попов) «Степан пришел раньше. Наталье надо было еще по хозяйству повозиться, и опоздала»; *Медуна тöвар миянлы лоö вежлавны вөр вылö* (В. Савин) «Больше всего товару нам приходится обменивать на лес». Реализация названных модальных глаголов возможна лишь в безличных конструкциях с пассивным субъектом в форме датива. Модальное значение долженствования выражают спрягаемые глаголы в форме императива в сочетании с лексемой *быть* в значении «необходимо, обязательно». Субъектом при глаголах в форме императива может быть не только собеседник, но и сам субъект речи, а также и третье лицо, неучастник коммуникации. Говорящий может и не обращаться к собеседнику, не выражать своей просьбы, повеления, он обозначает свое собственное действие, которое необходимо выполнить при любых условиях: *Начальник вед, да нöшта уездса. Быть кывзысь* (Б. Шахов) «Ведь начальник, да еще и уездный. Нужно слушаться (букв. быть слушайся)»; *И быть морт ногөн сёрнит налы öтлаын уджалігөн* (Г. Юшков) «И нужно им общаться (букв. быть говори) по-человечески, когда вместе работают».

Лексема *быть* для выражения модального значения долженствования используется и при личных глаголах изъявительного наклонения, при инфинитивной форме глагола: *Шуисны: диплом босьтöм бöрын быть ыстасны рöднöй сиктö* (В. Напалков) «Сказали: после получения диплома обязательно направят в родное село»; *Быть вола. Таво гожöм* (А. Ульянов) «Обязательно (букв. быть) приеду. Этим летом».

С целью выражения необходимости, долженствования используются строевые прилагательные, заимствованные из русского языка: **должен** «должен», **öбязан** «обязан»: *Начальство должен думайтны, индавы, а ми – пöртны олöмö налысь приказъяс* (В. Безносиков) «Начальство должно думать, давать указания, а мы – претворять в жизнь их приказы»; *Но тадзи оз позь, ме öбязан тöдмавы ставсö да, висян кö, пуктыны стöч диагноз* (В. Безносиков) «Ну так нельзя, я обязан все выяснить, если болееешь поставить точный диагноз».

Модальные значения долженствования и необходимости, выраженные глаголами *колö*, *лоö*, именными словоформами **должен**, **öбязан**, не

совсем идентичны. Они не во всех случаях являются синонимами и не всегда взаимозаменяемы: заимствованные адъективы значение долженствования выражают в категоричной, жесткой форме, а безличные конструкции с глаголами *колё*, *лоё* – в более мягкой форме; для передачи долженствования в более категоричной форме они требуют употребления модального слова *быть* «обязательно»: *Миянлы быть уважитны сватъясёс* (Б. Шахов) «Мы должны уважить сватов (букв. нам быть уважить)». Модальный глагол *колё* выражает лишь деонтическое долженствование, он не способен сообщать об алетическом долженствовании. В высказывании *Велёдысьяслы колё содтыны удждон* дана информация об оценке говорящего субъекта, по его мнению, следует повысить зарплату (*ме ногён* «по-моему», *ме чайта* «я считаю», надо прибавить), но при необходимости сообщить о повышении зарплаты в соответствии с принятым решением будет составлена конструкция с именным словом *должен*: *Велёдысьяслы долженёсь содтыны удждон* «Учителям должны повысить зарплату». При этом будет различаться и контекст: в первом случае это будет *ме ногён* «по-моему»/*ме чайта* «я считаю», *колё содтыны* «надо прибавить», а во втором случае – *ме тёда, долженёсь содтыны* «я знаю, что должны прибавить». В настоящее время регулярны в употреблении и безличные конструкции со структурной схемой *колё* «надо, необходимо» + *инфинитив* значимого глагола и личные двусоставные конструкции с предикатом *должен* + *инфинитив* значимого глагола. Модальный глагол *колё* выражает деонтическое понимание долженствования (*Велёдысьяслы колё содтыны удждон* «Учителям нужно повысить зарплату – *Ме лыддя, мый*... «Я считаю, что...»), но в алетическом понимании *колё* не употребляется. Не могут быть образованы высказывания типа **Петис индёд. Велёдысьяслы колё содтыны удждон* «*Вышел указ. Учителям надо повысить зарплату»; **Ме тёда, велёдысьяслы колё содтыны удждон* «*Я знаю, что учителям надо повысить зарплату», но обычными являются высказывания типа *Ме тёда, мый велёдысьяслы долженёсь содтыны удждон* «Я знаю, что учителям должны повысить зарплату». Таким образом, объем выражаемых модальных значений глаголом *колё* и прилагательным *должен* не совпадает. Объем значения модального прилагательного шире, оно способно сообщать о ситуациях алетического и деонтического долженствования. При модальном глаголе *колё* не может быть активного действующего лица. Лексема *должен* используется для выражения различных вариантов значения долженствования:

внутреннего долга, гипотетического долга, пермиссивного (акта речевой каузации долга) (Золотова и др. 1998: 319), а также необходимости, обусловленной определенным стечением обстоятельств, предписанности с точки зрения существующих социальных установлений, долженствования, основанного на запланированности ситуации (ТФГ 1990: 147) и т.д. В коми языке наиболее широкое развитие получили первые три значения этого слова. Оно способно указывать на внутренний долг, в соответствии с которым субъект независимо от каких-либо внешних причин, мнения окружающих должен выполнить определенное действие. В этом случае долг «представляет собою моральную норму, существующую независимо от его носителя или каких-либо посторонних лиц» (Булыгина, Шмелев 1997: 239). В конструкциях с предикатами со значением внутреннего долга в роли субъекта выступают существительные со значением лица, личные местоимения: *Тэ өд комсомолец, мукöдлы пример должен петкöдлыны* (И. Изьюров) «Ты ведь комсомолец, другим пример должен показывать»; *И ми тайöс вöчам, Дуня. Долженöсь вöчны* (И. Изьюров) «И это мы сделаем, Дуня. Должны сделать». Нередко в высказываниях с предикатом *должен* выражается и предположительное (гипотетическое) значение: *Николай Федорович, тані неылын должен лоны бурöвöй* (Б. Шахов) «Николай Федорович, здесь недалеко должна быть буровая»; *Изьва йылса сиктьяс пыр пö долженöсь найö Эжва йылö петны* (Б. Шахов) «Мол, через села в верховьях Ижмы они должны выйти на верховья Вычегды». Лексема *должен* способна иметь и пермиссивное значение: *Тэд оз позь эновтчыны аслад судьбаысь, тэ бөр должен лоны сцена вылын* (Н. Куратова) «Тебе нельзя уходить от своей судьбы, ты опять должна быть на сцене».

В адъективных предложениях модальное значение выражают и некоторые исконные адъективные слова, к которым прежде всего относится строевое прилагательное *дась* «готов», выражающее модальное значение **готовности, склонности** субъекта высказывания к выполнению действия, названного в инфинитиве. Типичным субъектом при нем является одушевленный предмет, чаще всего – лицо. К прилагательному *дась* примыкают неличные формы глаголов самых различных значений: акциональные глаголы физического действия, перемещения в пространстве, движения, глаголы речевого действия, денотативного действия, глаголы мыслительного, эмоционального действия, физиологического действия, глаголы, обозначающие деятельность, занятие и т.п. Предикативный признак совпадает с моментом речи, или в предикате может на-

зываться вневременной признак, качество, свойство без указания на определенное время. В синтаксической конструкции возможны темпоральные обстоятельства, ограничивающие время проявления модального значения готовности. Для возникновения состояния готовности субъекта высказывания совершить то или иное действие необходимы определенные основания, условия, события, они могут быть вербально выражены в высказывании или ближайшем контексте. При вербальной невыраженности эти причины, обстоятельства могут выявляться из речевой ситуации: *Ме дась лэбзыны тэкөд төлысь вылөдз!* (В. Напалков) «Я готов полететь с тобой на луну»; *Юась, ме дась вочавидзны* (Н. Куратова) «Спрашивай, я готова отвечать». Значение готовности имеет синтаксема *гөтов* «готов»: *Сійө гөтов биө көть ваө пырны революция вöсна* (В. Савин) «Он готов хоть в огонь, хоть в воду за революцию»; *Радысла гөтөв сійө көть öнi мунны* (В. Савин) «От радости он готов сейчас же идти».

Модальное значение **волюнтативности** выражает и заимствованное прилагательное *лют* «лютый, лют», обозначающее большую склонность, готовность субъекта высказывания выполнить действие, названное в инфинитиве. Слово *лют* специализируется на выражении модального значения. При нем обязательно наличие инфинитивной формы глагола – носителя вещественного содержания предиката. С предикатами *лют* + *инфинитив* в качестве субъекта всегда выступает активно действующее лицо, в высказывании ярко проявляется его волевое начало. Особенностью этой синтаксемы с модальным значением является и то, что требует глаголы активного физического или речевого действия (*лют уджавны* «лют работать», *лют ытшыкыны* «лют косить», *лют сёрнитны* «лют разговаривать» и т.п.), но оно не сочетается с глаголами состояния (**лют пукавны* «*лют сидеть», **лют куйлыны* «*лют лежать»), а также с глаголами денотативного действия, изменяющими посессивные отношения, типа *сетны* «отдать, дать», *корны* «просить» и т.п., с которыми свободно сочетаются прилагательные *дась, гөтов* «готов» (*дась лунтыр пукавны* «готов целый день сидеть», *гөтов лунтыр куйлыны* «готов целыми днями лежать», *дась сетны* «готов отдать» и т.п. Для предложений с такими предикатами характерна большая экспрессия: *Уджавны лют, а гуляйтны сыысь на лютджык* (Г. Федоров) «Работать лют, а гулять и более того (букв. более лют)»; *Ме бара-й варовитнытö лют* (Н. Куратова) «Я поболтать люблю (букв. говорить люта)».

Склонность к чему-либо, способность выполнить то или иное действие выражает заимствованное адъективное слово *востер* «остёр, бойкий». В предложении оно берет на себя роль предиката, преимущественно в сочетании с примыкающим инфинитивом значимого глагола. Синтаксема *востер* образует предикат в основном в сочетании с глаголами, связанными с речевыми и физическими действиями. В предложениях с такими предикатами субъектом может быть лишь активно действующее лицо: *Востерось йöзыд лöсьöдлынытö* (Г. Юшков) «Умеют люди (букв. остры) выдумывать»; *А черитö кыйны сийö и водзджык на востер вöвлі* (Ю. Васютов) «А рыбу ловить она и раньше умела (букв. была остра ловить)».

В сочетании с инфинитивом значимого глагола единый предикат с модальным значением образует и лексема *окоч* «охочий до чего-либо, охоч», указывающая на эмоциональное состояние готовности, предрасположенность, большое желание субъекта выполнить действие: *Ой-ой окочось командуйтны да властьöн грöзитчыны* (Б. Шахов) «Ох и любят (букв. охочи) командовать и властью угрожать».

Заимствованное краткое прилагательное *рад* «рад» выражает эмоциональное отношение субъекта к кому/чему-либо. Позицию предиката оно нередко занимает в сочетании с примыкающим инфинитивом: *Зэв рад газетчиккöд тöдмасьны* (П. Шахов) «Очень рад (я) с газетчиком познакомиться»; *Зэв тай нин рад мейсь мынтöдчыны* (И. Белых) «Очень уж рад от меня избавиться». Слово *рад* позицию предиката может занимать автономно, без примыкающего инфинитива, при этом выражает эмоциональное состояние субъекта или эмоциональное отношение субъекта к объекту. Объект может быть вербально выраженным или невыраженным, в последнем случае он бывает понятным для коммуникантов из речевой ситуации: *Ми вед кöть кор радось Елизавета Павловналы* (Б. Шахов) «Мы ведь всегда рады Елизавете Павловне»; *Марна аддзис, мый верöсыс ас вылас абу рад, да водзö эз мöд юасьны* (В. Юхнин) «Марфа видела, что муж (ее) самому (букв. на себя) не рад и не стала дальше спрашивать».

Прилагательное *рад* способно употребляться и в сочетании с личными формами глаголов, выражая при этом эмоциональное состояние субъекта во время выполнения действия, иметь дополнительный, качественно-обстоятельный, оттенок значения. Данная синтаксема сочетается с личными глаголами со значением перемещения, движения (*рад вольтыла* «букв. рад прихожу», *рад муна* «рад уйду» и т.п.), речевого действия

(*рад висьтала* «букв. рад скажу», *рад юала* «рад спрошу»), с глаголами денотативного действия (букв. *рад сета* «рад отдам», *рад отсала* «рад помогу» и т.п.), но не сочетается с ментальными глаголами, со статуальными глаголами. В таких высказываниях субъект всегда активный: *Тэ кодь уджалысьтö рад босьтам* (Г. Федоров) «Такого работника, как ты, возьмем с радостью»; – *Мыська, мыська! – рад көсьысис Марья тьот* (Г. Федоров) «– Помою, помою! – с радостью обещала тетка Марья».

На желание–нежелание совершить действие, выраженное в инфинитиве, указывают безличные вспомогательные глаголы *көсьыссьö* «хочется», *оз терпитсьы* «букв. не терпится» в значении «хочется»: *Көсьыссьö шуны налы ыджыд аттьö* «Хочется сказать им большое спасибо»; *Өндрейлы эз терпитсьы өдйөджык листайтышны сийöс* (В. Юхнин) «Андрею хотелось (букв. не терпелось) побыстрее полистать его (журнал)». Исполнитель действия в таких высказываниях может быть выражен не только формой датива, но и генитива: *Сылөн, тыдалö, эз терпитсьы дыр пукавны тани* (В. Юхнин) «Ему (букв. у него), видимо, не хотелось (букв. не терпелось) долго сидеть здесь».

На отношение деятеля к процессу действия указывают неполнозначные глаголы *дышöдны* «надоедать», *кажитчыны* «нравиться» и т.п.: *Но морттö пажынөдз на и дышöдис милиционеравнытö* (В. Безносиков) «Но человеку (букв. человека) еще до обеда надоело быть милиционером»; *Теличкины, тыдалö, дышöдис таджитö уджавны* (И. Торопов) «Теличкину, видимо, надоело так работать».

Неполнозначный глагол *кажитчыны* «нравиться» указывает на то, что действие, названное в инфинитиве, деятелю нравится, он совершает его с удовольствием: *Сылы ёна кажитчис таджи велöдны йöзöс* (И. Торопов) «Ей очень нравилось так учить людей»; *Сылы, тыдалö, кажитчис ворсны татшöм рольсö* (Г. Фёдоров) «Ей, видимо, нравилось играть такую роль».

Глагол *велавны* «привыкать, привыкнуть» в безличной форме в сочетании с примыкающим инфинитивом выражает **привычность–непривычность** совершения действия. Исполнитель действия выражается только формой генитива: *Отиторсö кыкысь шуны Яковлөн абу велалöма* (Г. Юшков) «Яков не привык два раза говорить одно и то же (букв. у Якова не привыкло говорить)»; *Да и абу велалöма сылөн нинөм вöчтöг лунлун нюжвидзны* (Г. Федоров) «Да и не привык он (букв. у него не привыкло), ничего не делая, целыми днями разлёживаться».

Глаголы *сюрны* «удаваться», *шедны* «удаваться», *удайтчыны* «удаваться», *вичмыны* «удаваться» и т.п. в безличном употреблении сообщают о том, что в силу определённых причин, при определённых обстоятельствах субъект вынужден, субъекту удастся совершить то или иное действие, часто преодолевая некоторые препятствия: *Миколалы вичмыштлө пуксьывны батъыслөн машинаё сөмын сиктын: гортсянь гаражөдз* (В. Безносиков) «Миколе удастся садиться в машину отца только в селе: от дома до гаража». Названные глаголы в отрицательной форме указывают на то, что совершить то или иное действие в силу определённых причин не удалось: *Сідзи эз сюр меным велөдчыны веж пожөм лыс пөвста еджыд керкаын* (В. Чисталев) «Так и не удалось мне учиться в белом здании среди зелёных сосен»; *Ламбейлы сідзи и эз удайтчы мунны көраяс дінө* (В. Юхнин) «Ламбею так и не удалось пойти к оленям». Иногда в предложении может быть указана причина, из-за которой невозможно, не удастся выполнить то или иное действие: *Но эз удайтчы шойччыны: бара война* (А. Льюров) «Но не удалось отдохнуть: опять война».

В отличие от названных словоформ глагол *мойвины* «посчастливиться» выражает то, что для выполнения желаемого действия субъектом не были предприняты никакие усилия: *Клюгелы, позьё шуны, мойвиис чөсмасьны став олөмнас* (Г. Юшков) «Клюге, можно сказать, посчастливилось насладиться всей жизнью».

Конструкция, состоящая из глагола *сулавны* «стоять» в безличной форме и инфинитива, выражает целесообразность или нецелесообразность совершения действия: *Та йылысь сулалө думыштлыны* (Я. Рочев) «Об этом стоит подумать».

Решение совершить какое-либо определённое действие, названное в инфинитиве, обозначается глаголом *шуны* «сказать» в значении «решить, решать»: *Аскиянь төлысь чөж шуёма нуөдны юясысь да тыясысь чери видзөм* (В. Безносиков) «С завтрашнего дня в течение месяца решено (букв. сказано) провести охрану рыб, рек и водоёмов».

В некоторых случаях действие может совершаться как бы произвольно, независимо от воли и желания исполнителя. На это значение указывает глагол *кыскыны* «тянуть» и различные вспомогательные глаголы с возвратным суффиксом *-сь*: *Регыд сэтөн сэтишөм шум лыбис. Павелос кыскис видзөдлыны* (Г. Юшков) «Скоро там такой шум поднялся. Павла тянуло посмотреть»; *Луныс коли сэтишөм өдйө, мый Павел Калистратович эз и төдлы, кыдзи сылөн сёрмысьёма пуны сёян*

(В. Юхнин) «День прошёл так быстро, что Павел Калистратович и не заметил, как он опоздал сварить (букв. у него опоздалось сварить) обед».

В предикате, состоящем из глагола *кажитчины* «казаться» и адъективного слова, выражается не реальный, а в силу определенных причин, обстоятельств кажущийся, видимый признак предмета или лица. Признак мыслится как зависимый от внешнего восприятия. Предикат указывает лишь на мнение субъекта речи, отражает субъективный характер восприятия признака. Субъективность, неадекватность восприятия признака нередко объясняются его каузированностью внешними условиями (условиями восприятия) (Золотова и др. 1998: 297). Причины, обстоятельства, способствующие субъективному восприятию признака, обычно называются в высказывании, контексте. При отсутствии их эксплицитного выражения они определяются речевой ситуацией: *Ольёкан öні вёрын уджалё, и сытöг колльöдöм луньясыс Дарьялы кажитчöны зэв кузьöсь* (Г. Федоров) «Сейчас Александр в лесу работает, и проведенные без него дни Дарье кажутся очень длинными»; *Первойысьтö тöдтöм местаясад гажтöмкодь. И туйыс кузь кажитчö* (Н. Куратова) «В первый раз в незнакомых местах мрачновато. И дорога длинной кажется». С глаголом *кажитчины* «казаться» сочетается достаточно широкий круг прилагательных – дескриптивных (*вёрыс ылісяньыс кажитчис лöz* «лес издали казался синим») и со значением состояния (*чужöмыс скөр кажитчис* «лицо (его) казалось сердитым»), однако не сочетаются дескриптивные прилагательные, обозначающие признак по обладанию/необладанию, назначению, способу производства, по форме и некоторые другие. С их помощью устанавливается смысловая связь между двумя денотатами, которая не может быть воспринята неадекватно, связь является объективной, при отсутствии реальных связей между денотатами не образуются и сами прилагательные. Не могут быть образованы такие конструкции, как **сійö кажитчис батьтöм* «букв. *он казался безотцовым», **сійö кажитчис батя* «букв. *он казался отцовый», **сійö кажитчис понья* «букв. *он казался с собакой» и т.п. С глаголом *кажитчины* «казаться» свободно сочетаются оценочные прилагательные: *Сынöдыс сöдз да югыд, сэтшиöм чöскыд кажитчö да он и пöтлыв* (Г. Федоров) «Воздух прозрачный и чистый, таким свежим кажется, что и не надышишься»; *Мича сэк кажитчис меным тайö öтка пожöмыс* (И. Коданев) «Красивой (букв. красивая) мне тогда показалась эта одинокая сосна».

То или иное отношение к признаку реальности/ирреальности может быть представлено в значении утверждения/отрицания. В утвердительных высказываниях выражается принадлежность признака предмету; наличие независимого признака, бытие предмета. Значение утверждения не маркируется: *Лунтыр асывсянь ныр Дзользьё-гажödчö ныста* (А. Некрасов) «Целый день с утра Щебечет-веселится синица»; *Сійö арыс вöлі зэра* (А. Некрасов) «Та осень была дождливой».

Отрицание действия бытия предмета принадлежности признака предмету выражается в отрицательных предложениях. Значение отрицания маркируется различными средствами: грамматическими, словообразовательными, лексическими и т.п. Отрицание выражается прежде всего при помощи отрицательных глаголов: *Ме ог мун* «Я не иду», *Тэ он мун* «Ты не идешь», *Сійö оз мун* «Он (она) не идет» и т.п. Отрицательные глаголы могут указывать и на отрицание способа совершения действия, места, времени, степени действия или качества, способны функционировать в частноотрицательных предложениях: *Оз кокниа öні овсьы* «Нелегко сейчас живется». Значение отрицания передают также и отрицательные местоимения, наречия: *Некодлы ог висьтав та йылысь* «Никому не скажу об этом»; *Некытчö меным муннысö* «Мне некуда идти». Они часто служат для усиления отрицания: *Бөрья кадас некытчö оз ветлывлы* «В последнее время никуда не хожу».

В адъективных предложениях полное отрицание выражается частицей *абу* «не», указывающей на то, что реальной действительности лицу, живому существу, неодушевленному предмету признак, названный этим прилагательным, не соответствует. В отрицательной форме могут быть использованы адъективные предикаты всех семантических групп: предикаты-свойства, оценочные предикаты, предикаты состояния: *Ме жö, мам, тöда. Ме жö абу нин ичöтик* (Н. Куратова) «Я же, мама, знаю. Я же уже не маленькая»; *А синьясыс Шутовлön абу скөрöсь* (А. Ульянов) «А глаза Шутова не злые».

Отрицательная частица *абу* «не» употребляется и с целью выражения отрицания значения субстантивных предикатов: *Тайö абу кыдз ну* «Это не береза»; *Сійö абу велöдысь* «Он не учитель».

Отрицательное значение имеет каритивный суффикс *-тöм*, который реализуется с относительными прилагательными. Дескриптивные прилагательные с этим суффиксом способны занимать позицию предиката, образуя отрицательное адъективное предложение: *Керка öшиньяс битöмöсь* (Г. Федоров) «В окнах домов свет не горит (букв. окна несве-

товые)»; *Öni Вась лои уджалысьтём и вөвтём* (В. Чисталев) «Сейчас Вась остался без работника и лошади»;

Отрицательное значение имеют предикативные деепричастия с отрицательным суффиксом *-төг*: *Ставөн колисны сөйтөг* «Все остались голодными (букв. не евши)».

В адъективных предложениях с предикатом, состоящим из связочных глаголов и прилагательного, отрицание выражается отрицательными глаголами: *Эз вөв мича апрельыс* (В. Напалков) «Апрель был плохим (букв. не был хороший)»; *Но Кабанов эз вөв скөр* (Г. Юшков) «Но Кабанов не был сердитым».

В инфинитивных высказываниях отрицание выражается при помощи отрицательной частицы *не* «не»: *Шырлы канькөд не венласьны* (Поговорка) «Мышка с кошкой не может бороться (букв. не бороться)».

В конструкциях с относительными прилагательными с маркером *-тём* и отрицательной частицей *абу* «не» в результате двойного отрицания происходит изменение значения, они приобретают значение утверждения, отрицание снимается, причем значение утверждения усиливается, подчеркивается говорящим субъектом: *Абу на көмтём сийö* «Есть еще у него обувь (букв. не безобувный еще он)»; *Абу на сакартёмось ми* «Есть еще у нас сахар (букв. мы не бессахарные)». Предикативные прилагательные в отрицательной форме могут употребляться в сочетании с интенсификаторами *дзик*, *скөнъ* «совсем, совершенно, абсолютно», *ньöти* «совсем не, совершенно не», причем *ньöти* сочетается лишь с отрицательными предикативными прилагательными. Интенсификаторы вносят разные оттенки в семантику адъективного предиката в отрицательной форме. Предикат, состоящий из отрицательной частицы *абу* «не», интенсификаторов *дзик*, *скөнъ* «совсем, совершенно» и прилагательного, имеет значение смягченного утверждения: *Ми абу на скөнъ сакартёмось да тшайтёмось* «У нас есть еще сколько-то, небольшое количество сахара и чаю (букв. мы еще не совсем бессахарные и бесчайные)», ср. *ми абу сакартёмось* «у нас есть сахар (букв. мы не бессахарные, имеется в виду, что количество сахара имеется в достаточном количестве, в этом случае значение утверждения усилено)», ср. также без отрицательной частицы *абу*: *Ми скөнъ сакартёмось* «У нас совершенно нет сахара (букв. мы совершенно бессахарные)», то же в следующих высказываниях: *Сийö абу дзик няньтём* «Он совсем без хлеба, немного, в небольшом количестве, но хлеб имеется»; *Ми абу дзик сёянтёмось* «Мы совсем без еды, какая-то, в не-

большом количестве, не очень хорошая, но еда есть». Интенсификаторы в отрицательной форме возможны и при качественных прилагательных: *наськӧмыс абу дзик выль* «одежда не совсем новая», *ваыс абу дзик кӧдзыд* «вода не совсем холодная». Особенность интенсификатора *ньӧти* «совсем не, совершенно не» состоит в том, что он реализуется лишь в отрицательных высказываниях, при этом усиливает значение отрицания: *Луныс ньӧти абу кӧдзыд* «День совсем не холодный»; *Карыс ньӧти абу мича* «Город совсем не красивый». В конструкциях с двойным отрицанием синтаксема *ньӧти* «совсем не» позволяет субъекту речи утверждать о наличии признака в смягченной, в некатегоричной форме: *Коді пӧ шуис, мый тэ мисьтӧм? – Абу ӧд, мися, ньӧти рӧмпӧштантӧм* (Г. Юшков) «Мол, кто сказал, что ты некрасивая? – Я говорю, у меня ведь есть (какое-то, хотя и не очень хорошее, может быть кусочек) зеркало (букв. я не совсем беззеркальная); ср. *абу рӧмпӧштантӧм*, в данном же высказывании сообщается о категориальном, усиленном утверждении: У меня есть зеркало (букв. я не беззеркальная)», ср. также *сійӧ ньӧти рӧмпӧштантӧм* – в этом случае усиливается отрицательное значение «У него нет никакого зеркала (букв. он совершенно беззеркальный)».

Утвердительное значение дает и двойное отрицание, состоящее из деепричастия с каритивным суффиксом и отрицательного вспомогательного глагола: *Анук гӧгӧрвотӧг оз ов верӧсыслысь вийсьӧмсӧ* (И. Торопов) «Анук, конечно, понимает беспокойство (букв. не понимая не живет) мужа»; *Микит казьявтӧг оз ов мортыслысь вежсьӧмсӧ* (И. Торопов) «Микит, конечно, водит (букв. не видя не живет), как меняется человек».

В утвердительных предложениях отрицательное значение может быть выражено при помощи интонации: *Локсис нин сылӧн!* «Он уже не придет (букв. у него уже пришлось)»; *Кыз жӧ, локтас сійӧ!* «Как же, придет он (т.е. он не придет)».

Типы предложений по целеустановке

Основными типами коммуникативных действий являются передача информации, запрос информации, побуждение к действию. По целеустановке выделяются констатирующие, побудительные, вопросительные высказывания.

Констатирующие предложения/высказывания заключают в себе сообщение о внеязыковой действительности, о каком-либо утверждаемом или отрицаемом положении дел, факте, ситуации. Подлежащее обычно выражает «данное», «тему», сказуемое – «новое» «рему». В таких предложениях может быть описание, повествование о действиях и событиях, сообщение о желании или намерении совершить действие: *А лымыыс сапкө и сапкө* (В. Лодыгин) «А снег идет и идет»; *Талун асылыс зумыш да нор* «Сегодняшнее утро хмурое и грустное»; *Маша китъялө-сералө* (Г. Фёдоров) «Маша хохочет-смеется»; *Утка чукөръяс стаяөн-стаяөн кутисны лэбны лунвывлань, тыдалө, кылöны арлысь көдзыд лов шысө. Войяс лоины пемыдöсь. Тундраса быдмөгъяс лунысь-лун воштисны гожся мичлунсө* (Я. Рочев) «Стаи уток группами начали улетать на юг, видимо, почувствовали холодное дыхание осени. Ночи стали темными. Растения в тундре изо дня в день начали терять свою летнюю красоту»; *Пажын водзвылын Саша бара лэччис ва дорө чай вала* (Я. Рочев) «Перед обедом Саша еще раз пошла к реке за водой для чая».

Побудительные предложения образуют особый функциональный тип предложений, в которых в роли организующего центра выступает императивная форма глагола. Важным средством оформления значения побуждения является побудительная интонация. В таких высказываниях центральное место занимает субъект речи, выражающий различные оттенки своего волеизъявления: приказ, просьбу, совет, разрешение, пожелание, предложение, требование совершить действие, разрешение или запрет выполнить действие. Императив не просто передает информацию, а является средством выражения побуждения, выразителем ирреальной модальности. Он выражает особый вид модальных отношений – «отношение говорящего к адресату; адресат должен выполнить действие, которое отсутствует в действительности, но, по мнению говорящего, подлежит реализации, причем без связи с дополнительными условиями» (Эйхбаум 1996: 141). Отличием высказываний с глаголами в императиве является то, что они обращены к одушевленному адресату. Повелительная форма глагола в прямом значении обозначает просьбу, совет, приказ, пожелание говорящего субъекта: *Вунöд ассыйд шогтö* (В. Савин) «Забудь свое горе»; *А öни пока велöдчы* (Я. Рочев) «А сейчас пока учись». В относительном употреблении может содержать модальное значение: *А вот и эскы сэсся сылы* «А вот и верь потом ему, т.е. ему нельзя верить». Императив действие всегда относит к будущему или на-

стоящему времени. Исключение составляют лишь «вневременные» конструкции, содержащие обобщенное значение: *Унджык кывзы, а этшаджык сөр* (Поговорка) «Больше слушай, меньше болтай»; *Кывтö пыдынджык кут* (Поговорка) «Язык держи поглубже». Субъектное местоимение 2-го лица обычно опускается, об адресате информирует сама форма глагола-сказуемого, который и является исполнителем глагольного действия. Между говорящим и адресатом наблюдаются достаточно жесткие отношения: *Эн суйсы, шуа. Тöд ассьыд уджтö, кывзысь да пель саяд сюркняв. Гөгөрвоин?* (Н. Дьяконов) «Не вмешивайся. Знай свою работу, слушай и запоминай. Понял?».

Императивная форма глагола, как правило, предполагает, что исполнителем действия будет собеседник, адресат, к которому обращается субъект речи. «Однако возможны и различного рода «смещенные» (или несобственные) побуждения, которые обращены либо к первому, либо к третьему лицу. Если исполнителем является первое лицо (как правило, не единственного числа), то побуждение обычно трансформируется в приглашение к совместному с говорящим действию; напротив, в случае исполнителя, совпадающего с третьим лицом, прямое побуждение трансформируется в косвенное: на непосредственного адресата говорящего возлагается задача воздействовать на реального исполнителя» (Плунгян 2000: 318-319). Спецификой таких конструкций является то, что действие будет выполняться собеседником и самим говорящим, субъект побуждения становится и субъектом действия (вместе с объектом побуждения). Пригласительная форма, выражающая приглашение, призыв к совместному действию, маркируется суффиксом *-амöй, -ам*: *Но мый, челядь, ветламöй важ мельнича дорас?* (Е. Афанасьев) «Ну что, дети, сходим к старой мельнице?», или же эта форма используется в сочетании с частицей *вай, вайöй* «давай, давайте», которая имеет побудительное значение: *А вай пуйс садитам кильчö дораным* (Е. Афанасьев) «А давайте деревья посадим возле крыльца»; *Вай öни, дитя, самöвар пуктам да пöсь тшай юам* (Е. Афанасьев) «А давай, дитяtko, самовар поставим и горячего чаю попьем». Данная форма может быть усилена словоформой *лок* «иди»: *Лок вай мунам, ме тэныд петкöдла, мунам!* (Н. Дьяконов) «Давай (иди) пойдем, я тебе покажу, пойдем!».

В значении мягкого побуждения к действию используется форма 2-го лица глагола в сочетании с частицей *эськö* «бы»: – *А мый, нывъяс, тшöтш эськö сьылыштінныд көкыс моз?* (И. Торопов) «– А что, девушки, тоже бы попели немножко, как кукушки». К числу модификато-

ров смягчения относится и вводное слово *гашкӧ* «может быть»: *Дедушка, гашкӧ, коркӧ сёрнитыштан, а? Но, сёрнитышт, дедушка! Сійӧ тэно радейтӧ* (Н. Дьяконов) «Дедушка, может, ты как-нибудь с ним поговоришь? Ну, поговори, дедушка, он тебя любит».

Опосредованное побуждение выражается формой 3-го лица глагола. В этом случае слушающий передает исполнителю волю говорящего. Эта форма используется в сочетании с частицей *мед* «пусть»: *Мед сійӧ мунӧ* «Пусть он уйдет»; *Мед лыддясны* «Пусть они прочитают»; *Мед ен тэно видзас война чӧж, дона пиукӧй!* (Н. Дьяконов) «Пусть бог тебя сбережет в течение всей войны, дорогой сынок!».

Особый тип императивных предложений-высказываний образуют такие, в которых побуждение направлено на несовершение действия. Значение «отрицательного императива» выражается при помощи отрицательного глагола *эн* и основного глагола в форме императива: *Мунігад кок пыдӧснад мусӧ эн шонты* «Когда идёшь, не грей ступнями землю»; *Йӧз лӧсасӧ эн пыр* «По чужой охотничьей тропе не ходи». *Кос синванад эн бӧрд* «Не плачь сухими слезами» (Поговорки).

Семантика побудительных предложений допускает использование обращений, которые побуждаются к совершению действия. Обращения обозначают адресата речи, а также информируют, в каких отношениях состоят между собой участники коммуникации, какую социальную роль играет каждый из них. В любом коммуникативном акте при выборе обращения учитываются обстановка, ситуация речи (официальная, неофициальная), степень родства (родственники, неродственники), степень знакомства (дружеские, недружеские, уважительные, почтительные, вежливые, фамильярные и т.д.), а также место коммуникации, личностные особенности говорящего и адресата. Все эти нюансы значений, выражаемые различными обращениями, вносят дополнительные смысловые оттенки в побудительные предложения: *Пуксьӧй, Максим Николаевич, лоӧй гӧстьӧн* (Н. Дьяконов) «Садитесь, Максим Николаевич, будьте гостем»; *Эн шогсьы, нылукӧй* (Н. Дьяконов); «Не грусти, доченька»; *Пуксьы, дона пи, пуксьы* (В. Безносиков) «Садись, садись, сынок».

Императивная форма глагола в сочетании с лексемой *быть* в значении «необходимо, обязательно» выражает модальное значение долженствования, она теряет свое прямое предназначение – выражать повеление. Субъектом при императиве может быть не только собеседник, но и сам субъект речи, а также и 3-е лицо, неучастник коммуникации: *Мый вӧчан, мӧдӧдчи да быть мун* (А. Ульянов) «Что делать, раз со-

брался (я), надо идти (букв. быть иди)»; *Öзйывлас-ыпнитлас (сёрни) кос сямöд моз, сэсса регыдөн и кусас. **Быть кус, öти кывйö оз воны да*** (А. Ульянов) «Иногда начнется-вспыхнет (разговор), как сухая береста, затем скоро и погаснет. Должен погаснуть (букв. быть погасни), потому что к одному слову не приходят (они)».

Побудительные предложения образуются и без специальных глагольных форм – из наречий или форм косвенных падежей существительного, обозначающих направление движения, объект. В предложении выражается призыв, просьба, приказание двигаться куда-либо, указывается на способ совершения действия: ***Пызан сайö! Ставөн пызан сайö, ёртъяс!*** (Н. Дьяконов) «За стол! Все за стол, товарищи!»; ***Ме бöрся ...котöрөн ... шытöг*** (Б. Шахов) «За мной... бегом... без шума»; ***Водзö!*** – *öвтышитис кинас Прокö Öньö* (Б. Шахов) «Вперед! – взмахнул рукой Проко Оньо».

Побуждение выражается и в форме вопроса. При помощи вопроса говорящий призывает, просит собеседника выполнить вербальное или физическое действие. С этой целью, как правило, используется вопросительная частица *ö* «ли»: – ***Позьö-ö?*** – *юалі пыригмоз. – Пыр, колöкö* (Е. Афанасьев) «Можно (ли)? – спросил, когда заходил. – Если хочешь, заходи»; ***Гымышитис-ö?*** – *юалö Коль. – Гымышитис, юрнас довкнитöмөн шуö Сандыр* (Е. Афанасьев) «Гром ли прогремел? – спрашивает Коль. – Гром, сказал Сандыр, кивнув головой».

Со значением побуждения употребляется и независимый инфинитив. Возможность волеизъявления в инфинитивной форме обусловлена определёнными отношениями между говорящим и адресатом: они предполагают социальное превосходство говорящего, право требовать, официальное или ситуативное, в военно-административном быту или домашнем (Золотова и др. 1998: 145). В таких предложениях производитель действия побуждается к активному действию. Они являются ярко выраженными в экспрессивном плане. Такие синтаксические конструкции обычно выражают резкий приказ, побуждение к действию, категорический запрет. В них субъект действия обычно не указывается. Он определяется из контекста или речевой ситуации. Именно отсутствие субъекта в дательном падеже служит показателем категорического, решительного повеления, приказа: ***Построитчыны колоннаö нель мортөн!*** (И. Торопов) «Построиться в колонны по четыре человека!»; ***Эновтны сёрнияс!*** (В. Юхнин) «Прекратить разговоры!»; *Водз на ша-*

башитны! Уджавны, уджавны! (Г. Фёдоров) «Еще рано заканчивать работу! Работать, работать!».

В инфинитивных предложениях возможно включение субъекта в форме датива. Это бывает «при необходимости выделить, акцентировать исполнителя приказа, например, в случае избирательной его адресации, противопоставления» (Золотова и др. 1998: 146). С дательным субъекта приказание смягчается, приобретает оттенок просьбы, совета, пожелания: *Ставлы локны аски удж вылө!* «Завтра всем прийти на работу!»; *Колльодысьяслы сувтны бокө!* (В. Юхнин) «Провожаящим отойти в сторону!»; *Именинниклы овны да вывны!* (В. Безносиков) «Именнику жить-поживать!».

При независимом инфинитиве возможен модификатор смягчения – частица *эськө* «бы». Такие инфинитивные предложения имеют оттенок просьбы, совета: *Тэныд өні комсомолө еще эськө пырны, и ставыс бур* (Г. Фёдоров) «Сейчас тебе еще в комсомол бы вступить, и всё будет хорошо».

Инфинитив в отрицательной форме способен указывать и на недопустимость совершения действия, на категорический запрет действия: *Пароход вылө не лэччыны!* (Г. Фёдоров) «На пароход не спускаться!»; *Узьны бокө ог лэдзө. Кылан, студент? Не петны татысь!* (Г. Фёдоров) «Ночевать на сторону не отпустим. Слышишь, студент? Не выходить отсюда!».

Цель вопросительных предложений – поиск новых знаний. Они служат для выражения вопроса говорящего субъекта, обращенного к собеседнику. С помощью вопроса коммуникант стремится получить новые знания, уточнить некоторые известные сведения, получить подтверждение или отрицание какого-либо своего предположения. Такими высказываниями говорящий определенным образом воздействует на собеседника: собеседник должен дать какой-либо ответ, информацию о запрашиваемом, он должен дать подтверждение или отрицание, согласиться или не согласиться с лицом, задающим эти вопросы.

В собственно вопросительных предложениях заключается вопрос, обращенный к собеседнику и требующий ответа: – *Катяыд гортад?* – *Надя пөдруга дорас, буди-а* (В. Безносиков) «–Катя дома? – Видимо, у подруги Нади».

Вопросительно-побудительные предложения выражают побуждение. В них нет собственно вопроса. Цель говорящего состоит не в получении новых знаний, а в побуждении собеседника к совершению како-

го-либо действия или приглашению к выполнению совместного действия. Такие предложения выполняют функцию побудительных: *Гашкӧ, ӧтлаын ветлам саридз дорас?* «Может, вместе съездим к морю?».

Вопросительно-риторические предложения выражают различные переживания, чувства говорящего субъекта – сомнение, недоумение, гнев, радость и т.п. Они не требуют ответа. Ответ уже заключается в вопросе. Говорящий намеревается сообщить о хорошо известных ему фактах, событиях, знаниях, однако он использует не повествовательное предложение, а вопросительное: *Шондіа асывтӧ Коді оз тӧд!* (В. Лыткин) «Кто не знает солнечного утра!»; *Коді оз тӧд Тист Иванӧс?!* (В. Савин) «Кто не знает Тист Ивана?!».

Вопросительные рефлексивные предложения содержат модальное значение. Они указывают на сомнение, неуверенность, нерешительность, колебание субъекта речи или субъекта высказывания. Такие конструкции характерны для внутренней речи, при этом собеседником является сам говорящий субъект. В повседневной жизни субъект часто сам себя спрашивает, выражает свои внутренние переживания: *Колӧ мыйӧнкӧ отсавны Ильялы. Но кыдзи да мыйӧн? Корсьны мунны? Кытчӧ, кодарӧ?* (В. Юхнин) «Надо чем-то помочь Илье. Но как и чем? Пойти искать? Куда, в какую сторону?»; *Мый нӧ тайӧ мекӧд керсьӧ? Ог-ӧ нин ме вежӧкты Ёгор Кӧсьтаӧс тӧдтӧм том невестану дорӧ?* (Б. Шахов) «Что же это со мной делается? Не ревную ли Ёгора Косьту я к молодой незнакомой кандидатуре невесты?».

В коми языке вопросительные предложения способны выполнять специфическую функцию: выражать приветствие в речевом этикете. В этом случае они не содержат вопроса в собственном смысле слова: *Кытчӧкӧ тай ветлӧмыд?* «Оказывается, ты куда-то ходил?»; *Кытчӧ нин мӧдӧчӧмыд?* «Куда уж направился?»; *Вала ветлін?* «За водой сходил?».

Коммуникативные функции обращения

В любом коммуникативном процессе важное место занимает обращение. Оно является одним из универсальных свойств языка. Без него не обходится ни один коммуникативный процесс. Обращение обозначает адресата речи, которому предназначено сообщение, информирует о том, в каких отношениях состоят между собой участники коммуника-

ции, какую социальную роль играет каждый из них. В каждом коммуникативном акте при выборе обращения учитываются ситуация речи (официальная, неофициальная), степень родства (родственники, неродственники), степень знакомства (дружеские, недружеские, уважительные, почтительные, вежливые, фамильярные и т.д.), коммуникативное пространство, личностные особенности говорящего, особенности адресата. В различных коммуникативных ситуациях, при обращении к собеседнику с различными целями, при выражении различных собеседников в роли обращения могут быть имена собственные, нарицательные, называющие собеседника по должности, степени родственных отношений, словосочетания. Выбор обращения всегда должен соответствовать коммуникативной ситуации.

В функции обращения чаще всего выступают имена существительные, а также и имена прилагательные, местоимения, числительные и их сочетания, если при вербальной коммуникации выделяют адресата речи. Обращение имеет форму номинатива, сопровождается особой интонацией, служащей для привлечения внимания собеседника, может распространяться определениями. В коми языке оно способно принимать лично-притяжательные форманты. Обращением может быть название лица, живого существа, в некоторых случаях – названия неодушевленных предметов, явлений. Важно, что обращения имеют свою коммуникативную цель – адресовать сообщение, назвав адресата или указав на него, привлечь его внимание.

Обращение способно называть адресата речи с целью привлечения внимания и установления контакта с ним, а также выражать отношение говорящего субъекта к адресату. Выделяются две основные функции обращения: контактно устанавливающая и субъективно-экспрессивная, выражающая то или иное субъективное отношение говорящего к адресату. При помощи обращения говорящий субъект призывает слушать, привлекает внимания к сообщению, выражает различное отношение к нему со стороны говорящего.

В роли обращения, называющего собеседника, выступают собственные имена существительные: *Йёрмём йёзёс, Гришук, век мезды, нянь кусётё век шёри юк* (В. Безносиков) «Гришенька, всегда помогай людям, оказавшимся в сложной ситуации, всегда дели кусок хлеба пополам».

В ситуации, когда в коммуникацию вступают родственники, находящиеся в кровном родстве, в близких родственных отношениях, а так-

же и не кровные родственники, обращения часто используются термины родства: *мам* «мама», *бать* «папа, отец», *ныв* «дочь», *ни* «сын», *свöяк* «свояк», *вежань*, *чожинь* и т.д.: *Панö, здорово!* (В. Безносиков) «Папа, здравствуй!»; *Бабö, ми сельпо кантораын концерт петкöдлiм!* (Н. Куратова) «Бабушка, мы в конторе сельпо концерт показывали». *Кыдзи чайтан, свöяк* (И. Изъюров) «Как считаешь, свояк»; *Рисуйт, ниö, рисуйт!* – *ышöдiс сiйö* (В. Безносиков) «Нарисуй, сынок, нарисуй! – поддержал (он) его»; *Ладнö, вежань, сёрнитыштам* (Н. Куратова) «Хорошо, крестная, поговорим». В коми речевом этикете обращения-термины родства *ни* «сын», «*ныв*» могут использоваться в несобственном значении. Они возможны для обращения к неродственникам, часто и к малознакомым или незнакомым людям, при этом выражают к ним свою расположенность. Это наблюдается в основном при обращении старших к младшим: *Ме öд, ныланöй, сöмын кык изки костын эг изсьы* (В. Безносиков) «Я ведь, доченька, лишь только между двумя жерновами не была»; *Ме, ниукöй, служба вылын* (Н. Дьяконов) «Я ведь, сынок, на службе». Однако, как правило, такие обращения не просто называют адресата, а выражают субъективное отношение, называя собеседника, проявляют к нему любовь, заботу, нежность, поэтому существительные в роли обращения принимают уменьшительно-ласкательные суффиксы, реализуются в сочетании с определениями, выраженными оценочными прилагательными: *Ой, мамукöй, сэтшиöm долыд сьöлöм вылын* (Н. Дьяконов) «Ой, мамочка, так легко на сердце»; *Бура ворсiн, нылукöй, сiйöн и долыд* (Н. Дьяконов) «Хорошо играла, доченька, поэтому и легко»; *Благославляйтa тэнö, дона нылöй* (Н. Дьяконов) «Благославляю тебя, дорогая доченька»; *Быдторлы аслас кад, ниук* (И. Изъюров) «Все мое время, сынок»; *Но, садьмин, зарни ни?* (Г. Фёдоров) «Ну, проснулся, сынок?»; *Пöрччы туй паськöмтö, мыссьы, сё зöлöта ни, а ме мыйкö сёны чукöртышта* (Г. Фёдоров) «Переоденься, умойся, дорогой сынок, а я поесть приготовлю».

Коммуникантом может быть использован однородный ряд обращений. Несколько обращений к одному человеку обычны в случаях экспрессивной окраски. Основная функция обращений состоит в том, чтобы дать качественно-оценочную характеристику, а не желание привлечь внимание собеседника. Часто в ряду обращений используются имена собственные и существительные или сочетания существительных с зависимыми словами, имеющими экспрессивное значение: *Юлюк, югыд шондiй, мыссьыштiн эн на* (Н. Куратова) «Юленька, ясно солнышко,

умылась нет еще?»; *Симьёнушко, сёкөл пи, тадзи оз позь!* (В. Безносиков) «Семенушко, соколик, так нельзя»; *Гриша, дона пи, бура уджав!* (В. Безносиков) «Гриша, дорогой сын, хорошо работай»; *Рита, оз тусь, вай ме тэно окышта* (В. Безносиков) «Рита, ягодка, дай я тебя поцелую».

В состав обращения может входить местоимение *менам* «мой», вносящее экспрессивный оттенок личной близости к говорящему: *Сьёлём-шөрй тэ менам! Мусаёй менам, донаёй менам...* (Н. Дьяконов) «Милая ты моя! Любимая, дорогая моя...»; *Бур, бур, мусаёй менам... Чөв ола, гулюкёй менам, зарни бобулёй менам* (Н. Дьяконов) «Хорошо, хорошо, милая моя... Молчу, голубка моя, золотая бабочка моя».

Для выражения различных субъективно-экспрессивных оценок адресата имеется специальный лексический фонд. Они сообщают о любви, почитании, расположении, нерасположении, ненависти, сожалении, упреке. Такими, к примеру, являются *бобё, рочакань, зарни, сё зарни, мада, сё зёлота, сёшайт, жальё, бобув: Юр янёдысьяс, ноко овсьёй! Суседка мянё локтё* (В. Безносиков) «Бесстыдники, ну-ка прекратите! Соседка к нам идет»; *Сёйёй, бобёяс, да мянёс омольён эн казьтылёй* (В. Безносиков) «Ешьте, милые, да нас не вспоминайте плохо»; *Тэ рочакань, эн видзёд на вылё* (И. Изьюров) «Ты, куколка, не смотри на них». При обращении к незнакомому, малознакомому собеседнику в качестве обращения используются слова *зон* «парень», *морт* «человек» с притяжательным суффиксом *-ёй/-ё* или суффиксом *-анёй*, с обязательным определением *бур, дона, муса: Вод, бур мортёй, вод. Узьышт...* (В. Савин) «Ложись, добрый человек, ложись. Поспи немного...»; *Пуксьы, зонмё, орчён. Кытысь, шуан, ачыд?* (В. Безносиков) «Садись, парень рядом. Откуда, говоришь, ты сам?»; *Бур мортанёй, сё пасибё мездёмсьыд* (В. Куратов) «Добрый человек, огромное спасибо, что освободил».

Обращение способно самостоятельно выступать в качестве высказывания. Оно, кроме называния адресата речи, может выражать чувства, волеизъявление. Для таких высказываний характерна особая интонация, указывающая на побуждение, призыв к прекращению действия, несогласие с собеседником, упрек, укор, негодование, сожаление. По значению такие предложения также можно разделить на предложения, в которых говорящий называет адресата речи, чтобы привлечь его внимание, и на предложения, выражающие эмоциональную реакцию говорящего на слова, действия, поступки собеседника: *Мамё! Кор ме велала?* (В. Савин) «Мама! Когда я научусь?»; *Муса мамёй! Эг жё эськё ме чайтлы*

татшөмөдз воны да. Лои тай (В. Савин) «Милая мама! Не думал (я) прийти до такого состояния. Но пришлось». С целью выражения эмоционально-экспрессивного отношения к собеседнику может быть использовано несколько вокативных предложений: *Глашенька, Муспоз! Глашук!.. Оз тусь! Со, тидзөс вылын сулала. Глафира Алексеевна, сьөлөм косьтысь, эскы меным* (В. Безносиков) «Глашенька, милая! Глашенька!.. Ягодка! Вот на коленях стою. Глафира Алексеевна, верь мне».

Практические задания (уджъяс)

1 удж. Торйөддй эмакывъяссё да гөгөрвоёддй налысь серникузьясас төдчанлунсё.

1. Ньюммунё шондйлөн югөр, Ворсёны лым чирлөн синъяс, Гусьыс ош чургөдас юрсё (В. Лыткин); 2. А ывлаыс сынёда вөлі, шоныд руа (В. Безносиков); 3. Некутшөма эз вун кыа рёма дзоридз (В. Юхнин); 4. А час-мөд мысти куимнанныс петісны гортлань туйё. Ыджыд нопьяёсь (И. Торопов); 5. Ыджыд төлөн пуяс нюклясьёны (В. Лыткин); 6. Пармаысь, пытшкөссьыс, морөссьыс, сьөлөмсыйс, Шлывгыны, визутны сьыланкыв мөдөдчис (В. Лыткин); 7. Жырсё медбөрьяысь кытшөвтөм бөрын ме пета посводзё, веськөдча ывлаё петан одзөслань. Сійё кынмөма, йизьёма, лолалё көдзыдөн, но йөткыштөмысь бөрддзөмөн вощё (М. Игнатов); 8. Куимсё арөса пөльөлы-ниалы Ньюммуні вөр сайсянь кыалөн югөрыс, Ньюммунөм вөлі зэв блед – Ниалөн серам эз пет. Öвтыштіс ниа пу лапнас, Вөрзёдіс төкөтьё юрсё: «Бур асыв, кыаёй-чойёй! Прөщайтлы, лөнь арся войёй!» (В. Лыткин); 9. Бара воис гажа тулыс. Пондісны варовитны-бызгыны Печораё тэрмасыйс шорьяс. Югыд шонді азыма нюліс пармалысь лымсё (И. Торопов); 10. Кылө турилөн горзөм. А мый и колө туриыслы талы (Г. Юшков); 11. Рытын сёрөн Кыркөтш дорын Ньыв лап вылын Колип сьылөм Гора кылө (В. Лыткин); 12. Бадьяс вомөн, видзяс вывті, Джуджыд керөс дорті Паськыд Эжва лөня кывтө, Посни гынас ворсё (В. Лыткин).

2 удж. Сетөм серникузьяссьыс торйөддй эмакывъяссё, гөгөрвоёддй, кор найё индөны субъект вылө, а кор – объект вылө.

1. Орччөн пуксисны гажа кыр йылө Акань моз пасьтасьөм нывьяс. Мича шушуна-сь, дона чышьяна-сь, Сикөтшьяс өшлөма-сь сывьяс

(В. Лыткин); 2. Еджыдик эшкынөн, пукөвөй вольпасьөн Кынмөм му вевттыысис. Кыпыдмис ывла выв (В. Лыткин); 3. Рам шондi мелiа синьяссö читкыртлö (В. Лыткин); 4. Бикмедов аддзис сылы эскытöмсö да ешö на енджыка векнöдыштiс син потасьяссö (В. Юхнин); 5. Öнi сылөн мыйлакö эскыссис Шабановлы (Г. Юшков); 6. Лягушкалы удайт-чис кырбөр чеччыштны (Шусьöг); 7. Шедтöм көчтö сьökыд кутны (Шусьöг); 8. Мунiгад кок пыдöснад мусö эн шонты (Шусьöг); 9. Öвтö татöнi муөн и маөн, Тырмö татöнi гажлун и гож (В. Напалков); 10. Во-кьяс, водзö шогсигтырйи, мөдöдчисны яг выв кырйöд (В. Лыткин); 11. Здук мысти Лыско увтiс выль ур. Раз-мöдысь школгис лыйöм шы (В. Юхнин); 12. Недель чöж ковмис Ильялы вöравны öтнаслы. Дерт, вöлi сьökыд (В. Юхнин); 13. Вöрыс друг лои гажаджык. Зверьяс сiдзи и ворсöны. Мöдiс увтны Катшыс. Степан локтiс пон дiнас да шензьиштiс – пон увтö рысьöс (В. Юхнин); 14. Медбөрья югöрнас Шондiыс ва вы-лас Чивкьялö-чеччалö, шпыннялö-йöктö (В. Лыткин); 15. Мөдлапöлысь, парма сайысь, Зарни шондi лөня кайö. (...) Асья щондi меным сьылö Томиник лöз синма нылöс (В. Лыткин); 16. Кузь туй радейтö сьökыд ноп (Шусьöг); 17. Йöзлы сёрнитны быдтор позьö, вомнысö он көртав (Шусьöг).

3 удж. Сёрникузяясыс аддзöй субъектсö да гөгөрвөддöй сылысь петкөдланногсö.

1. Ильялөн эз юсы ни эз сёйсы (В. Юхнин); 2. Дыр на дрöжжитöдiс Мишкаöс (В. Юхнин); 3. Öнi менам оз нин узьсы (И. Торопов); 4. Павеллы көть и делö пукавны зэр улын, брезент плашö тöбсьöмөн вугравны зуркыд телегаын, но сьöлöм вылас долыд (Г. Федоров); 5. Любö зэв меным, Пашук! (Г. Федоров); 6. Водз на катiс Вась ю йылö пуктысьны. Некөн на некод оз вöлi куран-косаөн вөрöшитчы (В. Чисталев); 8. Тэ, бобöанöй, вот мый висьтав Педöрайдлы: мед коркö пыравлас миянö (В. Юхнин); 9. Ладнö, та йылысь дугдам сёрнитны (В. Юхнин); 10. Чужи-быдми сьöd вөр шöрын (В. Савин); 11. Вай меным письмö гиж... (В. Чисталев); 12. Кыкөн мöдам вöравны (В. Юхнин); 13. – Водз менам чеччысьöма, Лыско, вывтiджык водз, – мöдiс малавны понйислысь кык пель костсö Илья (В. Юхнин); 14. Кывтö öд оз вудж-лыны (Шусьöг); 15. Шуд йылысь помтöг мойдiсны и шорьяс, Ми тэкöд кывзiм найöс чöv (Н. Фролов); 16. Тэ эн бөррдзы, эн тэ повзы, Корсь тэ ассыд олөм пуд (Н. Фролов); 17. Танi мельничаас нокся-уджала (Г. Федоров); 18. – Шуöны, поньясөн нин вөрö петавлöмыд. Кутшöмджык

прöмыс таво вöзйö вöрыс? (В. Юхнин); 19. Пельтöм поплы куимысь оз звöнитлыны (Шусьöг); 20. Кодъяскö варовитисны улыс судтаын (В. Юхнин); 21. – Эскы меным, сёшайт (В. Юхнин).

4 удж. Торйöдöй кадакывъяссö, тöдчöдöй сёрникузяын налысь функцияссö, гөгөрвоёдöй вежёртассö.

1. Би кодь гöрд ур котöртис керка вевт тьöсьяс кузя... (В. Юхнин); 2. Горзисны челядь, тяззисны вөрö петкөдлытöм кычаньяс, ышмöмаось том йöз и пöрысь поньяс (В. Юхнин); 3. Асья шондикöд ывлаö пета, черөн тотшкөдны татөн и сэн (В. Напалков); 4. Тöлыся югыд вой. Лöнь. Йöз быдөн узьöны (В. Чисталев); 5. Тэ эн бөрддзы, эн тэ повзьи, Корсь тэ ассьыд олöм пуд (Н. Фролов); 6. Елесь ордысь став йöзыс нин муналисны (И. Сажин); 7. Кузьма! Кöни Кузьмаыс?.. – горöдис Конö (В. Юхнин); 8. Поньяс увтöны – ур локтöма. Ой, уна ур! Ой, бур најöтка лоö (В. Юхнин); 9. Мый нö кыан? – ачыс сэсся шыасис Васька, кор кост лолі телевизорас (Г. Юшков); 10. Тулыснас, лым сылöм бöрас, жаляддзатöг и гöрисны ад гум көдзасö сикт водзсьыс, нöрыс вывсьыс, анькытш сора зöр сэтчö көдзисны (Г. Юшков); 11. – Уджалан на? – юалис Васька (Г. Юшков); 12. Степан прамöякодь думыштчис (В. Юхнин); 13. Öдюк адззыліс шоча овлысь дзоридзлысь вощьöмсö (В. Юхнин); 14. Дживгö пыжа лöнь ва ньылыд (В. Лыткин); 15. Видзöдлі няйтöсь паськöма ёртьяс вылö да яндзимкодь лоис (В. Безносиков); 16. Дыр сэсся эз сёрнитны, кывзисны тöвлысь шутьялöмсö (Г. Федоров); 17. Марпа век пöттшуйтис. Майбыр, сылөн эм мыйөн гöститöдны. Йöвсö кымын недель чöж пань эз паньыштлыны – вый заптисны. (...) Гöстяс сёйисны да шензисны (В. Юхнин); 18. Мунöй гортö, а ми вотчыштам на мамыдкөд (Г. Юшков).

5 удж. Гөгөрвоёдöй юалана сёрникузясыслысь функцияссö.

1. Гортад, сідзкө, локтан! Бур тайö, бур!..Чöвлы, абу-ö тэ Матрослөн пиыс? (Г. Федоров); 2. Аски öд воам жö тэнад вөр керкаöдзыд? – Воам. Нинöм кө оз ло (А. Попов); 3. Кынмöмсö, тшыглунсö Коді эз пык? Адззылім көдзыдлун, Тöдлім и шог (В. Лыткин); 4. – А мый эськö сы дыра эн волы? – Эз нö лёкав? Керкасьыд көть он пет вöлі (Г. Юшков); 5. А дзоридзьяссö кодлы сета? Учительницалы, да? (Н. Куратова); 6. Көн бара ветлöны сьölöмшөр пиянöй-а? (В. Чисталев); 7. Мый нö кыйдöссö вайин эн? Ёна-ö таво тар-дозмöрыс лэбалö?

(Г. Федоров); 8. – Кор нө лэбзям? – юала. – Аски квайт часын асывводз-нас. Эн сёрмы. – Но, сё мокльонсё, сёрма? Ог жё нин бара-й сёрмы сэтчөтө! (В. Савин); 9. Ёна сійө местаясас лёк дукөн пуркйө. Йөз сёрни серти, сійө пö нефтьыс и эм. Висьтавны кө, ветлыны да, Уква йывса нефть корсьысыяслы сійө местаяс йывсьыс? (Б. Шахов); 10. Анна! Аски ми войпукнад Тима Йөвгиньясö вöзйысьлам. Чукöртчам да лэдзлас. Ветлам вед? (Б. Шахов); 11. – Со öдзöсыс! – индiс Ревеккалы. – А кага он лысьт вöрзöдны. Асьным быдтам. – Коля тiянлы?! – эльтыштiс Ревекка. – Кутшöма на колян! – он кө öд сетöй, ме и судöн перья (Г. Юшков); 12. Кодi эз тöдлыв Егорöс! Быд лунся «гöсть» пароход вылын (В. Чисталев); 13. – Тайöс нö ачyd гижин? – Юасян! (В. Безносиков); 14. – Мамö...Меным лöз сатин дöрöмтö он сетлы? Ыджыд мамьясö пасьтавла, – юалис Педьö мамыслысь. – Босьтлы (Б. Шахов).

6 удж. Сетöм сёрникузяясыс торйöдöй кадакывьяссö да юклöй найöс асиöр да абу асиöрьяс вылö. Асиöрьясыс торйöдöй акциональнöй да абу акциональнöй кадакывьяс, а абу асиöрьясыс – фазиснöй да модальнöй кадакывьяс.

1. Шондi медбöрья зарни сi кыö, Рытыв вöнялис гöрд рöма шöвк (Н. Фролов); 2. Ми пемыдын олiм, Ми нэм чöж пыр полiм И шог бöрын виччысьлим шог (Н. Фролов); 3. Педьö пукалис (пыж) бöжас да гежöдика сöмын пелыснас тельскнитлис – пыж нырсö коланаланьö веськöдлис (Б. Шахов); 4. Ветлысь-мунысь вердöм кузя пö дас во няня лоан, дас во тшыглун он тöдлы (Б. Шахов); 5. Мортыд некыдзи эз көсйы эскины лёк юöрыслы, но вед битöг пö тшын оз овлы (В. Безносиков); 6. А водзö кежлö көсйö пырны велöдчыны рабфакö (И. Торопов); 7. Пыжысь лэпталiсны көлуйнысö джуджыдкодь берег рöч йылö (И. Торопов); 8. Лöнь. Войнас, тöдöмысь, сзэь жö лоö (И. Торопов); 9. Но мортыд повзискодь (В. Безносиков); 10. ...букыдкодь луныс кутiс кажитчыны мичаөн (В. Безносиков); 11. Педьö вöрсьыс петöм бöрын вежон на шойччис гортас (Б. Шахов); 12. Мамö, эн бöрд, абу на Изьядорыд Питер (Б. Шахов); 13. Радейтöны кө – мед шудаөн лоасны да нэм чöжныс нимкодясясны (Б. Шахов); 14. Пöшти тöлысь джын ая-пия черөн камгисны-тшуписны, а нывбабаяс сэк костi, кылö, вартан чепьяснаныс лöсьыда рынышын косьтöм кольтаяссö шняпкöдiсны: тiп-топ-тап (Б. Шахов); 15. Тэ вед, дитюк, зэв небыд сьölöма вöлин...А öнi чорзöмыд (Б. Шахов); 16. Татшöм сёрнияс бöрас Микит дзикöдз дзугыльмылö (И. Торопов); 17. Сiйö вöли зумыш (И. Торопов); 18. Ми дзоргам-видзöдам войся

пемыдас (И. Торопов); 19. Неылысь и пөрөдіс кык конда, шөрипель найос кералис да ваялис би дорас (Б. Шахов).

7 удж. Сетом сёрникузясыс торйөддөй функция сертиыс чуксалана серникузяссө да гөгөрвөддөй тишөктөм-чуксалом петкөдланногыяссө.

1. Бур ним-славатө куж видзны (Шусьөг); 2. – Но, Воронко, гортө! (С. Тимушев); 3. – Эновт сійос, Кирило, мед мунө, кытчө мөдөдчөма (С. Тимушев); 4. Мунам, мунам, менам мусукөй... сьөлөм косьтысьөй (Н. Попов); 5. Кызродев, мунам (Н. Попов); 6. Петав, петав, югыд шонді, Кымөр улысь петав! Измөм сьөлөм йөзлысь шонты, Гажсө разөд, сетав (В. Лыткин); 7. – Ставлы шойччыны! (Б. Шахов); 8. Ноко, другьяс, затор мездыны!...Зіля, зіля!.. (В. Безносиков); 9. – Ноко, зоньяс, бара босьтчыллам! – яра сатшкыси багырөн кыз кырся пожөмө (В. Безносиков); 10. – Дора, тат-чө-ө! – киясөс вом дорө вайөдөмөн воча чукөсті ме (В. Безносиков); 11. – Водзлань, сватя, водзлань! Эн дивит (В. Чисталев); 12. – Танцуйтыштам? – юалис Оля (И. Изьуров); 13. Вай водаламөй сэсса, аски мианлы колө водз чеччыны (Б. Шахов); 14. Ывла вылын дзурс пемыд на вөлі. Керка пытшкын көть синтө перйы жө. Шом сьөд гөгөр (Е. Афанасьев); 15. – Вай өні, дитя, самөвар пуктам да пөсь тшай юам (Е. Афанасьев); 16. Көн нө тані шойччан керкаыс? Тэ, бур мортыс, он висьтав? – юалис сэсса. – Эстөн, муныштан да (Г. Юшков); 17. Пыралам, пукыштам, он кө тэрмась (Г. Юшков); 18. Ставөн пызан сайө, ёртьяс! (Н. Дьяконов); 19. Ныланө, эн шогсы, ва гудыртчылө да бөр сөдзө, – сьөлөмсяньыс шуис пөрысь морт (В. Куратов); 20. Зоньяс, узыштам! (В. Безносиков).

8 удж. Гөгөрвөддөй тишөктана наклонениеа кадакывьясылысь функцияссө; төдчөддөй, кор найө петкөдлөны сёрнитысылысь тишөктөм, корөм, а кор – модальной вежөртасьяс (пасйөй, кутшөм модальной вежөртас кутөны).

1. Кывзы мамтө, Мыччыв сямтө, Менам муса ныв (И. Куратов); 2. Югыд шонді! Долөд, шонды Став енвевт увсө! (И. Куратов); 3. Көть кыз синваөн бөрддзы Öнөпрей Гришлы. Йирөмөн йирөны думьясыс (А. Попов); 4. Шонтысь, пуксы лючки да, – довкнитіс юрнас Сюдө (Г. Юшков); 5. Пыдөстөм пельсаө ватө көть век катлы (Шусьөг); 6. Пуксы-шойччы, Лизавета Павловна (Б. Шахов); 7. Мун, лөк во, мун! (И. Куратов); 8. И друг лои сэтшөм кокни, көть лэбзы (А. Попов);

9. Мунігад кок пыдöснад мусö эн шонты (Шусьöг); 10. Дзирдав жö, Коми му, коляоз дзоридзöн, Сьöлаоз синьясöн, гöрд лежнöг цветьясöн! Быдмы жö, парма шöр коз (В. Лыткин); 11. Шапкатö пöрччы, православнöй кө (С. Тимушев); 12. Йöз невзгода вылö эн радлы: шогыд мышку саяд (Шусьöг); 13. Йöз олöм вылö эн вежав (Шусьöг); 14. Видзöдлы, видзöдлы, мамö, ывлаыс кутшöми гажа! (В. Лыткин); 15. Öмидз вир нывьясöй, лун морöс аньясöй, Чöдлачтö вотигöн, сьöлаоз öктигöн (...) Шойччыштöй, мусаяс, тан! (В. Лыткин); 16. Сьылöй, сьылöй, мича нывьяс, Сьöлöмнаныд сьылöй! (В. Лыткин); 17. Уджыс эськö Педöсьлөн эндыны нин пондöма, да мый нö керан, быть öд мун, рушкутö тувйö он öшöд (И. Пыстин).

9 удж. Гöгöрвоöдöй кывподлысь синтаксической функцияссö.

1. Анна чойыс карысь воис сэки отпускалыштны, мамсö да воксö гажöдыштны (Е. Афанасьев); 2. Но тöднысö окотитöмыс, буракö, велöдис сийöс, пуксис меным паныд улöс вылö, чурснитöс ичöтика кофесö, бара сувтöдис ме вылö синьяссö, – говори пö (Н. Куратова); 3. Восьтны эськö öшиньсö да унджык лэдзны войся ыркыдсö, сэки, гашкö, и унмвоссиджык. Но лысьтан öмöй? Öти здукöн шöтас-пырас номйыс (И. Торопов); 4. Чери кыйны колö тыв, Кыйны ошкöс колö ёнлун (Н. Фролов); 5. Кыдз расьяс заводитöны нин вижöдны (И. Коданев); 6. Сёйны öд абу рыныш вартны (Шусьöг); 7. Көрьясöс нитш корсьны оз велöдны (Шусьöг); 8. Делегаткалөн медыджыд могыс – дорйыны уджалысь нывбабалысь правояссö (Г. Федоров); 9. – Менам эм дум лöсьöдны ясли, – гарыштіс Валентина Ивановна (Г. Федоров); 10. Мый вöчны? Петны корсьны вöрысь Петраöс али мый? Гашкö, ачыс на локтас да? (Г. Федоров); 11. Кутшöм яра сьöлöм йöктö, Вирöй ворсö, овны тшöктö! (В. Лыткин); 12. Сёрнитны сяммö, а уджалигöн раммö (Шусьöг); 13. Гашкö, отсыштны тэныд, батьö? (В. Юхнин); 14. И сэки кыкнанныслы юрас воис мöвп бара аддзысьлыны (И. Белых); 15. Йöз киён лöсьыд зölöта куравны (Шусьöг); 16. Велöдны лым улысь пув вотны (Шусьöг); 17. Мог – регыджык кадөн воськовтны важ порог вомöн выль туй вылас (В. Савин).

10 удж. Гöгöрвоöдöй кывпода сёрникузясыслысь модальной вежöртасьяссö, висьталöй модальность петкöдланногьяссö.

1. Нюжöдчыны эськö вольпасьö, ыркыд шебрас улö юртö суйны, ланьтöдчывны асылöдзыс (А. Ульянов); 2. Мунны вөр дiöдз! – вундiс

ассыс мөвпьяссө Рочев (И. Пыстин); 3. Местаысь не бөрыньтчыны! (И. Пыстин); 4. Мый вөчны, кодос кывзыны (Г. Федоров); 5. Куранос эг босыт. Гортөдз али мый котөртлыны? Ог, велөдча ытшкыныс (В. Безносиков); 6. Гашкө, отсыштны тэныд, батьө? (В. Юхнин); 7. Тані эськө нэм помөдз и овны (А. Ульянов); 8. Лок аслад сиктө, он ворссы. Тэныд и стрөитны выль Веждінтө (И. Изьюров); 9. Вот эськө айыслысь ош паса ньөввужсө кө аддзыны! (В. Тимин); 10. – Но-о, сэсся, инө, тэныд кольө сөмын биомассаад и пөрны! – серөкті ме. Сійө – тшөтш серавны (Н. Куратова); 11. – Он-ө нин корасыны мөдөдчы? – Корасыны? – шыасис батыс (И. Изьюров); 12. Төлысь бөрын, вежа лунө – Верос сайө мунны мем. Но мен не сы сайө мунны, – Мустөм сайө сетөны... (В. Чисталев); 13. – Меным водз чеччыны, Проня. Мун да шойччы (Г. Федоров); 14. Йөз киөн биа өгыр куравны (Шусьөг); 15. – Именинник овны да вывны! – сьөлөмянь сиис Елен тьөт (В. Безносиков); 16. Не гөгөрвоны сьөд мужиклы еджыд чужөмлысь вежласьөмсө (И. Осипов); 17. – Зуркыд тарантас бөрад меным эськө сөйыштны да водны өні (Г. Федоров); 18. Би пыр и ва пыр мунны (Шусьөг).

11 удж. Кывпода сёрникузяссө торйөддөй налөн сикасьяс сертийс юөртанаяс, чуксаланаяс, юаланаяс вылө.

1. Сійө эз төд, мый водзө вөчны. Сразу петны да гортас мунны? (Б. Шахов); 2. – Местаысь не бөрыньтчыны! (И. Пыстин); 3. – Ставлы шойччыны! (Б. Шахов); 4. Миколлы сійөс не суөдны (П. Доронин); 5. – Пуксьыштлыны эськө кытчөкө (Н. Куратова); 6. – Регыд нин лун шөр. Зіля уджавны! (Г. Федоров); 7. Шырлы канькөд не венласыны (Шусьөг); 8. Бара өмөй өтнамы мунны турунысла? (Е. Рочев); 9. – Öні тэныд комсомолө ешө эськө пырны! И ставыс лоө бур! (Г. Федоров); 10. Гут бөрысь нөшкөн вөтлысьны (Шусьөг); 11. Морысь паса йөрш корсыны (Шусьөг); 12. Ва вылын би пестыны (Шусьөг); 13. – Пароход вылө не лэччыны! Öтвыв сулавны (Г. Федоров); 14. Мый вөчны? Кыдзи водзө уджавны? (И. Изьюров); 15. – Степан Осипович! Матрос локтис. Вөзйысьө. Мый вөчны? Мый жө водзө вөчны? Гашкө, пачө шыбитны сьездыслысь протоколяссө? Мырддявны муяс важ көзьяевалысь? Олөмсө бергөдны мөдаргуг, кыдзи требуйтө центральной власть? Мый вөчны? Кодос кывзыны? (Г. Федоров); 16. – Мырддыны медальсө! Асьсө дорны колодкаө (С. Тимушев); 17. Но кодос мөдөдны Усть-Сысольскө? Колө морт, коді эськө кутис өбида Габө вылө (С. Тимушев);

18. Йёз берегысь чери кыйны (Шусьёг); 19. Тани эськё нэм помодзыд и овны (В. Лодыгин).

12 удж. Сетём сёрникузяясысь тёдчөдöй модальность вежёртасьяссö да гөгөрвоёдöй, кызди петкөдлөма найёс (модальность вежёртасьяссö).

1. Кыйтём тар куштыны оз ков (Шусьёг); 2. Меным узьны пийö оз сет. Нель часьянь садьмас. Он кöсйы да быть чеччы (Н. Попов); 3. Премия сетны...Кöсьталы! Мыйла не сетны премия? (Н. Попов); 4. Бара öмöй öтнамлы мунны турунысла? (Е. Рочев); 5. Да мыйкö тай пыр Со мотрыдлы колö (В. Чисталев); 6. Кызди воктöгыд гөрны-көдзнытö, пестурунтö кыскавны?! (Б. Шахов); 7. Пуксьыштлыны эськö кытчöкö (Н. Куратова); 8. Артиставны тэ, Урсюзев, и збыльысь мастер, а сямманö миянкөд уджавныс? (В. Безносиков); 9. Быть ов кызкö водзö да курыд синватö чышкав (Е. Афанасьев); 10. – Кызкö тай олам. Бригадирас тай пуктисны да... – Кодлыкö öд пуксьыны, – такöдыштіс Конö Семö (Г. Юшков); 11. Уйкнитіс гортысь (...) Вот öні ме тани вийсы куим шпананас. Со, оз кывзысьны...(Н. Куратова); 12. – Уджавны! Мый сэсса, кутшöм велөдöм колö? – вочавидзис батьö. – Му-видзтö öд он эновт (Г. Юшков); 13. Катька сёлөмнас кылö: зонмыс ськөд дурö – тöдмасыны окотитö (В. Безносиков); 14. Мортыд некыз эз кöсйы эскыны лёк юöрыслы, но вед битөг пö тшын оз овлы (В. Безносиков); 15. Ёртöй, видзöда, кутчысьöма нин ноп волысас, дась пөрччыны. Виччысьö, мый ме шуа (Г. Юшков); 16. Тöрыт колі локны. Эськö баянөн паныд волісны (Г. Юшков); 17. – Вай шу öні, катны али кывтны меным? – Кывтлам, – шуис Нина (Г. Юшков); 18. Ми локтім бөрья теплоходнас нин. Уджалігад кысь водзджыксö. Аттьö – кöть бөрья вылас вевъялім (Г. Юшков).

13 удж. Сетём сёникузяясысь аддзöй кывбердыас да гөгөрвоёдöй налысь синтаксической функциясö.

1. Уджалан кийд чорыд (Шусьёг); 2. Пяна ошкыд, шуöны, вывті скөр овлö (В. Юхнин); 3. Еджыдик эшкынөн, пукöвöй вольпасьөн Кынмөм му вевттысис (В. Лыткин); 4. Кокныда лолалö парма, Варовöсь лоины юяс, Нюмъялö керөсдор вөлөсть (В. Лыткин); 5. Босьт öти налим, ыджыдсö эсйöс. Юкватö бурöс вöчас (Г. Юшков); 6. Пемдандорыс нин петіс Ревекка аслас тöрытъя лампа туй вылö (Г. Юшков);

7. Му вылын ӧтнам ме бара... Оз узьсы... Юр вемӧй гудыр и съӧд...(В. Лыткин); 8. – А тэ нӧ мый, абу татчӧс? – довкнитис сылы Ревекка (Г. Юшков); 9. Бӧръя зорӧд коли кылӧдны Ленва катыдсьыс, Ардальонлы уси сыла ветлынысӧ, и ньӧти дӧзмытӧг петис сийӧ асья ывлаӧ, нопя да чера (Г. Юшков); 10. Зиль мортлы сюрис зиль гӧтыр (В. Юхнин); 11. Асья биасигъяс кежлӧ бӧр лоа гортын (В. Юхнин); 12. Небыд пуксис рытыс, пемыд-руд енэжа (Г. Юшков); 13. Сэсся пуксьӧдӧмаӧсь да вердӧмаӧсь пӧттӧдзыс, кампета тшайӧн юктӧдӧмаӧсь, кык галет пачка сетӧмаӧсь (Г. Юшков); 14. Асланьыс некод абу йӧй (Шусьӧг); 15. Вылысыс мича да пытшкӧсыс мисьтӧм (Шусьӧг); 16. Смел йӧз дӧнын кӧ быдман, и ачид смел лоан (Шусьӧг); 17. Гӧгӧрын паськыдӧсь куйлӧны муяс. Розъялӧ ид да сю. Гожся жар сотӧ (В. Лыткин); 18. Кильчӧ вылӧ петавлывлӧ мича-мича ныв (В. Лыткин).

14 удж. Мӧвныштӧй да висьталӧй, сетӧм шусьӧгъясас да кывйӧзъясас определениеясыс быть коланаӧсь али абу быть коланаӧсь, позьӧ-ӧ тырвийӧ восьтны висьталан могъяссӧ определениеястӧгыс?

1. Тувсов войыд кӧч бӧж кузя; 2. Кӧка войяс дженьыдӧсь да югыдӧсь; 3. Дзуртан пу нэмсӧ дзуртӧ, а няргысь морт нэмсӧ няргӧ; 4. Дыш морт мудзтӧ оз тӧд; 5. Кос кыддзысь зарава оз вияв; 6. Пыдӧстӧм пельсаӧ ватӧ кӧть век катлы; 7. Шӧрттӧм дӧра панны; 8. Омӧль кӧйдыссьыд – омӧль и быдтас; 9. Босьтан кийд кузь, сетан кийд дженьыд; 10. Кортӧм гӧстыд, шуӧны, синтӧм гут кодъ жӧ; 11. Бур кылыд лытӧ-сьӧмтӧ бурдӧдас, а лӧк кывтӧ и нэмтӧ он вунӧд; 12. Медбӧръя кывтӧ медводз эн шу; 13. Няня мутӧ эн эновт; 14. Лӧк кӧзьяйкалӧн пачыс няньсӧ виӧ; 15. Бӧрдтӧм кага оз овлы; 16. Бур вевт улын сись керка сулалас; 17. Кос синванад эн бӧрд; 18. Скуп мортлысь весиг ӧшинь увсьыс ӧгсӧ он босыт; 19. Скуп мортлысь корӧмыд сизь кокысь вый пычкӧм кодъ; 20. Омӧль кайыдлӧн омӧль и сыланкывйыс; 21. Винӧв пу он веськӧд, лӧк мортӧс он велӧд; 22. Гудыр тыысь сӧстӧм ва оз визувт.

15 удж. Сетӧм сӧрникузяссьыс гӧгӧрвоӧдӧй соссьӧм петкӧдланогсӧ.

1. Олӧмыд тай абу мойд (Шусьӧг); 2. Олӧмыдлӧн пыдӧсыс оз тыдав (Шусьӧг); 3. Унджыксӧ Бикмедов эз и кӧсйы тӧдны (В. Юхнин); 4. Ӧнӧ

Вась лои уджалысьтөм и вөвтөм (В. Чисталев); 5. Гыма зэрыд оз дыр зэр (Шусьөг); 6. Ошйысьөмнад костө он мудзты (Шусьөг); 7. Сёйнытө өд абу рыныш вартны (Шусьөг); 8. Юртөг олигад кокыдлы сьөкыд (Шусьөг); 9. Но Маша помнитө Зоновлысь наказ – не больгыны кадысь водзджык (Г. Федоров); 10. Тшынтө он потш (Шусьөг); 11. Гудыр ваад чери абу (Шусьөг); 12. Сөмын бөрынджык Илья вежөртө, мый керкаын, вөлөмкө, зэв пөсь, дзескыд да ёна курөдө синъястө сартаса би тшынысь. Но тайө өмөй мешайтас гудөкасьны? (В. Юхнин); 13. Ми вокыд нө кутшөм ныв: керка ни карта, ыж ни пыж... Весиг тесть-тьөшаыд тэнад оз ло (В. Юхнин); 14. – Вернө шуан. Вынтөг меным овны оз позь (В. Юхнин); 15. – Меным регыд ковмас мөдөдчыны карө, а платтьөй лои вуртөм на (В. Юхнин); 16. – Оз на мунны? – Мунасны, виччысь! Кодкөлун на кер мында труба налы вайисны. Но, вай ректы, нопсө ог коль (Г. Юшков); 17. – Ньоти вөлөгатөмөсь, – вежавидзана шуис сэсся (Г. Юшков); 18. – Но и паляур, сідзкө. Шог ни яндзим! Эн и гөгөрво, коньөр. – Мыйла эг гөгөрво? Паляурыд поз аслыс оз вөчлы, воттө оз мынтывлы: ме пө абу лэбалысь ни абу котралысь (Г. Юшков); 19. Öтка пуыд – абу рас (Шусьөг); 20. Сөвесьтыд пиньтөм, а йирө (Шусьөг); 21. Месө абу жө мыжа (Г. Юшков); 22. Ывлатө он ломты (Шусьөг); 23. Тувсов туй абу туй (Шусьөг); 24. Вомыд каличтөм, кывйыд лытөм (Шусьөг).

16 удж. Гөгөрвоөдөй сетөм шусьөгъясылысь да кывйөзъясылысь модальнөй вежөртасьяссө, төдчөдөй модальность петкөдланногьяссө.

1. Кужин мыж вөчны, куж и кывкутны; 2. Кор мортыд уджавны верман, сэк жө эськө овныд да; 3. Бөрөн овны оз позь; 4. Кужан йөктыны – куж и уджавны; 5. Лёк вылө оз ков велөдны, омөль вылө оз ков сетчыны; 6. Куш кинад лежнөгтө он босыт; 7. Паччөрысь вөтлыны он вермы; 8. Быдтор дорө колө велөдчыны; 9. Йөз сьылі вылын эн велөдчы иславны; 10. Йөзлы сёрнитны быдтор позьө, вомнысө он көртав; 11. Йөз невзгода вылө эн радлы: шогыд мышку саяд; 12. Неудачатө куим удачаөн он вуштышт; 13. Кывтө шутөдз думыштылыны колө; 14. Шогмытөмтө кывзыны оз шогмы; 15. Быд кыв дозйө оз позь пуктыны; 16. Мирыдлысь синтө он тупкы; 17. Вомтө он вур; 18. Бур славатө куж видзны.

17 удж. Сетом сёрникузяясыыс торйөддөй сэтшөмьясөс, кодьясын эм субъективнөй модальность. Гөгөрвөддөй, кыдзи петкөдлөма субъективнөй модальностьсө.

1. Ме тай шуа... Слабог, он омөля уджалөй, ачым аддза (И. Изьюров); 2. – Зинө, сө лешак, мыйысь нө китшкан-сералан? (В. Безносиков); 3. Залын лои шыч ни рач (В. Безносиков); 4. Шыч ни рач Ёридз ю отарас и мөдарас (В. Тимин); 5. А тайө здукас Чипан Мишлы сө майбыр! Сьөлөм вылас ок долыд лои (А. Ульянов); 6. Кор мортыд уджавныд верман, сэк жө эськө овныд да (Шусьөг); 7. Көсья ме сьыланкыв тэчны, Асья шондi югөрсьыс мичаөс, Тувсов шоныд лун төвсьыс небыдөс... (В. Лыткин); 8. Öти йөз шывьялө-олө, Пөсь кисьтө мукөд... (В. Лыткин); 9. – Но-о! Парасьлөн нин татшөм зон быдмөма (Е. Афанасьев); 10. Сө ей бог, Ячеслав, ог пөрьясь (В. Напалков); 11. Бөрөн овны оз позь (Шусьөг); 12. Мича дзодзөг, зарни дзодзөг, Кытчө нө тэ лэбзян? Гашкө, тэныд танi гажтөм? Көдзыдысь тэ дзебсян? Гашкө, кодкө татысь вөтлө Аслад гажа муад? (В. Лыткин); 13. Зэр пыр өддзис и өддзис, быттьө нарошнө көсийс кусөдны менсьым биөс (И. Белых); 14. – Кутшөм гөстьөс виччысян? – Зятьпуөс! – долыдпырысь вочавидзис Анфиса. – Но! – артмис Турьевалөн. – Зятьпуяс нин миян вөлөмаөсь! Код нө сэтшөмысь? (И. Изьюров); 15. – Гуляйт!.. Концертась... Ыркөдчы. Му-дзин, көнкө, управляющөй пыддиыд уджалигөн? (В. Безносиков); 16. Ичөт пыжөн Эжва шөрын Чери кыйысь вуджө. Пелыс тэрыба зэв вөрө, Лоптаасьныс кужө (В. Лыткин); 17. Ар кө нин воис-а? Шуштөм (В. Лыткин); 18. Сьылөй, зоньяс, нывьяс, Гажа сьыланкывьяс (В. Лыткин); 19. ...Шуи аслым ичөтик пыжтор лөсьөдны (И. Белых).

18 удж. Гөгөрвөддөй модальнөй вежөртасьяссө да налысь петкөдланногьяссө.

1. Карад каян да войтө узыны быть кытчөкө пыр (Г. Юшков); 2. Кертө тшупны мед эськө ульвивсьыс. Кокныыда и босьтө сийө черыд, да сэтшөм ногөн и сөтыштан, ёна-ө пөлөсөн да пыдө-ө колө (Г. Юшков); 3. Ме дась лэбзыны тэкөд төлысь вылөдз! (В. Напалков); 4. Да, уджавнытө миянлы ковмылис ичөтсянь (Ю. Васютов); 5. Öтнаслы нин лоө эштөдны тшупсянсө (Г. Юшков); 6. А прөша кывсө быть тэныд колө корны (Н. Белых); 7. Позьө тэнсьыд өтитор юавны? (Н. Белых); 8. Илья эз куж пөрьясьны (В. Юхнин); 9. Уралө дасьтысисны мунны пөчинөкса Мирон, Чугун Öльөш Митрей, Проня Петра кык вок (В. Юх-

нин); 10. – Тэныд кад чеччыны, жөник. Конда песла колө ветлыны, кытчөдз эз на ёна удит тыртны (В. Юхнин); 11. Ме дась нин скөрмыны ыджыд чой вылө (Н. Куратова); 12. Кыдзи нө тэ решитін татшөм пөраас миянөс эновтны? (Е. Рочев); 13. Кыйтөм тар куштыны оз ков (Шусьөг); 14. Тувсов йитө кутны он вермы, ачыс кылалас (Шусьөг); 15. Бур ним-славатө куж видзны (Шусьөг); 16. Водзө, Ёгор, тадзи овны оз позь (М. Торлопов); 17. Кузь нэмтө быд ногыс лоө овны (Шусьөг); 18. Сёрнитны сяммө, а уджалігөн раммө (Шусьөг); 19. Шогмытөмтө кывзыны оз шогмы (Шусьөг); 20. Кужысьөс оз ков велөдны (Шусьөг); 21. Вишкун Ласейөс йөзөн омөльтөм йылысь Денис, дерт, висьтавыны сватыслы эз лысьт (В. Юхнин); 22. Йөз эз вермыны кутчысьны гораа серөктөмысь (В. Юхнин); 23. Öтнадлы позьө вый пиын туплясьны (Шусьөг); 24. Бөрөн овны оз позь (Шусьөг).

19 удж. Сетөм высказываниеяссьыс гөгөрвоөддөй кывторьясылысь функцияяссө.

1. – Тэ ёна вежсьөмыд. Ылісянь кө он и төд. – Ньөти бара эг вежсьы. – Абу тай (Г. Юшков); 2. Здрөгнитіс мортыд, бөрвыв сетчыліс, йөнгыля бедьсө кыпөдліс да тамыштліс съөд синьяссө: – Кысь нө татшөмыс? (В. Безносиков); 3. Пыралам жө керкаас, пыралам вай, пыралам! Ме вед гижысьястө во-от тадзи радейта! (В. Безносиков); 4. Көд-залас вед чайыд, – пөчөыс зэв зіля тшөктө да пуксьыны лои (В. Безносиков); 5. Ме абу скуп морт. Тэ кө меным – и ме тэныд (Н. Белых); 6. – Öльөш, лок, лок, пырав. – Но инөсь (Н. Белых); 7. – Но, лун шөрысь кө петөма-а?..А Ваньконым век на көнкө шувьялө (В. Безносиков); 8. Водз на пөрысьтан асьтө (Г. Юшков); 9. Иван, мунан туйыд өд паськыд, а локтаныд векныд. Оз жө ков эськө тадзи да...Көні пө тай ми абуөсь, сэні пө и лөсьыд (Н. Белых); 10. Кукуруза инөсь кутам вөдитны (В. Безносиков); 11. – Лёша, тэ тай мөд грездө ветлывлан. Öтдортчан миянысь?..Тшашмин..., – шуис Роза (В. Безносиков); 12. А өні асыввыв енэжыс пемыдруд на, кымөра (Г. Юшков); 13. – Москаөсь и? – А кыдзи нө? – чуймис пөчөыс, өвсьыліс весиг вурунсө чарсьөмысь (...) – Сиктын олам да!..Öні кө вед мөстө помалан – корысьө воан (В. Безносиков); 14. Та мында нянь миян не чукөртны! (Г. Федоров); 15. Ме радейта жө вөравнытө (В. Безносиков); 16. Чөскыд да пөтөса вөлөганад олігөн челядным скомө кодьөсь вөліны. Айка тай нимкодьясьліс-а (В. Безносиков).

**20 удж. Лёсьööдöй шыööдчöмъяса сёрникузяяс. Шыööдчöмъяс пьд-
диыс босьтöй сетöм кывъяссö да кывтэчасьяссö; гөгөрвоööдöй
шыööдчöмъясылысь коммуникативнöй функцияяссö.**

Зарни морт, мича акань, мамук, пи, нылук, вокöй, гулю пара, вежапиöй, дона пи, муса ныв, бобöяс, мам, бобув, сё зарни, бабуш, дитя, полöкала, кык друг, вежань, гөлубушка, папаша, мортанöй, шöвктуг, эня-ныла, мисьтöм чужöм, дона ёрт, монюшкоöй, юр янöдысьöй, мамуля, гуга-бана шаньгаöй, гыньюр, ёртъяс, спортсмен, муса пи, том морт, йöюкöй, сьölöмшөрöй, кын кок, югьд шондiöй менам, сё батюшко, мада нылö, му-дерпоз, рочаканьяс, югьд лунöй, гулюкöй, зарни бобулöй менам.

**21 удж. Сетöм сёрникузяясыыс торйööдöй шыööдчöмъяссö да
тöдчöдöй налысь коммуникативнöй функцияяссö.**

1. – Видзöд, батьö, шондiыс кутшöм веськыд да югьд туй керыштöма аслыс! (И. Торопов); 2. – Ме вед, энька, ог жö кияс кресталöмөн öшинь водзын пукав (Б. Шахов); 3. – Эн сёрмöдчы, сё зölöта! (Г. Федоров); 4. – Ме öд öни, зонмö, Понпуш грездын нин трайга-ола-нöкйын-выйын тупляся (В. Безносиков); 5. – Мадаöй, сэни кöдзыдыс лёка личкö: Шоныдыс этша (И. Торопов); 6. – Бур, бур, мусаöй менам... Чöv ола, гулюкöй менам, зарни бобулöй менам (Н. Дьяконов); 7. – Муса бать-мамöй, мый тi танi вöчанныд? (Н. Дьяконов); 8. – Воканö, тайö тэ? (В. Куратов); 9. – Чассьöйд, зонмö, тэнад вölöма на, абу кöть асьтö нырыштöма керйыс (В. Куратов); 10. – Сёйöй, бобöяс, да миянöс омöльöн энö казътылöй (В. Безносиков); 11. – Прöщевайтлы, мися, ино, красавича! (В. Безносиков); 12. – Босьтасьöй, босьтасьöй, рочаканьяс (Г. Федоров); 13. – Сёй, сьölöмшөр дитяöй, ёна сёй! Тэ öд тшыгъялин подöнтö локтiгад! (Г. Федоров); 14. – Дзик жö на тэ кычи вежöра. Сьökыд öд, дитяöй, заводад уджавнытö (В. Савин); 15. – Дона морт, висьтав, кöни миян керкаыс? Воши вед... (В. Куратов); 16. – Тэ, нö, дитя, көн уджалан Лöгиньягас? (В. Напалков); 17. – Ой-ой, жальö, жальö, усин öмöй? Нөрöвитлы, мадаö, отсышта (Н. Куратова); 18. – Зоньяс, узыштам! (В. Безносиков); 19. – Но, зон, дивö тай (В. Безносиков).

**22 удж. Сетöм сёрникузяясыыс торйööдöй шыööдчöмъяссö,
гөгөрвоööдöй налысь коммуникативнöй функцияяссö.**

1. – Ме вед, энька, ог жö кияс кресталöмөн öшинь водзын пукав (Б. Шахов); 2. – Мед жö эськö, донаöй, тэнад вомсянь да ен пельöдз! (Г. Федоров); 3. – Ас муыд, зонмö, рöднöй мам кодъыд, и некод тэнö оз

дивит, воин кӧ гортад (В. Безносиков); 4. – Ланьт, шоныд нямӧд! Челядӧс ачым чужті, кыдзи кужа, сідзи и велӧда (В. Безносиков); 5. – Лок, пыр, Пашук, аслад керкаӧ! Ло жӧ бур кӧзяинӧн, муса пи! Мед жӧ тэныд мойвиас ыджыдсьыс-ыджыд шуд! (Г. Федоров); 6. – Пӧрччы туй паськӧмтӧ, мыссьы, сӧ зӧлӧта пи, а ме мыйкӧ сӧйны чукӧрта (Г. Федоров); 7. – Ме ӧд ӧні, зонмӧ, Понпуш грездын нин трайга-ола-нӧкйын-выйын тупляся (В. Безносиков); 8. – Ланьтыштлы, комсорг ӧрт (Н. Дьяконов); 9. – Тэ нӧ, дитя, кӧн уджалан Лӧгиньягас? (В. Напалков); 10. – Прӧстит, сӧ батюшко. Ме эг лысьт висьтавыны сы (письмӧ) йылысь, мед эськӧ, мися, Гришуклы омӧль оз жӧ ло. Позьӧ кӧ, косяв, сӧ батюшко, сійӧ гижӧдсӧ (В. Савин); 11. – Нолтӧ, вайлы татчӧ кабалатортӧ. Он на нылышт, зырымбедь, виньдан (В. Савин); 12. – Бурдан, мада нылӧ, – сьӧлӧм сетіс тьӧтӧйд (Н. Куратова); 13. – Батюшка Степан Осипович, став православнӧй йӧз нимсянь кора, эн сӧсся петитчӧй! Криста ради, энӧ петитчӧй! энӧ кольӧй миянӧс... (Н. Дьяконов); 14. – Мый, мися лоис, зарни гулюӧй менам? Спектакльыс важӧн ни помасис... Кӧн нӧ лӧбалан (Н. Дьяконов); 15. – Мун татысь, яндысьтӧм! (В. Куратов); 16. – Видза олан, вежань (В. Куратов); 17. – Но, орӧляс, кутшӧма уджалінныд? (В. Безносиков); 18. – Босьтасьӧй, босьтасьӧй, рочаканьяс (Г. Федоров).

23 удж. Сетӧм сӧрникузяясьыс торйӧдӧй шыӧдчӧмьяссӧ. На пӧвстысь торйӧдӧй субъективно-экспрессивнӧй функцияа шыӧдчӧмьяссӧ.

1. – Мунамӧй, Сеня (Н. Дьяконов); 2. – Оз ков, дедушка, нинӧм йылысь оз ков сӧрнитны талун (Н. Дьяконов); 3. – Прӧщевайтлы, мися, инӧ, красавича! (В. Безносиков); 4. – А тэ вед, гуга-бана шаньгаӧй, совхозад управляющӧялігад дас воысь дырджык гырысь начальникьяслысь синсӧ буситін-пӧръясин да нинӧм абунас ошйысин (В. Безносиков); 5. – Мам, ме тавой кык вӧлӧс йирсьӧді! Трудодень джын пасйис Ирӧй тьӧт, – ошйыся. – Пуксьы, пиук, ме йӧвла петала (Ю. Васютов); 6. – Тэ менӧ эн дивит, господин доктор. А миянлы колӧ тэрмасьны. Асья чеччавтӧдз колӧ локны гортӧ. – Гӧгӧрвоа, донаӧй, зӧв бура гӧгӧрвоа (В. Юхнин); 7. – Мунам, кукань (Н. Дьяконов); 8. – Пӧрччы туй паськӧмтӧ, мыссьы, сӧ зӧлӧта пи, а ме мыйкӧ сӧйны чукӧртышта (Г. Федоров); 9. – Тэ, Илья, эн лӧгась, – мыжапырысь чӧвтыштіс Мишка. – Тӧрыт ме вунӧді тэныд сетны Верасянь гӧснеч. Со сійӧ. Босьт (В. Юхнин); 10. – Эмӧсь, ныланӧй, эмӧсь му вылад и бур сьӧлӧма и лӧк сьӧлӧма йӧз (В. Юхнин); 11. – Эн сӧрмӧдчы, сӧ зӧлӧта! (Г. Федоров); 12. – Ӧні тай не

батыддырся кодь олөмыд миян лои, шондїбанöй! (В. Савин); 13. – Бөжтөм катша, пуксян он нин? (В. Юхнин); 14. – Тэ, Илья, пуксьы ен ув пельöсас (В. Юхнин); 15. – Вера, тэ нө мый нюжмасын? Удзöдам öд (В. Юхнин); 16. – Тэ, Анна, лун пукны лок миянö аски (В. Юхнин); 17. – Сөй, зарни шондї тэ миян, сөй, абу жаль, быдмы ыджыдджыка! (Н. Куратова); 18. – Ульяна, шöвк туг, зарни ёкмыль, көнї тэ? (В. Куратов).

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предикат // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 392.
2. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Русский язык, 1979. 296 с.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 221 с.
4. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. 2-изд., стереотип. М.: УРСС, 2002. 234 с.
5. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 334 с.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 527 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: УРСС, 2001. 367 с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. 3-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2007. 350 с.
9. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. 383 с.
10. Сабанеева М.К. О содержании понятия «модальность» // Проблемы синтаксиса простого предложения. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1980. С. 52-61.
11. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 797 с.
12. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. СПб.: Наука, 1990. 263 с.
13. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
14. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2002. 240 с.
15. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
16. Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. 275 с.

Учебное издание

В.М. Лудыкова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС
КОМИ ЯЗЫКА (ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)**

Учебное пособие

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:

ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше;
видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768
точек; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

Редактор Е.М. Насирова

Техническое редактирование А.А. Ергаковой

Корректор Н.А. Габова

1,0 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.
Подписано к использованию 22.10. 2015 г. Тираж 30 экз.

Издательский центр ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25

Тел. (8212)31-16-93, 31-03-82.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>